

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 2 (10) 2019
Выходит 4 раза в год		

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ИССЛЕДОВАНИЯ</i>	3
<i>Барсегян А. А.</i> Творческие проекты в области культуры и литературы на пространстве Содружества Независимых Государств	3
<i>Бруцкая Л. А.</i> Соликамские подкидыши: именитый человек А. Т. Ливонов (вторая половина XVIII – начало XIX в.)	8
<i>Волкова Т. Ф.</i> Книжники-старообрядцы Усть-Цилемского края: род Михеевых	30
<i>Ефименко В. П.</i> Два «Графальгара» (А. Перес Реверте и Б. Перес Гальдос)	39
<i>Пыстина О. В., Лемешко М. Д.</i> Ключевые характеристики образа власти в региональном медиадискурсе	50
<i>Тубылевич Р. Е.</i> Приемы интерпретации образа исторической личности и событий XIII–XV веков в русских исторических романах 40–50-х гг. XX века («Дмитрий Донской» С. М. Бородина, «Зори над Русью» М. А. Рапова)	64
<i>ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ</i>	80
<i>Мелихов М. В.</i> Печорский список «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.»	80
Секст Помпей Фест. О значении слов. Избранные глоссы / перевод с латинского <i>А. А. Павлова</i>	105
<i>ВОСПОМИНАНИЯ О Н. С. ДЕМКОВОЙ</i>	129
О научном Семинаре по древнерусской литературе Н. С. Демковой (А. М. Грачева (Санкт-Петербург), Т. Ф. Волкова (Сыктывкар), Э. Малэк (Лодзь–Варшава), И. Д. Казовская (Иерусалим))	130
<i>Волкова Т. Ф.</i> Учитель. Наставник. Друг	139
<i>Сведения об авторах</i>	149

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Выпуск 2 (10). 219 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;
Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;
Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор Е. М. Насирова
Верстка и техническое редактирование А. А. Ергаковой
Корректор Л. Н. Руденко
Выпускающий редактор Л. В. Гудырева

Подписано в печать 17.05.2019. Дата выхода в свет 20.06.2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 12,7. Уч.-изд. л. 15,0.

Заказ № 14. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 008

А. А. Барсегян
A. A. Barsegyan

ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СОЮЗА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

CREATIVE PROJECTS IN THE FIELD OF CULTURE AND LITERATURE ON SPACE UNION OF INDEPENDENT STATES

В статье рассматриваются новые проекты, формы сотрудничества в области культуры и литературы на постсоветском пространстве. Автор акцентирует внимание на деятельности межгосударственных организаций Содружества Независимых Государств, направленной на взаимообогащение национальных культур.

Ключевые слова: *культура, диалог культур, литература, взаимодействие, творческий проект.*

The article discusses new projects, forms of cooperation in the field of culture and literature in the post-Soviet space. The author focuses on the activities of intergovernmental organizations of the Commonwealth of Independent States, aimed at the mutual enrichment of national cultures.

Keywords: *culture, dialogue of cultures, literature, interaction, creative project.*

В декабре 1991 г., после распада СССР, на постсоветском пространстве появляются новые государства. Часть из них вошла в Содружество Независимых государств (СНГ). Появление новых государств и Содружества требовало новых отношений во всех сферах деятельности, в том числе в области культуры и литературы.

Культура является результатом преобразующей деятельности человека. Каждый народ в результате многовековой деятельности создает свою культуру, своё культурное пространство. Культурное пространство соединяет как историческую преемственность, так и настоящее социальных групп, входящих в состав данного народа. В этом основа многообразия культурного пространства и его единства, что проявляется в соблюдении традиций, ритуалов, обычаев, в жизненном укладе,

в архитектурных постройках, в проведении различных праздников, в интересах, предпочтениях и ценностях. Поскольку культура развивается, меняется благодаря взаимодействию ценностей культур и культурных систем, то можно утверждать, что взаимодействие, диалог культур способствует прогрессу. Формулируя идею диалога как основы развития культур, М. Бахтин писал: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается» [1, с. 45].

Диалог, взаимодействие, влияние и взаимообогащение являются одной из важнейших движущих сил процесса развития национальных культур. Несомненно, что без диалога, взаимодействия, влияния нет и обогащения национальных литератур. Об этом в своё время писал критик и теоретик литературы Л. Мкртчян: «Влияние, если хотите, есть условие самобытности литературы. Влияние, как прививки, способны оздоровить организм национальной культуры. И не только культуры. Япония, например, воспользовалась принципом перевода в свою науку, в свою промышленность научных и технических достижений всей современной цивилизации. Во многом этим и обусловлены столь мощный прогресс японской промышленности...» [3 с. 30–31].

Распад СССР, дезинтеграция, создание независимых государств негативно сказались на творческих контактах, процессе взаимодействия в 90-е годы XX в. В странах СНГ изменился статус языка – «дома бытия» (М. Хайдеггер), в данном случае русского, носителя информации о русской культуре. Также были нарушены механизмы социокультурной трансляции, что повлекло за собой деструкцию и дегуманизацию социальных отношений. В России и странах СНГ стали активно внедряться образцы западной и американской культуры. Исследователи О. В. Якушкина, К. А. Пшенко назвали первую половину 90-х годов XX века (1991–1996 гг.) периодом «дезинтеграции». Второй этап, проходивший с 29 марта 1996 г. по 8 декабря 1999 г., наметил иные тенденции: стало заметно стремление к творческим контактам, диалогу. В этот период происходит «восстановление нужных государствам СНГ прежних связей... в том числе и в сфере культуры... на новой основе» [4]. Важную роль в восстановлении связей сыграло подписание 29 марта 1996 г. Договора между РФ, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об углублении интеграции не только в экономической, а также и в гуманитарной областях.

Нужно сказать, что стремление к налаживанию связей, совместным творческим проектам было в первый период – период «дезинтеграции», когда появилось понимание того, что изоляция, отсутствие диалога между странами и культурами – это неправильный выбор. У государств-участников Содружества возникает необходимость в разработке новых законов о культуре, новой правовой базе сотрудничества, новых проектах. Источником правовых договоров СНГ, в том числе и в сфере культурного сотрудничества, явились Соглашение о создании Содружества, Устав СНГ,

документы о сотрудничестве в сфере культуры от 15 мая 1992 г. между её участниками, модельные законы и рекомендации Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

Несомненно велика роль Межпарламентской Ассамблеи, Совета по культурному сотрудничеству, Совета по гуманитарному сотрудничеству, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества, Министерств культуры независимых государств, общественных организаций СНГ в реализации творческих проектов. Подобная деятельность направлена на реализацию новых проектов, что способствует формированию культурного пространства стран Содружества.

Актуальность рассматриваемой проблемы не вызывает сомнения, поскольку благодаря новым формам сотрудничества, проектам укрепляются связи на постсоветском пространстве, подрастающее поколение приобщается к культуре и литературе разных народов. Подобные проекты направлены на сохранение совместных культурных достижений советской эпохи, диалог культур, дальнейшее взаимодействие и, как следствие, взаимообогащение культур.

Уже свыше двадцати пяти лет, помимо законотворческой деятельности, Межпарламентская Ассамблея СНГ (МПА), будучи открытой «переговорной площадкой», прилагает усилия к тому, чтобы страны Содружества совместно реализовывали творческие проекты в области культуры и литературы, знакомили народы СНГ с богатейшим творческим наследием своих народов. В связи с этим МПА явилась инициатором крупнейших культурных проектов на постсоветском пространстве: празднования 150-летия со дня рождения композитора Н. Римского-Корскова, (1994 г.), провозглашения в СНГ года А. С. Пушкина (1999 г.), года Санкт-Петербурга (2003 г.). В 2013 г. отмечалось 150-летие В. И. Вернадского, проводился вечер-концерт, посвященный 110-летию А. Хачатряна, а в 2014 г. отмечалось 200-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко. При помощи и содействии МПА готовятся и проводятся значимые проекты в области культуры: фестивали театральных коллективов стран СНГ и Балтии, форумы и конгрессы, конференции по вопросам культуры и развития гражданского общества и др. Важность подобных проектов оценила В. Матвиенко, Председатель Совета МПА: «...сохранение общих культурных традиций, творческое осмысление нашего богатейшего совместного наследия должно служить основой для развития единого культурного пространства Евразии» [2].

МПА СНГ сотрудничает с Советом по культурному сотрудничеству и Советом по гуманитарному сотрудничеству стран СНГ. Совет по культурному сотрудничеству стран СНГ начал свою деятельность в 1995 г. В документах Совета подчеркивается, что он «содействует формированию культурного пространства». Деятельность Совета направлена на развитие культурного сотрудничества между странами СНГ, совершенствование основ законодательства, поиск новых форм взаимодействия в области культуры. Советом проведены около двухсот национальных и международ-

ных акций, а также Конгрессы деятелей культуры государств-участников СНГ, Международные фестивали национальных искусств, интернет-мастер классы.

В настоящее время по предложению Совета по культурному сотрудничеству стран СНГ реализуется программа «Культурные столицы Содружества». Эта программа – совершенно новый ключевой проект, новая форма взаимодействия, направленная на формирование общего культурного пространства стран СНГ. Первые сертификаты культурных столиц Содружества Независимых Государств были вручены белорусскому Гомелю и российскому Ульяновску (2011 г.). В 2012 г. культурными столицами Содружества были объявлены два города – Астана (Казахстан) и Мары (Туркменистан). В 2013 г. Астана и Мары передали эстафету городам Габала (Азербайджан), Гюмри (Армения) и Могилев (Беларусь).

Даже небольшие города вовлечены в эти проекты. Так, в 2018 г. армянский город Горис стал культурной столицей Содружества Независимых Государств. Велико значение подобных проектов. Столицы принимают огромное число гостей, туристов из разных стран. Подобные проекты, проводимые в городах СНГ, как правило, включают множество акций в области культуры – выставки, концерты, творческие встречи с писателями, поэтами, художниками, выступления фольклорных ансамблей, народные гуляния, знакомство с национальными традициями, кухней и т. д. Новые проекты способствуют не только восстановлению прежних творческих связей, но и реализации новых творческих контактов, а также знакомят с особенностями культурных традиций народов, служат объединению культурных потенциалов.

Важнейшим проектом, новой формой сотрудничества стали молодёжные Дельфийские игры государств-участников СНГ. Они проводятся Национальными Дельфийскими комитетами принимающих игры стран при поддержке Исполнительного комитета СНГ, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества, Совета по культурному сотрудничеству государств-участников СНГ. Игры проводят и в России, и в других странах СНГ. В рамках Дельфийских игр отработаны соревнования по нескольким десяткам номинаций: музыкальные, танцевальные, цирковые, театральные, художественные и другие. Широко представлены современные профессии: граффити, веб-дизайн, тележурналистика, журналистика, искусство воспитания, мультипликация. Игры вносят значительный вклад в поиск молодых деятелей искусств, повышение их профессионального уровня, способствуют взаимообогащению культур. В реализации подобных крупных проектов большая роль принадлежит Министерством культуры государств СНГ, общественным организациям, творческим союзам. Активное участие в проведении проектов принимает Россотрудничество (Федеральное агентство по делам сотрудничества СНГ).

Для знакомства с общим историко-культурным наследием СНГ при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) из-

дан альбом-энциклопедия «Всемирное наследие Содружества Независимых государств». Издание посвящено 20-летию образования СНГ, охватывает значимые культурно-исторические ценности стран, показывает широкую и яркую панораму культурного наследия.

Художественная литература – часть духовной культуры, способствует гармонизации личности, развивает нравственные, эстетические качества. С 2009 г. при поддержке МФГС издательство «Художественная литература» осуществляет издание серии «Классика литератур СНГ». В основу книг легли фольклорные произведения, лирика, классические произведения, ставшие визитной карточкой культуры разных народов. Изданные тома передаются от МФГС и издательства «Художественная литература» в дар учебным и культурно-просветительским заведениям стран СНГ. Из проектов в области литературы следует остановиться на Форуме переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии. Форум проводится под эгидой Министерства культуры Армении и МФГС. Проект осуществляет Армянская общественная организация культурного сотрудничества с зарубежными странами (АОКС). Форум проводится осенью в Ереване. Деятельность форума направлена на преодоление культурной изоляции и выход национальных литератур на книжный рынок. Этому способствуют организуемые во время Форумов книжные выставки. В Ереване заложена основа Библиотеки стран СНГ и Балтии, а также вышел в свет аннотированный каталог писателей и переводчиков стран СНГ и Балтии [Ереван. Армянская общественная организация культурного сотрудничества с зарубежными странами (АОКС), Союз переводчиков стран СНГ и Балтии, 2009. 415 с.]. В рамках форума проводятся мастер-классы, семинары, чтения в ведущих ереванских вузах.

Подводя итоги, можно сказать, что новые проекты, формы сотрудничества направлены на взаимодействие, диалог культур, формирование общего культурного пространства. Этому способствует история наших стран, историческая память, общечеловеческие, нравственные ценности.

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского М., 1972. 470 с.
1. Матвиенко В. Общность исторических корней как фактор становления «Евразийского Союза» [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1280161> (дата обращения: 25. 12. 2014).
2. Мкртчян Л. М. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван: Советакан грох, 1987. 438 с.
3. 4. Пшенко К. А. Роль российских и межгосударственных организаций СНГ в формировании общего культурного и образовательного пространства: автореф. дис. ... д-ра истор. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/rol-rossiyskih-i-mezhgosudarstvennyh-organizatsiy-sng-v-formirovanii-obschego-kulturnogo-i-obrazovatelno-prostranstva> (дата обращения: 28. 02.019).

**СОЛИКАМСКИЕ ПОДКИДЫШИ: ИМЕНИТЫЙ ЧЕЛОВЕК
А. Т. ЛИВОНОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)****SOLIKAMSK FOUNDLINGS: EMITENT MAN A. T. LIVANOV
(SECOND HALF of XVIII – BEGINNING of XIX CENTURIES.)**

Статья в системной парадигме раскрывает психические, биологические и социальные системы жителей г. Соликамска второй половины XVIII – начала XIX вв. с их иерархиями, уровнями, сословными и духовными особенностями на примере симметричной антропологии подкидышей. Выявляются актуальные сущности хронотопа на примере личной и общественной жизни соликамского купца, именитого человека А. Т. Ливанова. Показаны социальные и личные условия для появления подкидышей в российском контексте. Впервые вводятся в научный оборот некоторые материалы соликамского городского архива, Вятской духовной консистории.

Ключевые слова: соликамские подкидыши, блуд в российской и региональной словесности (устной, письменной и печатной), законодательство Екатерины II и самоуправление граждан г. Соликамска.

The article in the system paradigm reveals the mental, biological and social systems of Solikamsk residents of the second half of the XVIII – early XIX centuries with their hierarchies, levels, class and spiritual characteristics on the example of symmetric anthropology of foundlings. Identifies the actual essence of the chronotope, for example, personal and social life of the Solikamsk merchant, eminent man A. T. Livanov. Social and personal conditions for the emergence of foundlings in the Russian context are shown. For the first time introduced into scientific circulation some of the materials of the city archives Solikamsk and Perm of spiritual consistories.

Keywords: Solikamsk foundlings; fornication in Russian and regional literature (oral, written and published); legislation of Catherine II and self-government of citizens of Solikamsk.

Время – щадящее зеркало;
показывает, чего мы стоим,
когда нас уже нет на свете.

А. Гельман

В советской историографии утвердилось положение, согласно которому русский город второй половины XVIII – начала XIX в. медленно, но развивался. Но у самих городских жителей сложилось мнение о застое и упадке городов: «показателями упадка городов бюрократия и сами горожане почти единодушно считали сокращение численности купечества, в особенности богатейшего, ослабление го-

родской промышленности и торговли, бедность городских сословий ...» [35, с. 3]. Министр коммерции Н. П. Румянцев в Записке об экономическом положении государства отмечал «плохое состояние» российских городов и «бедность городских сословий». Такое положение было обусловлено неправильной финансовой политикой правительства в отношении купечества и скверного общественного управления городами [35, с. 31].

Жители Соликамска, как и других городов, возникших в ходе внутренней колонизации, вынуждены были заниматься и ремеслом, и торговлей, и сельским хозяйством в зоне рискованного земледелия. На помощь извне рассчитывать не приходилось. И это наложило отпечаток на городское хозяйство второй половины XVIII – начала XIX в. В 1760-х гг. в Соликамске был голод. Его тяготы раскрывались в «Сведениях об умерших от голода по ведомству Соликамского духовного правления и установлению цен на продукты питания» (6 ноября 1764 – 27 февраля 1768 гг.) [13. Оп. 74. Д. 248]. Далее указания на листы повторяющихся дел приводятся в круглых скобках после указания номеров фонда и описи.

С. Н. Белозёров описал городскую эпидемию 1771 г.: «...с мая по Август месяц весьма померло народу, а паче престарелых и младенцев, от десяти годов и недельнаго, а болезнь была у всех: необычайной и непрестанной понос» [43, л. 24]. Городские летописи XVIII в. как источник, компилятивный по своей природе, дают возможность соединения в исследовании макро- и микроуровней: биографии конкретных людей в системе истории и культуры г. Соликамска.

«Можно говорить о прямом воздействии революции цен на города, – особо отмечает Б. Н. Миронов. – Под её влиянием во второй половине XVIII – начале XIX в. промышленная и торговая функции городов отставали в своём развитии» [35, с. 112]. Росла мобильность горожан, что способствовало изменчивости верхушки городской социальной пирамиды. Однако неизменным в историографии остаётся вывод о том, что «капиталистость» купцов повышалась и падала при жизни одного-двух поколений.

Материалы учёта населения (ревизского и церковного) позволяют составить представления о потаённой личной жизни в XVIII – начале XIX в. Ревизские сказки – посемейные списки жителей г. Соликамска. Н. А. Миненко справедливо замечает, что ревизские материалы – полный и точный источник по истории народонаселения России, но они дают заниженные данные о податных жителях [33, с. 42]. Церковный учёт тоже был не на должном уровне.

Наместник Е. П. Кашкин повелевал данные метрических книг и исповедных росписей «сочинять» гражданским властям и представлять приходским священникам: «Ежели самим приходским священникам и духовным правлениям лично от каждого дому собирать сведения, то не токмо крайнее затруднение в том предстоит, но ... могут быть разные толки и опасные последствия» [33, с. 52]. Вятская духовная консистория приказывала заказчикам духовных правлений 23 декабря

1773 – 3 февраля 1774 г. присылать метрические книги для отправки в Синод [13. Оп. 82, Д. 312, л. 1]. Таковую систему учёта населения (метрические и исповедные росписи) вело и Соликамское духовное правление, например, в деле от 14 февраля 1790 г. [13. Оп. 93. Д. 44]. Сохранилась от старосты Горбовских «о родящихся и умерших и брачующихся ведомость» [15. Оп. 2. Д. 12. № 656].

В историографии использовались по большей части общие итоги переписей [58, с. 71–72], но этот источник позволяет выявить индивидуальность человека в общем контексте его окружения. Перелом канона исторического дискурса последних десятилетий выразился в исследовании истории повседневности, изучении частных объектов общего пространства, конкретных событий и судеб. О Соликамске появилось множество сочинений в парадигме популярной культуры памяти.

Самодержавие и крепостничество негативно влияли на социальную и сексуальную жизнь российских подданных. Во второй половине XVIII в., ещё при жизни Екатерины II, роились слухи, легенды и всевозможные доказательства придворного разврата. Но императрица «...могла презирать легкомысленное злословие» [24, с. 1002]. По справедливому замечанию К. Валишевского, фаворитизм в России был тем же, что и в других странах [12, с. 547], с учётом личностных особенностей, о чём свидетельствует приватная переписка. С 1762 по 1796 г. выделяются десять официальных временщиков. Все фавориты щедро вознаграждались. Их доходы были выше, чем бюджет Соликамска за те же годы. В этом смысле, с одной стороны, Россия входила в европейский тренд, с другой – задавала общероссийский.

Вместе с тем в 1790 г. в разговоре со своим секретарём о французской революции Екатерина обвиняла «девок театральных» в развращении нравов всего народа [12, с. 577]. Она, по свидетельству принца де Линя, не терпела обсуждения в своём присутствии Петра I, Людовика XVI, религии и нравов [12, с. 577–578]. У неё были незаконнорожденные дети: граф Алексей Григорьевич Бобринский и Елизавета Григорьевна Тёмкина. «Женщина – жена и мать, – отмечает Ю. М. Лотман, – в наибольшей степени связана с надисторическими свойствами человека, с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи. Поэтому влияние женщины на облик эпохи в принципе противоречиво, гибко и динамично. Гибкость проявляется в разнообразии связей женского характера с эпохой» [30, с. 206].

Самодержавная вертикаль с присущей ей сословной спецификой имела свои особенности на каждом своём уровне: столичном, губернском, епархиальном, уездном и городском (последние рассматриваются на примере Соликамска). На всех этих уровнях господствовало двоемыслие. Об этом писал Н. М. Карамзин: «Нравы развратились в палатах и хижинах: там от примеров двора любопытного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов» [24, с. 1002]. С. Сонгаг (S. Sontag) позднее подтвердила эту оценку на европейском уровне: «XVIII век – отсутствие чувства вины; атеизм; более философский, полемический век» [49, с. 58].

Вятская духовная консистория часто издавала указы «Об отвращении от пьянства...», которые священники должны были читать каждое воскресенье [51, с. 76]. Это напоминало борьбу с ветряными мельницами. Колодник казак Сидор Казанцев г. Челябинска показал 26 февраля 1759 г. на дьячка соликамской Богоявленской церкви Николая Васильева сына Викторова в «произнесенным им, Викторовым, о закашике Соликамской Спасской церкви попе Иване Николаеве сыне Макарове непристойные слова, якобы он, закашик, имеется у блудных дел». Но Викторов на допросе в канцелярии Вятской епархии открестился от своих слов тем, что «безмерно пьян был» [13.Оп. 1. Д. 1. Л. 573].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. изменение морали ускорилося: «... люди и вещи большею частию переменялись; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною новостью; мы уже от него отвыкли ...» [24, с. 1011]. В екатерининскую эпоху возникают новые виды дуальной, сословно окрашенной морали как формы общественного сознания. Происходит их трансляция на индивидуальный уровень как усвоение индивидом известных всем моральных норм повседневности. При этом надо учитывать, что каждая «жизнь является структурированным ростом и по своей сути не может быть контролируема и предопределяема» [53, с. 43]. Дуальная оппозиция особенно явно проявлялась в дворянской среде.

Эту эпоху Ю. М. Лотман точно характеризует как «век перелома» [30, с. 161], начатый Петром – «он завершился 1812 годом» [30, с. 18]. Из двойных спален Екатерины (для себя и фаворитов) открытый эротизм перешёл из приватной переписки в рукописную и печатную литературу. Так, Г. Р. Державин заканчивает своё стихотворение «Гостю» словами: «Любовные приятны шашни. / И поцелуй сей жизни клад» [30, с. 133]. Ю. М. Лотман определяет европеизацию семьи и одежды в XVIII в. как поверхностную: «Женщина стала считать нужным, модным иметь любовника, без этого она как бы «отставала» от времени» [30, с. 213–214]. И. Ф. Богданович в версии «Душеньки» 1778 г. отразил это так: «Амур, Амур! За что ко мне ты так жесток? / Я сестр моих ничем не хуже; / Но каждая из них при муже / Нашла любовников пяток, / И может каждая по воле / Найти себе еще их боле ...» [41, с. 253–254]. Поведенческая строгость была отринута ценностным и нравственным выбором русского человека начала второй половины XVIII – начала XIX в.

В близких пределах от Соликамска, в строгановском селе Слудке, сложилась рукописная библиотека, где на первый план «выступает интерес к изменчивости человеческой судьбы, зависящей от поведения самого человека» [47, с. 17]. Вместе с повестями нравоучительного содержания, предписывающими правила поведения, переписываются заговоры и колдовские ритуалы [22, с. 179]. Например, такие: «Аще жена от мужа бегаёт, возми воробья живаго сердце и желчь дай ей незапно есть, то перестанет того чинить. Аще жена блудит от мужа своего, и ты возми волос с чела и сожги на железе в пепел, и тем пеплом помажь лоно свое и про-

буди с нею незапно, и спроста перестанет блудить» [48, с. 80]. В обиходе Пермского Приуралья XVIII в. использовался глагол «наговорить» (произнести особые слова для колдовства) [46, с. 77].

В «Повести о пьянстве и покаянии» («Повесть о бражнике») высмеивается формальное благочестие [48, с. 10]. Рукописный роман о Бове-королевиче поступил в Слудку от соликамского мещанина Данилы Корелина в 1777 г. В подобных романах, как отмечает Л. С. Соболева, формировалось новое отношение к женщине, «...к частной жизни, утверждалось значение личных переживаний...» [22, с. 180]. В составе этой библиотеки читается фривольное стихотворное переложение Д. П. Горчаковым «Декамерона» Д. Бокаччо (IV новелла пятого дня) на русские нравы [22, с. 180]. Так провинция подтягивалась к столицам в раскованности сознания по отношению к любовным страстям, по коррекции поведенческой антропологии, проявляя нелинейность в формировании своих читательских предпочтений. Интимная сфера личности, накапливая кумулятивный эффект и облекаясь в слова, выходила в публичное пространство. «Не только хронологический, но и культурно-географический охват произведений, устремившихся в головы и души русских читателей и литераторов XVIII в., был предельно широким» [30, с.129].

Для нравственного окормления паствы Вятская духовная консистория в октябре 1784 г. раздавала по церквям книжицы «Камень соблазна» [13. Оп. 87. Д. 505. 30 л.]. Во второй половине XVIII в. консистория разбирала множество блудных дел. Например, «по доношению Пермского духовного правления о прижитии господскою девкою Степанидою Яковлевою блудно младенца» [13. 91. 122]. Чуть подробнее о незаконнорождённых детях в Перми мы уже писали [4], а также в других публикациях [9, 11]. Помимо крепостных, чаще всего их рожали солдаты (особая категория российского населения). Причём наказание таких матерей было более мягким по сравнению с другими категориями женского населения. Так, на солдатку Хлыновского заказа в 1777 г. наложили только эпитимью [13. Оп. 74. Л. 755.].

Наказание плетью во второй половине XVIII в. заменялось штрафами. Заказчикам духовных правлений предписывалось: «...ежели вдова или девка, или же взятого в рекруты женка объявится беззаконно родившая младенца и том бы объявляли ... а таковым блудницам очистительные молитвы давать и младенцев святым крещением просвещать невозбранно ... заказчикам тех блудниц допрашивать, с кем они блудно воровали по охоте или по насильству» [25, с. 55]. В 1767 г. по указу Синода телесные наказания провинившихся женщин заменили умеренными эпитимьями и деньгами на богадельни при домах архиерейских.

Новый культурный миф праздника, тишины и счастья, забвения пережитых горестей (пугачёвщины и турецкой войны) конструировался в светском придворном кругу. Отчётливый эротический элемент читался в поэтическом дискурсе «Душеньки» И. Ф. Богдановича: «Любви все сердца подвластны, / И сами боги чтут

закон, / Какой устави́л Купидон, / Чтоб были все ему причастны, / Познай, красавица, любовь, / Ты счастье познаешь вновь» [41, с. 268]. Сексуальная революция екатерининской эпохи смешивала сословия через биологическую потребность соединения мужского и женского полюсов: «Половое влечение, по-видимому, может сочетаться с любым сильным чувством и порождаться им» [53, с. 138]. Это подтверждается анализом малого хронотопа – биологического времени (Х. Арендт) жителей Соликамска.

Сексуальные влечения мужской части дворянства удовлетворяли крепостные гаремы: «Семейные отношения в крепостном быту неотделимы были от отношений помещика и крестьянки» [30, с. 268]. Большинство дворян выбирало себе в жёны 12-ти–13-ти летних девиц в соответствии с указом Синода 1774 г., где женский брачный возраст понижался до 13 лет [42, с. 80]. Юная жена легче адаптировалась к особенностям поведения и сексуальным пристрастиям мужа.

Поэт В. А. Жуковский, друг А. С. Пушкина, был незаконнорожденным. Со стороны отца он принадлежал к старинной дворянской семье Буниных. Его матерью была пленная турчанка Сальха. Фамилию он получил от домашнего приживалы [30, с. 226–227]. Николай Никитич Демидов помимо детей, рождённых в законном браке с Е. А. Строгановой, признал своим воспитанником внебрачного сына [37, с. 337]. Примеры можно множить.

Но существовал и другой, имплицитный, путь становления новой морали в поведенческой антропологии, извращённой крепостной системой. Аналитика повседневности показывает, что крепостные гаремы практиковались и вблизи Соликамска, о чём свидетельствует дело о крепостных чиновника Прокофьева: «...бывший судья времен Модераха и его любимец, всякими неправдами накупил себе и приобрел из непомнящих родства людишек дворовых ... а баб и девок брал себе на потребу». Итог разбора жалобы крепостных губернатору является иллюстрацией к древней поговорке (что позволено Юпитеру, то не позволено быку): «Девок за блудодейство предать церковному покаянию». Самого же насильника, по замечанию Н. Н. Новокрещенных, «выкручивали ... суд, и палата», что отражено на 432 листах дела [38, № 103, с. 172]. Надворный советник Василий Никитин сын Прокофьев дал объяснения на жалобу своих крепостных людей 20 августа 1812 г. [14. Оп. 1. Д. 511. Л. 16–17]. Дело свидетельствует о восприятии «всех отношений как отношений между хозяином и рабом...» [49, с. 60].

Не случайно оно рассматривалось в Соликамском уездном суде. Ведь здесь работал его зять – титулярный советник И. Н. Дубровин (7 мая 1808–27 сентября 1812 гг.), а затем тут же был определён судьёй согласно сведениям формулярного списка [36. Оп. 2. Д. 198. Л. 72 об., 72 а (лист пропущен при нумерации)]. М. В. Богданов опубликовал портрет И. Н. Дубровина и ошибочно указал дату его назначения судьёй в Соликамск [2, с. 145, 143].

Малое подобие гарема завёл архимандрит Пыскорского монастыря Леонид. О нём донёс Андрей Курбатов. Он в составе команды экономического казначея Ф. Бирюкова был в Пыскоре для отвода земли под монастырское сено. Руководитель команды допрашивал жену монастырского служителя П. Мичкова Парасковью Даниловну и выяснил, что она «живет с архимандритом Леонидом». Кроме того, «крестьянская женка Анна Егорова дочь» из подмонастырской слободки «жила блудно с иеродиаконом Гавриилом, с иеромонахом Иовом и со оным архимандритом Леонидом». К нему Мичкова «девку Ксению для блуда приводила» [13. Оп. 2. Д. 23. Л. 30, 419 об.–420]. Дело дошло до Синода. Никто в Соликамск отправлен не был за дальностью расстояния. Только из Перми в Соликамск коллежскому регистратору Курбатову за 205 вёрст было выдано 20 руб. 50 коп. на прогоны [19. Оп. 1. Д. 1443. Л. 83 об.–84].

24 апреля 1767 г. Коллегия экономии просила определить к следствию кого-то из Соликамской воеводской канцелярии за неимением там представителей, кроме Бирюкова. Городская власть спустила щекотливое дело в Вятскую духовную консисторию. В ходе следствия в сентябре 1767 г. выяснилось: Анну, вдову крестьянина Проскуракова 35-ти лет, «звали к архимандриту для скроения занавески, а девку Ксению» для вязания нитяных чулок. За работу Ксения получила 40 копеек, Анна же – 2 рубля. Собратья священники постановили: «Аримандрит с нею, Анною, так и с показанною Ксениею ни по согласию, ни по насилию блудодействия не имел ... к иеромонаху Гавриилу да иеромонаху Лву, а не Якову, в кельи часто временно приходила токмо не для блуда, но ради взятыя для мытья и шитья рубашек, а вышеписанный младенец де зорожден в ней был назад тому уже пятой год...» [13. Оп. 2. Д. 23. Л. 67 об.].

Духовных следователей не смутило, что Анна и Ксения пили вино и ушли из монастыря в третьем часу ночи. Поскольку следствие велось на кошт консистории архимандрит Леонид был оправдан (л. 437–437 об.). Не случайно Е. Н. Полякова выявила слово «любоплотный» (человек, угождающий плоти, телу) в актах Пыскорского монастыря [46, с. 44]. Консistorские служители заключительным вердиктом подтвердили определение содержания понятия «корпоративность»: в широком смысле оно включает осознание собственной личности, осознание своего общественного статуса и ценностных ориентаций. Они не вынесли сор из избы.

Внебрачным сыном И. Ю. Трубецкого был И. И. Бецкой. Он встречал Екатерину, когда та невестой приехала в Россию. А 10 июня 1763 г. в Москве он представил ей первый либеральный доклад об учреждении Воспитательного дома. Та поддержала проект. Затем он получил полномочия преобразователя благотворительных и учебных заведений [50]. Он был обласкан императрицей, которая «хотела (или делала вид, что хочет) осуществить далеко идущую образовательную программу. Она носилась с широкими воспитательными проектами – с идеей создания совершенно нового человека» [30, с. 250]. В русле таких нововведений Соли-

камская школа была преобразована в малое народное училище. Здесь обучались 22 ученика [59, с. 9].

В собственноручно написанном Екатериной «Наказе» слово «добродетельность» и производные от него читаются в числе ключевых понятий. В 1782 г. принят «Устав благочиния, или полицейский», рассчитанный на горожан, он недалеко ушёл от «Домостроя». В нём был специальный раздел «Правила добронравия», где основой семейной жизни признавалось главенство мужа над женой и родителей – над детьми. «Представления о целесообразности и важности бюрократической регламентации образа жизни, – справедливо замечает С. О. Шмидт, – о существенном значении бумажного производства достаточно крепко проникают в сознание дворянства, во всяком случае, его верхов и лиц, связанных с канцелярской службой» [60, с. 46].

Политика правительства до 1770-х – 80-х гг. предопределила пассивность городских верхов. Б. Н. Миронов отмечает своеобразие городского слоя в России, «...замедленность развития городов в почти тысячелетний период её истории – в период феодализма» [35, с. 3]. Городская кормилица, соляная промышленность г. Соликамска сбавляла обороты.

Системный сбой в жизни А. Т. Ливонова наступил после смерти М. Г. Суровцова, 14 декабря 1786 г. [45, с. 196]. Уже 16 декабря градской глава Саратовский назначил выборы двух человек для описи его имущества [15. Оп. 2. Д. 40. Л. 669]. В это время Ливонов был бургомистром. Дети Григория Акинфиевича Демидова – Александр, Пётр и Павел – заявили свои наследственные права через приказчиков. И пошла писать губерния. Замечу, кстати, что Александр Григорьевич Демидов состоял в переписке с пермским губернатором Е. П. Кашкиным [21. Оп. 1. Д. 28].

Началось длинное и долгое дело: «Об отдаче бывшего в Соликамске соляного промышленника Максима Суровцова с движимого и недвижимого имения во владение дворянам Демидовым по наследству. 1-я Суровцова имение 703. 2-я кладбищенской церкви 966. 3-я Савина Малгина жены ево Пелагеи имение – 980» [15. Оп. 2. Д. 41. Л. 906]. В жалобе сообщается, что Суровцов умер 15 декабря 1786 г., «его жена Федора Павлова, родная тетка Демидовых» (№ 64, л. 262–263).

10 марта 1793 г. очередную жалобу от Александра, Павла и Петра Григорьевых Демидовых «писал Суксунского Александра Григорьевича Демидова завода служитель Павел Савельев сын Китаев. Алексей Иванов сын Серебренников руку приложил» (л. 963).

Поверенный жёстко продолжает: «Но помянутый Ливонов, не уважая того определения, изъясненного в предписании данного ему наставления и презрев благодеяния во всю жизнь ему оказанныя от Суровцовых, отважился с тех ящиков самовольством своим печати сорвать и положенные тут бумаги разсматривать, следовательно предполагать можно, что некоторые из числа оных и себе присвоил, в чем он Ливонов по избличению моему во время списывания присутствующими

особами разных письменных документов и сам публично уже признался и за оное по приносимой от меня пермскому наместническому правлению жалобе отдан к законному суждению» (л. 962 об.).

Он обвиняет опекуна наследственного имущества: «...Ливонов состоял реченному Суровцову по разным купецким обращениям должным с прибавкою двумя тысячами рублей, чему уповательно и документы имелись и оные должны бы быть хранимы непременно в числе тех же собранных в ящики бумаг, однако ж на самом деле, при описывании письменных дел таковых документов не оказалось» (л. 962 об.–963). Обычно опекун получал 5 % от цены имущества. Ещё 1 декабря 1786 г. (№ 461) Ливонов в городовой магистрате заявлял «о засвидетельствовании ответного письма, данного ему промышленником Суровцовым» (л. 728). Он быстро принимал решения в условиях изменений. Оперативно назначил сторожа в кладбищенскую церковь.

В соответствии с процедурой в Соликамске опись наследства составляли представители дворянской опеки и Соликамского сиротского суда «после смерти живущего в Соликамске московского купца и соляного промышленника Максима Суровцова» 15 декабря 1786 г. (л. 906–929 об.). Были описаны «к Богоявленской церкви на углу две каменные кладовые палаты». В них – много икон (л. 906–908 об.), серебряной посуды (л. 908–910 об.), одежды (л. 912–914) и др. Обращает на себя внимание то, что объем текстов с описанием икон больше, чем с описью серебра.

Особое внимание к этому металлу не случайно в условиях девальвации рубля. Например, соликамский купец Л. Н. Суятин 17 октября 1774 г. в счёт долга (500 руб.) заложил серебряную посуду, «...а имянно одна солоница высокая с тремя ношками два подноса один круглой на ношках а другой сырчатой один укусник золоченой одна сахарница одна перешница три стакана под золотом внутри три стокана чеканные пять стоканов с подденышками одна крушка золоченная с ношками два стокана медовых разных один болшей стокан резной же пять колпаков болших» [17. Оп. 1. Д. 2. Л. 21].

Также была составлена опись «имеющимся покойного соляного промышленника Максима Суровцова при домовой ево канторе разных прошлых годех и о разных делах письменным книгам и делам и какие именно из них по смерти Суровцова отданы были от сиротскаго суда для справок к промысловому действию и опекуну Ливонову, а затем оставшиеся в кладовой оного ж Суровцова палате ... в разных ящиках проразобранные...» сиротским судом вместе с городничим Смародинным под присмотром А. Т. Ливонова (л. 930–964 об.).

В кладовой палате хранился уникальный архив промышленников. В нём были представлены: деловые книги в кожаном, холщёвом (крашенина) и бумажном переплетах; 346 номеров. Это деловые бумаги – контракты, письма, расписки, векселя, копии квитанций, обязательства, указы и др. XVIII в. (л. 935), а также старинные кабалы. Здесь же находились доверенности А. Т. Ливонову 1782 и 1783 гг. от

М. Г. Суровцова (л. 937 об., 939). «Да сверх тех сказок ещё самых древних лет оказались партикулярные письма, домовые записки, книжки и прочие мелочные дела по долговременности тленные и драные. По пересмотрению в присутствии общем и господ Демидовых поверенными никакой в них надобности в исполнении не имеющей, ко отписанию в опись не предусмотрены, затем к вечному тлению оставлены, кои в четыре короба и в три ящика положены и приняты поверенными» (л. 935). Уникальный купеческий архив оказался не востребованным.

А. Т. Ливонов попал под демидовский замес: «...ныне имянитой гражданин прежде бывший крепостной вышереченной солепромышленницы Федоры Суровцовой и мужа её Максима промысловый работник, значющийся по ревизским 1763-го года скаскам, из числа незаконнорожденных и подкидышей Акинфей (по приложенному потом в скасках 1782-го года наименованию) Трофимов сын Ливонов, с тем, чтоб имел он одно толко управление относящееся к безостановочному солеварения течению для чего и приличные сему писменные дела ему отданы ...» (л. 962). Серебряная посуда и важные бумаги были сданы на хранение опекуну Ливонову до прибытия наследия.

Был составлен «реэстр имеющимся во владении Суровцовым сенным покосам» (л. 962 об.–964). Опись Соликамского сиротского суда вели выборные граждане от купечества и мещанства, свидетели от Соликамского духовного правления: иереи Троицкого собора Григорий и Андрей и поверенного Демидовых Алексея Иванова Серебренникова. Они описали кладбищенскую церковь жен мирносиц (л. 966–977). При этом Серебренников объявил присутствующим, «...что она церковь коштом и старанием выстроена показанного Суровцова и имеются во оной положенные им Суровцовым для лучшего сохранения некоторые из имения ево вещи...» (л. 966). В числе церковного имущества описаны: «Грамота на построение церкви с печатью восковою от преосвященного господина Лаврентия, епископа Вятского 1776-го году июля 11 дня» (л. 967 об.); синодик и «в тетратке житие писано скорописью блаженного Симеона» (л. 975 об.).

Соликамский городской магистрат в том же журнале особо отметил: «...Ливонов по довериям реченного Суровцова в поставках соли и в получениях по расчетам в канторе и в передавании денег возложении исправлял усердно и отменно добропорядочно и делами своими порешился, в том свидетельствует данное ему Ливонову от него Суровцова учетное письмо, заявленное здесь в магистрате и записанное в книге прошлого 1786 года декабря 5 дня под № 490-м» (л. 263 об.). Горожане в этой дуальной оппозиции выбрали сторону Ливонова по принципу своя рубашка ближе к телу.

Они не изменили корпоративным ценностям как основе соликамского общества. И своих не выдавали: «...для большинства людей здравый смысл и реальность есть не что иное, как всеобщее одобрение» [53, с. 85]. Прочитанный фрагмент документа описывает общую систему отношений в Соликамске второй

половины XVIII – начале XIX в. Ливонов органично вписался в элитную социальную группу. Она «...не только имеет, но и сознает цель в деятельности и самого своего существования, обладает как необходимыми для совместной жизни и работы знаниями и умениями, навыками и традициями, так и способами поддержания и выражения группового единства» [34, с. 43]. Купеческая верхушка города как живая система активно создавала собственный конкретный мир, обусловленный ее уникальной организацией. Ливонов был не последней спицей в этой колеснице. Он обладал мастерством переговорщика.

В ответ на обвинения демидовских приказчиков была дана копия из журнала Соликамского городского магистрата: «...хотя именитой гражданин Ливонов в купечество здешнее из дворовых бывшего промышленника Суровцова, точию тех прописанных в жалобе изречений, как то незаконнорожденного не значится, ко обданном ему Ливонову по смерти Суровцова в апеку имения и о снятии им же печатей производимое дело решено, по которому он Ливонов ни в чем виновным не оказался» (л. 263 об.). Об этом объявлено А. И. Серебренникову по указу из Пермского губернского магистрата от 20 июля 1789 г.

По поручению Пермского наместнического правления от 13 августа 1790 г. регистратор Дружинин направил из соликамского уездного казначейства в соликамский уездный суд «Ведомость о разборе архива» г. Соликамска (27 июля 1793 г.). В ней сообщал: «...ревизские сказки и переписные книги 1722, 1717 и 1762 гг. ... по делам не значатся, почему и примечательно, что они в бывшей соликамской воеводской канцелярии имелись при подушном зборе следовательно при устройении Пермского наместничества и по уничтожении воеводской канцелярии поступили они в уездное казначейство без всякой описи и хранились до сих пор по нежданности при смене казначеев от одного другому почти безгласными и в совершенном беспорядке и из коих некоторыя столпы как из примечания видно будучи от недосмотру разбиты на тетради и листы так что при подбирании оных по номерам не оказалось многих тетрадей и листов...» [13. Оп. 2. Д. 2. Л. 36–37].

Соликамский городской магистрат определил к разбору своих дел 1781–1790 гг. Петра Труфакина. 21 марта 1794 г. он докладывал: «...осталось ненайденными по тем годам еще не малое количество ... прилагал всевозможное старание, но найти оных уже возможности не предвижу» [15. Оп. 2. Д. 88. Л. 259]. Были обработаны архивные дела по 1781 г.

В Соликамском городском магистрате под № 225 от 6 июля 1787 г. зафиксировано сообщение из Соликамского духовного правления. В нём сообщалось «о присылке из общества одного человека о бытии при описи загородной кладбищенской церкви». Вместо Ливонова должен был присутствовать служитель Михаил Матушкин [15. Оп. 2. Д. 45. Л. 42–42 об.]. 30 июля при составлении описи доверено быть мещанину Данилу Лапину (л. 44). Опекун был отстранён в связи с подозрениями демидовских приказчиков в его нечистоплотности или был в отлучке.

В том же деле под № 376 от 18 ноября 1787 г. представлено доношение от А. Т. Ливонова «о выборе на место ево ко кладбищенской церкви в старосты» другого [15. Оп. 2. Д. 45, л. 728]. Ранее, 26 мая 1787 г., Соликамское духовное правление уведомляло магистрат об ассигновании на содержание кладбищенской церкви и предлагало на должность её старосты А. Т. Ливонова [15. Оп. 2. Д. 44. Л. 654–654 об.]. В свою очередь магистрат сообщил в духовное правление, что купец Акинф Ливонов вступил в управление этой церковью (л. 655). Мещане упростили его стать старостой (л. 376–377). Отказ от исполнения обязанностей старосты обусловлен жалобами поверенных братьев Демидовых. Приказчики действовали и излагали факты в эконоцентричной (денежной) логике.

Они продолжали гнуть свою линию. 9 сентября 1790 г. из Соликамского духовного правления в городской магистрат поступили сведения о том, что «находящийся при загородной кладбищенской святых жен мироносиц церкви старостою, упоминаемого магистрата бургомистр Акинф Ливонов» не вел книги «к шету» в 1789 г.» [15. Оп. 2. Д. 60. Л. 38 об.–41]. А затем, 18 сентября, последовало «Сообщение из Соликамского духовного правления о присылке для оценки хранящихся в кладбищенской церкви ... вещей оценщиков» (л. 72–73).

Описание состоялось 30 сентября 1790 г. При оценке вещей из суровцовского имения тут оказались купцы А. Т. Ливонов и И. С. Лапин [10], сменивший его на посту бургомистра (л. 103, 104, 249–250 об.). Хорошая иллюстрация к поговорке: рука руку моет. В 1788 г. капитал Лапина был в долгу у Ливонова за поставку соли по контракту с Вятской казённой палатой о поставке соли в города Вятского наместничества [15. Оп. 2. Д. 49. Л. 605–611]. Конечно, бургомистр Ливонов все нужные бумаги подписал.

Особое положение кладбищенской церкви подтверждалось 29 января 1791 г. Тогда соликамское купеческое и мещанское общества постановили, чтобы прихожане сами выбирали приходских старост за исключением церкви жён мироносиц [15. Оп. 2. Д. 64. Л. 151]. В этой церкви была памятная доска, посвящённая М. Г. Суровцеву. Здесь он и похоронен [27].

В авторском списке соликамской летописи Богоявленской церкви С. Н. Белозёрова под 1777 г. приводится рассказ о строительстве кладбищенской церкви: «На отводном суровцовском поле кладбищенская церковь во имя святых и равноапостольных Жен мироносиц заложена и строение происходило тщанием и капиталом Соликамского соляного промышленника Максима Суровцова вдовствующего. Подрядчик сего каменного строения иконостав и столярной работы мещанин Иван Горбовский с детьми, а святые образа местные в иконостав писал Петр Рязанцов с товарищи: пономарем Семеном Белозеровым и мещанином Иваном Швецовым и онай церкви по совершению по просьбе онаго Суровцова и всего гражданства, по указу его преосвященства Лаврентия, епископа Вятского и Великопермского освящена в 1779 году и службу отправляют от двухприход-

ских церквей с получением награждения от господина Суровцова повседневно» [43. Л. 26].

Под 7288 (1780) г. он писал: «Маия 3-го дня на кладбище церковь освящена во имя святых жен мироносиц при рачителе Максиме Григорьевиче Суровцове» (л. 27). Это краткий рассказ очевидца и участника работ и служб в кладбищенской церкви. В. Н. Берх ошибочно отнёс строительство этой церкви к 1780 г. [1, с. 36].

С. Н. Белозёров был духовником Ф. П. Суровцовой [9]. По метрической книге Богоявленской церкви, хранящейся в Соликамском краеведческом музее [45, с. 196], а также по его записи в той же летописи смерть М. С. Суровцева произошла на день раньше, чем она указана в делах о наследстве Александра, Павла и Петра Григорьевичей Демидовых: «7294. 1786 декабря 14 числа преставился Соликамской соляной промышленник Максим Суровцов и по его умертвии пресеклась фамилия Суровцова а в дом и содержания промысла соляного по наследству вступили племянники Федоры Павловны Суровцовой жены ево господа Демидовы» [43. Л. 32].

М. Г. Суровцев был женат на сестре Настасьи Демидовой [5; 56, с. 11, 13; 55; 57, с. 100, 136, 137] – Федоре Павловне Суровцовой. Н. М. Савенкова и Н. В. Мелкомукова в примечании 23 переиздания «Путешествия ...» В. Н. Берха ошибочно указывают, что Ливонов был управляющим М. Г. Суровцова до 1781 г. [1, с. 19]. Приведённые документы исправляют эту опisku.

Те же комментаторы сообщают: «Суровцов (Суровцев) Максим Григорьевич (1720–1786) – последний представитель династии купцов-солепромышленников. Был приписан к московскому купечеству, входил в кружок издателя Новикова, был приятелем А. С. Строганова. В конце жизни М. Г. Суровцев поселился в Соликамске, купив для жительства Дом воеводы. Построил церковь жен мироносиц, в которой и похоронен» [32, с. 37]. То же повторил Г. А. Бординских, ошибочно отнеся похороны М. Суровцова к 1781 г. [3, с. 75]. Это опечатка, так как в другой энциклопедической статье он указал 1786 как год смерти Суровцова [3, с. 218].

К сожалению, я вынуждена остановиться на своих и чужих ошибках по отношению к сёстрам Суровцовым. Так Н. М. Савенкова пишет после описания свадьбы 1731 г.: «Спустя два года, П. И. Суровцов выдал замуж и вторую дочь, Федору...» [45, с. 195]. В реальности П. Суровцова уже не было в живых [6, с. 75]. Этот факт В. Н. Берх не включил в свою компиляцию соликамских летописей. Но описание свадьбы Настасьи и Григория Демидова под 1731 г. взял из Арефинского летописца [1, с. 281]. Н. М. Савенкова и Н. В. Мелкомукова в примечании 492 замечают: «В копировании летописи произошла ошибка, от неправильного прочтения подлинника» [1, с. 281]. А. С. Черкасова ошибку в написании имени Настасьи тоже приписывает летописцу [57, с. 1].

Я, как и другие авторы, поклоняясь авторитету В. Н. Берха, повторила его ошибку в имени жены А. Г. Демидова. В действительности в авторском списке Арефинского летописца [7] в просторечном имени Настасьи плохо читаются две выносные буквы «с» [44. Л. 30]. Здесь важен вывод Н. В. Логуновой: даже на рубеже XVIII–XIX вв. городское просторечие «...было общей практически для всех условий формой устной речи, поскольку устная разновидность русского литературного языка еще не была сформирована» [29, с. 135]. Почерк Н. С. Арефина оставляет желать лучшего. Но сведения его о Суровцовых точны. Я уже цитировала их в описании смерти Павла Суровцова и его жены Агрипены в 1728 г. [6, с. 75]. У нас нет никаких оснований не доверять Арефину, описавшему свадьбу Федоры с И. Иконниковым под 30 июля 1733 г. [44. Л. 35]. О его смерти Арефин сообщает: в 1744 г. «...помре на Москве на сырной неделе в пяток» (л. 35).

Дело о наследстве тянулось долго. 13 июня 1817 г. в Соликамске был получен печатный указ из губернского правления «о взыскании с именитого гражданина Ливонова и прочих должных соликамской кладбищенской церкви денег» [15. Оп. 1. Д. 50. Л. 151].

Сам Ливонов во всех выявленных документах называл себя только – Акинф – и так же подписывался. Его фамилия необычна для Соликамска. Она выводится от имени Ливан или сокращённой формы старинного имени Ливаний (от страны Ливан). Не исключается и семинарское происхождение – от церковно-славянского «ливан» – ладан или от страны Ливан, где рос почитаемый христианской религией кедр ливанский. Из него добывалась ароматическая смола, употребляемая в богослужении [52, с. 59]. В книге протеста векселей Соликамского уездного суда обнаруживается *Трофим Ливонов*. 7 апреля 1787 г. он дал займы 200 рублей [17. Оп. 1. Д. 11. Л. 70 об.–71].

А. Т. Ливонов родился в 1749/50 г., умер, как сообщает Г. А. Бординских, после 1820 г. [3, с. 121]. В ревизских сказках г. Соликамска 1795 г. имеются сведения о его семье по двум последним ревизиям: «Акинф Трофимов сын Ливонов 33–46, у него жена Вера Иванова дочь, взятая Соликамской округи крестьянина Дементьевых 29–42. У них дети, написанные в последнюю ревизию. Алексей 3 умер в 1782 г. Дочь Евдокея выдана в замужество за верхотурского купца Якова Ентальцова 8. Рожденные после ревизии Николай 5 Дочери Анна 8, Полинария полугода Да воспитанник подкидыш Иван 7» [268.1. Д. 10. Л. 36], позднее он сбежал. Жена Ливонова во время частых отлучек мужа, особенно весной – осенью, управляла домом сама. Будучи семейным актором она могла создать ситуации, провоцирующие побег воспитанника. Тут была виновата и подростковая неуёмность. Чужая душа – потёмки.

Принятие подкидышей в семье как равноправных членов – повседневные городские практики. Этот вывод косвенно подтверждается составом семьи соликамского купца И. С. Лапина. В ней воспитывалась не помнящая родства Лукерья, вы-

данная в замужество [20. Оп. 1. Д. 18. Л. 23]. Подобные ей беспризорные дети 5–6 лет и подростки «кормились милостыней до возраста» [54, 95].

По тем же сказкам подкидыши воспитывались в семьях соликамских иконописцев. У И. Рязанцева и его жены Дарьи Борисовой дочери была на воспитании годовалый подкидыш Анна. В семье И. С. Швецова – подкидыш Меланья 9 лет (л. 77 об.). У И. П. Белозёрова и его жены Маремьяны Дементьевой дочери жил «подкидыш Яким 8, с 1793 года в бегах» (л. 201 об.).

Делами о подкидышах занимался В. Н. Берх, будучи советником Пермской казённой палаты по хозяйственной части. В 1819 г. он вёл расследование о причислении в число соликамских мещан «подкинутого к дому солдатской жены Безсоновой мальчика Никифора» [15. Оп. 1. Д. 50. Л. 232, № 509].

Как показывают ревизские сказки, Ливонов в своей вертикальной мобильности поднялся снизу вверх, изменил в сторону повышения социальный статус и возвысил жену-крестьянку до положения купчихи. По замечанию Б. Н. Миронова, «... женщины участвовали социальной мобильности почти исключительно вместе со своими мужьями и отцами, главным каналом вертикальной мобильности для них служил брак» [35, с. 136]. К Соликамску применим вывод немецкого историка Р. Козеллека: «Новое время» должно было восприниматься как «новое» ещё и потому, что отличалось ускоренным изменением опыта» [26, с. 26].

По выявленным документам установлено, что А. Т. Ливонов избирался бургомистром Соликамского городского манистрата в 1788 г. Градской глава Коршунов сообщал «о достоинстве в бургомистры купца Ливонова» [15. Оп. 2. Д. 48. Л. 101]. В деле имеется присяжной лист с его присягой в Соликамском Троицком соборе при протоиерее Симеоне (л. 104). Она обставлялась в привычной для горожан форме зрелищ. Текст присяги из архива Соликамского краеведческого музея (без её датировки) опубликовали Н. В. Мелкомукова и Н. М. Савенкова [32, с. 48]. В этой выборной должности Ливонов оставил свой автограф 20 июня 1789 г. [15. Оп. 2. Д. 54. Л. 24].

Новое местное управление стоило очень дорого, но даже в условиях хронического дефицита государственного бюджета императрица решила на эти расходы. По городовому положению 1785 г. на выборные должности могли претендовать лица, достигшие 25 лет с капиталами не ниже 5 тысяч рублей, владевшие недвижимостью. Смена бургомистров происходила один раз в три года. Вместе с тем М. П. Павлова-Сильванская отмечает: выборные горожан «становились простыми техническими, к тому же малозначительными, исполнителями воли правительства» [39, с. 481].

В 1811 г. Ливонов был градским головой [15. Оп. 1. Д. 260. Л. 39] и председателем сиротского суда согласно уставу благочиния 1782 г. В него входил «своего рода всеобщий моральный кодекс, приписывавший правила поведения гражд-

данина» [23, с. 38]. Одной из функций этого полицейского учреждения являлось признание подкидышей.

В соответствии с екатерининскими реформами А. Т. Ливонов управлял Соликамском как целостно-противоречивой сословной системой. Екатерина II ввела единообразное управление городами. «Особенно заботило императрицу третье сословие, – отмечает А. Б. Каменский, – роль которого в создании баланса социальных сил была вполне ясна прилежной ученице французских просветителей. ... она, кроме того видела, что среднее сословие ещё не существует, и именно законодательным путём намеревалась его сотворить» [23, с. 35]. В 1760-е гг. была постепенно ликвидирована монополия «указных» фабрикантов в отдельных отраслях промышленности, значительно упрощён порядок создания новых предприятий. В 1775 г. «всем и каждому» было дозволено самостоятельно открывать новые производства. Указ 1780 г. закреплял частную собственность на фабрики.

В марте 1775 г. был установлен более высокий, чем прежде, имущественный ценз для записи в купечество. В 1785 г. ценз был повышен ещё в 2 раза. В 1785 г. вступила в силу «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Купцы I и II гильдий освобождались от телесных наказаний. Биография А. Т. Ливонова показывает, что в его персональном случае среднее сословие («средний род людей») состоялось.

Сохранились сведения об его деловой активности. 10 июля 1784 г. Я. А. Блинов обязывался «заплатить Акинфу Трофимову сыну Ливонову купцу города Соликамска» 14 руб. 50 коп. по векселю [17. Оп. 1. Д. 11. Л. 22 об.]. 18 марта 1785 г. на Вятке казанский купец Головизнин зафиксировал обязательство «заплатить в городе Казани соликамскому купцу» А. Т. Ливонову 150 руб. (Л. 39). 15 июня 1785 г. в Саратове А. Т. Ливонов принял подлинный вексель на 100 рублей, о чём и подписался, от чердынского купца Михайла Григорьева сына Горохова (л. 43 об.). В 1790 г. Ливонов взыскивал 657 руб. 32 коп. с чердынского мещанина Киприяна Валуева [15. Оп. 2. Д. 59. Л. 332–345 об.].

Согласно ведомостям о купеческих капиталах, А. Ливонов в 1789 г. заявил его в размере 14325 руб. и уплачивал сбор с него – 143 руб. 25 коп. [20. Оп. 1. Д. 3. Л. 30–31]. «Всего душ в Соликамске 1146. С них доходу 229 р. 28 к.» (л. 36). В 1791 г. в городе было 17 купцов, из них 6 входили в I гильдию. Ливонов с сыном Николаем объявил капитал – 10050 руб. [20. Оп. 1. Д. 5. Л. 47. 49]. В 1792–1794, 1796 гг. – 10099 руб. [20. Оп. 1. Д. 6. Л. 35; Д. 7. Л. 60 об.; Д. 8. Л. 57; Д. 11. Л. 28]. Но с той же суммой капитала он считался купцом III гильдии и платил удвоенный сбор. В 1795 г. он снова состоял в I гильдии, а через год – в третьей [20. Оп. 1. Д. 9. Л. 35 об.; Д. 12. Л. 56 об.]. Капиталы становились фиксацией имиджа купца в новой реальности.

Отсутствие стабильности было обусловлено инфляцией и девальвацией, сильным ростом цен на сельскохозяйственные товары и общими купеческими рисками

в целом. Сбор 1 % с капитала свидетельствовал о развитии буржуазных принципов обложения горожан. Кроме того, взималось множество пошлин с разного рода сделок. В 1775–1821 гг. по подсчётам Б. Н. Миронова «...трижды возрастал имущественный ценз для записи в купечество любой гильдии и в 9 раз гильдейский сбор, вследствие чего искусственно уменьшалось общее число купечества, а внутри купечества – число купцов первых двух гильдий» [35, с. 165]. При этом цены выросли в три раза, ассигнации обесценивались.

11 декабря 1791 г. Ливонову выдан аттестат на три с половиной тысячи рублей, в соответствии с которым он мог вступать «по вызовам казенных палат в разные подряды» [15. Оп. 2. Д. 66. Л. 379]. Годом ранее купецкий поверенный Г. Шибанов уведомлял, что Ливонов согласился перевозить железо из Лысьвенского монастыря при условии крупной партии [15. Оп. 2. Д. 60. Л. 379–380].

В маклерской книге был зафиксирован договор 20 марта 1794 г. А. Т. Ливонова, соликамского купца первой гильдии и именитого гражданина, с крестьянами Пыскорской волости о починке судна [16. Оп. 1. Д. 214. Л. 154]. Устав купеческого «водоходства» был принят в 1781 г. Ливонов внёс свою лепту в речные перевозки и судостроение. Его суда ходили по окско-волжской водной системе. В целом по России численность вольнонаёмных рабочих по подсчётам В. К. Яцунского выросла с 1760-х гг. до конца века в судостроении – на треть, в работе на судах – со 120 до 200 тысяч человек [61, с. 95]. Соответственно умножилась и торговля.

В 1789 г., когда Ливонов был бургомистром, в городском магистрате составлялась ведомость о ценах, как и в другие годы XVIII – начала XIX в. В Соликамске революция цен отразилась в ведомости о торговых ценах за январь. Продавали муку (ржаную, пшеничную, ячневую и овсяную). Крупу – ячневую, просяную и овсяную, а также солод, мёд и масло. Причём постное масло стоило 3 руб. 50 коп, а коровье – 3 руб. 20 коп. за пуд. Картошки на рынке не было. Можно представить себе стол в семье Ливонова. На соликамском рынке продавались пудами: свежая рыба (осетрина, язи, щуки и стерляди) и солёная (сёмга – засольная и лосалая, нельма, сиг и хариусы), а также свежая говядина и сало говяжье [16.2.56. Л. 2–2 об.]. Ведомости о ценах Б. Н. Миронов относит к массовым источникам и отмечает: «Рост хлебных цен на протяжении второй половины XVIII в. коренился в общем изменении экономического строя, выражавшемся в растущем разделении труда. В быстром росте промышленного производства, стремительно расширявшем рыночный спрос на сельскохозяйственное сырьё, и в соответствующем росте промышленного населения, предъявлявшего спрос на рыночный хлеб» [36, с. 12].

В тот же год процентные деньги, собранные с купеческих капиталов в Соликамске, составляли сумму 1327 руб. 35 коп. (Л. 35). А. А. Космовская отмечает высокую собираемость налогов в Соликамске. Местная администрация успешно работала с налоговыми агентами [28, с. 85]. Так, исторический синтез позволяет объединить в целостность идеальное и материальное.

Тогда же, 1789 г., Ливонов объявил свой капитал (9185 руб., а если его поручительские суммы будут свободны, то – 14525 руб.) для получения аттестата от Соликамского магистрата [16. Оп. 2. Д. 56. Л. 64]. В том же деле сохранилась копия его паспорта «для купечества в разные российские и сибирские города» (л. 1151). На следующий год он объявил капитал и просил поместить его в гильдию (л. 1519). Даже временный отъезд с места проживания более чем на 30 вёрст разрешался только при наличии паспорта. Его выдавали после уплаты всех сборов и податей. В декабре 1802 г. указом их Пермского губернского правления предписывалось снабжение владельцами судов караванных крепостных крестьян именными регистрами с описанием примет, подтверждённых земским судом, а людей по найму – паспортами [18. Оп. 7. Д. 2. 5 л.].

В 1790 г., когда Ливонов был бургомистром, Соликамский нижний земский суд разбирал его дело о принятии «...им на соляные суда в работу без паспортов Городищенской волости крестьян...» [15. Оп. 2. Д. 59. Л. 242–245]. Он действовал по принципу: копейка рубль бережёт. Но такие мелочи не могли остановить деловую активность Ливонова. 26 июня того же года он подаёт доношение о регистрации копии указа Пермской казённой палаты о разработке найденного рудника (л. 223). Деловая активность Ливонова свидетельствует о внутренне определяемом самодвижении, о постоянной мотивации к достижениям и высокой интеграции саморегуляции как метапроцесса. Он отважно входил в новое поле проблем и решал их. Степень успешности принято считать объективным критерием конкурентоспособности человека. Ливонова отличала жизнестойкость как особый паттерн установок и навыков, которые позволяют превратить стрессогенные жизненные события в личностный потенциал роста. Он поднялся с положения дворового мальчика до привилегий именитого человека, используя для этого не всегда легальные способы достижения собственных целей.

В 1804 г. в «Книге записей представленных к свидетельству разных писем как то доверенностей» под № 20 за 24 августа «явил к свидетельству господин имянитой гражданин и рудопромышленник Акинф Ливонов» [15.1. Д. 273. Л. 10 об.–11 об.]. В том же деле фиксировался факт оскорбления А. Т. Ливонова бывшим управителем Пыскорских заводов Хрисанфовым (л. 11 об.). Купец требовал ответственности за бесчестье, проявив социальную эмоцию – гордость.

В отличие от других горожан купеческое достоинство подчёркивалось государственной регламентацией: именитые граждане имели право запрягать в карету четвёрку лошадей. Стимулом к торгово-промысловой активности было право на внутренний розничный и оптовый торгов, освобождение от натуральной рекрутской повинности, а первых двух гильдий – от телесных наказаний. А. Т. Ливонов чётко осознавал своё место в социальной иерархии. Организация гильдейского купечества оформилась в период реформ 1770–80-х гг. Ю. М. Лотман точно подметил:

«Практическая деятельность из области «низкого» была поднята на самый верх ценностной иерархии» [30, с. 39].

В 1804 г., будучи бургомистром, А. Т. Ливонов подписал дело об опекунстве. Дело Соликамского городского магистрата об опекунстве обнаружено в россыпи ГАПК, не вошедшей в утверждённые описи. В 1811 г. он был градским головой [15. Оп. 1. Д. 260. Л. 39]. Его избрало городское собрание. Будучи председателем сиротского суда и на практике, воплощал популярную тогда идею о воспитании новой породы людей. Его биография – реальное подтверждение успешности реализации идеи Екатерины II о становлении «среднего рода людей».

Уникальный архив Суровцовых полностью не сохранился. В. Н. Берх особо отметил: «Соликамский именитый гражданин Акинфий Трофимович Ливонов, которому обязан я за большую часть помещённых здесь известий, доставил мне письменный отрывок, по которому видно, что город начал существовать в половине XV столетия. ... В упомянутом отрывке сказано: в XV веке посадские Калининковы завели солеварение выше села Верх-Боровского, при реке Боровой, и поставили там пять труб. Скучность рассолов побудила их скоро оставить место сие и переселиться около 1430 года на речку Усолку (ныне Соликамск) ...» [1, с. 19–20]. Сегодня этот год считается официальной датой основания города. Многие пытались найти этот отрывок, но тщетно.

Получив наследство Суровцевых, сыновья Г. А. Демидова продали соляные промыслы купцу И. Ф. Рукавишникову [54, с. 93]. Поверенный Демидовых Алексей Серебренников в своём рапорте заявил, «что он по продаже господами ево промысла купцу Рукавишникову не находит по неимению у себя требуемых в присутствии документов представить» [15. Оп. 2. Д. 59. Л. 46].

А. Т. Ливонов остался в Соликамске, став городской легендой. По детским воспоминаниям А. Кашина, опубликованных в «Пермских губернских ведомостях», бабушка Марфа помнила, что в 1812 г. Ливонов говорил на совете: «Уж мне-де и за 70 лет и уж волосы-то на голове седые отцвели на желтые, да ин не прочь идти на войну со всеми мирянами. ... Вот уж умница, надо его слушать; напрасно, наобум слова не скажет, его все начальство и мир весь любят, а матушка Государыня Екатерина Алексеевна и в именитые то пожаловала. Вот уж он у нас двенадцатые годы головит» [40, с. 121]. Затем следует комплементарный рассказ о работе Ливонова с населением.

В отличие от столиц в Пермской губернии дома «для призрения незаконно рожденных детей» были созданы в 1809 г. [31]. Тема подкидышей актуальна и в наши дни, о чём свидетельствует горячая дискуссия о бэби-боксах. «В определенном смысле можно сказать, – делает вывод Ю. М. Лотман, – что XVIII век для русской культуры еще не ушел в спокойное академическое прошлое, он продолжает бурлить и вызывает страсти» [30, с. 18].

1. Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь: Литер-А, 2009. 304 с.: ил.
2. Богданов М. В. История солеварения Соликамска. Соликамск, 2014. 272 с.
3. Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. 266 с.
4. Бруцкая Л. А., Вишнякова Е. П. Дворяне в губернском городе Перми. К вопросу о социальных основах типологии культуры // Третьи Смышляевские чтения. Пермь, 1993. С. 16–17.
5. Бруцкая Л. А. Женщины на троне и в провинции // Женщины в меняющемся мире: история и современность. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1996. С. 125–127.
6. Бруцкая Л. А. Пресечение фамилии соликамских солепромышленников Суровцевых // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С. 75.
7. Бруцкая Л. А. Соликамск второй половины XVIII в. по «Книге записной» Н. С. Арефина // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь: Пермский ун-т, 1995. С. 46–55.
8. Бруцкая Л. А. Соликамский меценат М. Г. Суровцев // Малые города Верхнекамья: экономика, экология, культура. Березники, 1996. С. 13–16.
9. Бруцкая Л. А., Сушко Т. Б. Потаённая семейная жизнь в документах Вятской духовной консистории XVIII в. // Регионы в современном мире. Березники, 2013. С. 282–283.
10. Бруцкая Л. А. Соликамский купец И. С. Лапин и освоение богатств Русской Америки // Российское купечество от средних веков к новому времени. М.: Институт Российской истории РАН, 1993. С. 86–88.
11. Бруцкая Л. А. Церковь, семья и брак в Вятской епархии XVIII в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995. Т. 1. С. 42–44.
12. Валишевский К. Роман императрицы. М.: ЭКСМО, 2007. 608 с.
13. Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Вятская духовная консистория.
14. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 13. Соликамский уездный суд.
15. ГАПК. Ф. 21. Соликамский городской магистрат.
16. ГАПК. Ф. 22. Пермский городской магистрат.
17. ГАПК. Ф. 25. Соликамский городской совестный суд.
18. ГАПК. Ф. 36. Пермское губернское правление.
19. ГАПК. Ф. 111. Пермская казённая палата.
20. ГАПК. Ф. 268. Пермский губернский магистрат.
21. ГАПК. Ф. 316. Пермские губернаторы.
22. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.: ил.
23. Каменский А. Б. Сословная политика Екатерины II // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 29–45.
24. Карамзин Н. М. О древней и новой России // История государства российского. М.: Эксмо, 2015. 1024 с.: ил.
25. Кибардин Н. В. Из архива церкви с. Ошети Нолинского уезда // Труды Вятской учёной архивной комиссии. Вятка, 1910. Вып. 1. С. 54–55.
26. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. Т. 1. / пер. с нем. К. Левинсон. М.: НЛЮ, 2014. 736 с.
27. Колбас В. С. Соликамское городское кладбище как памятник истории и культуры // Соликамский ежегодник – 1995. Соликамск: СГПИ, 1996. 106 с.: ил.
28. Космовская А. А. Эффективность налоговой политики Российского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII вв.) // Вестник Пермского ун-та. История. 2018. № 4 (43). С. 77–87.

29. Логунова Л. В. О составе и лингвистической информативности рукописных материалов Соликамской городской думы конца XVIII – начала XIX века // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Березники, 2004. С. 133–136.
30. Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. // Из истории русской культуры. (XVIII – начала XIX в.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 4. С. 13–346.
31. Материалы. Указатель делам Пермского губернского архива // Труды Пермской губернской учёной архивной комиссии. Пермь: Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. Вып. 1. С. 95–162.
32. Мелкомукова Н. В., Савенкова Н. М. Органы управления Соликамска. Градская дума 1781–1917 // Соликамский ежегодник – 1995. Соликамск: СГПИ, 1996. С. 46–50.
33. Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX в. (по материалам Западной Сибири) // Источниковедение и археология Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 41–58.
34. Миронов Б. Н. Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 174 с.
35. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
36. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука, 1985. 302 с.
37. Мосин А. Г. Род Демидовых. Екатеринбург: Сократ, 2012. 532 с.: ил.
38. Новокрещенных Н. Н. Подробный указатель дел Пермского исторического архива. Дела уголовные Чердынского уездного суда // Труды Пермской губернской учёной архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 147–172.
39. Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 460–491.
40. Поморский город Соликамск. Соликамск: ООО ИПК «Соликамск», 2010. 207 с.
41. Проскурнина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 328 с.: ил.
42. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fucltext/life/ofw/oman/5.htm#7> (дата обращения: 01.10.2018).
43. РО БАН 32.4.7. Авторский список летописи соликамской Богоявленской церкви.
44. РО БАН 32. 4. 8 Авторский список летописца Н. С. Арефина.
45. Савенкова Н. М. Династия купцов Суровцовых в Соликамске // Грибушинские чтения – 2015. Кунгурский диалог. Пермь: Изд. Богатырёв П. Г., 2015. С. 193–197.
46. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / сост. Е. Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. Вып. 3: К–О. 208 с.
47. Соболева Л. С. Проблема человеческой судьбы в рукописном сборнике повестей строгановского крестьянина XVIII в. // Народная культура Урала в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 8–33.
48. Соболева Л. С. Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина Василия Демидова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 75–83.
49. Сонтаг С. (Sontag S.). Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 560 с.
50. Степанов П. В. Бецкой // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1: А–И. Л.: Наука, 1988. С. 88–91.
51. Торопов К. В. Из истории взаимоотношений православных общин г. Вятки и органов епархиального управления в конце XVIII – начала XIX в. // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1996. Т. 1. С. 75–77.

52. Федосюк Ю. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. Ливанов // Наука и жизнь. 1971. № 7. С. 59.
53. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 429 с.
54. Харитонов Е. Д. Ведомости о работных людях как источник для характеристики рабочей силы соляных промыслов Прикамья середины XVIII в. // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь: ПГУ, 1971. С. 88–105.
55. Харитонов Е. Д. История солеваренных хозяйств Прикамья в XVIII в. // Соль и освоение края. Соликамск, 1986. С. 89–94.
56. Черкасова А. С. «Ваши особые научные познания ... известны ... мне» (Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею // Демидовский временник. Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. Кн. II. С. 9–83.
57. Черкасова А. С. «Ваш послушный сын ...» // Демидовский временник. Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. Кн. II. С. 85–252.
58. Черкасова А. С. Ревизские сказки как источник по истории формирования горно-заводского населения // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 71–87.
59. Шишонко В. Н. Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его, с приложением летописей как городу, так и селам, где имеются учебные заведения. Пермь: Тип. губернского правления, 1883. 507 с.
60. Шмидт С. О. Внутренняя политика России в середине XVIII в. // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42–58.
61. Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. Избранные труды. М.: Наука, 1973. 302 с.

**КНИЖНИКИ-СТАРООБРЯДЦЫ УСТЬ-ЦИЛЕМСКОГО КРАЯ:
РОД МИХЕЕВЫХ****OLD BOOKERS OF UST-CYLEME REGION: MIKHEEV'S KIND**

В статье рассказывается о роли представителей печорского рода Михеевых, проживавших в основном на Пижме (притоке Печоры), в создании и сохранении печорской рукописно-книжной традиции. Для этого автор привлекает материалы созданной ею электронной базы данных о печорских книжниках.

Ключевые слова: *печорская рукописно-книжная традиция, книжники-старообрядцы: писцы, владельцы собраний старинных книг, читатели рукописей.*

The article describes the role of representatives of the Pechora Mikheyev family, who lived mainly on Pizhma (Pechora juice) in the creation and preservation of the Pechora manuscript-book tradition. For this, the author draws on materials from the electronic database about the Pechora scribes.

Keywords: *Pechora manuscript-book tradition, Old Believers scribes: scribes, owners of collections of old books, readers of manuscripts.*

Данная статья построена на материалах базы данных о печорских книжниках, которая должна послужить основой для давно задуманного нами Словаря книжников Нижней Печоры [11]. Создание этой электронной базы данных позволило решить целый ряд проблем, связанных с особенностями тех источников, которыми мы располагали, и самого населения Усть-Цилемского района Республики Коми, которые сложились еще в период его формирования – в конце XVII в., особенно активизировавшегося с переселением на Печору и ее притоки – Пижму и Цильму – старообрядческих семей с соседних северных территорий, более всего с Мезени [12, с. 14]. Эта особенность заключается в формировании крестьянских родов, которые получили среди жителей Усть-Цилемского края свои «родовые» прозвища, чаще всего связанные с родоначальниками фамилий. Это привело к тому, что многие жители Усть-Цилемского района носят одну и ту же фамилию, а иногда у них совпадают и имена и отчества. Поэтому иногда из источников неясно, о каком именно из однофамильцев идет речь. Помощь оказывают в этом случае указания на место жительства человека, если они приводятся.

Каковы же источники, какими мы пользовались, составляя базу данных о печорских книжниках? Прежде всего, мы отталкивались от тех списков, которые составил выдающийся ленинградский археограф В. И. Малышев, успевший получить во время своих первых экспедиций в Печорский край информацию о писцах и владельцах значительных собраний рукописных книг в Усть-Цилемском

районе от пожилых устьцилемов, которые были лично знакомы с уже умершими к тому времени книжниками XIX в. Привлек В. И. Малышев и архивные документы (в основном Архангельского областного архива), содержащие сведения о старообрядцах этого региона [см. списки: 16, с. 16–18; 24–26; 15, с. 455–457]. Однако только в нескольких случаях нам удалось к кратким сведениям этих списков (обычно в них приводятся фамилия, имя и отчество книжника, а также место его проживания) добавить дополнительную информацию о нем по другим источникам. В первую очередь к ним относятся записи и пометы, оставленные писцами, владельцами книг и их читателями на полях старинных книг. Работа с записями (мы проверили непосредственно по рукописям все маргиналии на печорских книгах и транслитерировали их по современным эдиционным правилам) также выявила ряд проблем. Зачастую автор записи указывал только свою фамилию, или наоборот, только имя и отчество. Создание базы данных позволило идентифицировать имена целого ряда книжников, восстановить их полные данные, так как в базе оказались рядом материалы разных источников, сопоставление которых и позволяло это сделать.

Еще одна проблема возникла при соотнесении имен книжников с теми книгами, с которыми они в той или иной форме были связаны. В. И. Малышев приводил имена людей, от которых получал в дар рукописные книги, только в своих отчетах об экспедициях; в его монографии, где описаны 154 рукописных сборника [16], поступивших в Древлехранилище ИРЛИ благодаря археографической работе В. И. Малышева и его коллег из Пушкинского дома, ученый указывает только место приобретения рукописи, не называя имени дарителя, что было связано с отношением советского государства и к старообрядцам, и к содержанию старинных рукописей, неразрывно связанному с христианскими идеями. После каждой экспедиции, публикуя отчет о ее ходе и результатах, В. И. Малышев в приложении приводил список приобретенных материалов, при этом также не называя их последних владельцев. Впоследствии эти описания уточнялись и получали окончательные шифры хранения в составе Усть-Цилемского собрания ИРЛИ РАН (далее – ИРЛИ, УЦ). Поэтому при создании базы данных приходилось сначала отождествлять книги в предварительном списке с указаниями в отчете об обстоятельствах их приобретения, сведения о том, с кем встречались археографы, что получили от этих людей – с данными описания, а затем по основным сведениям описания (название рукописи, ее состав, датировка, формат и т. д.) отыскивать эту книгу уже в составе Усть-Цилемского собрания ИРЛИ, выявляя ее шифр. Далеко не всегда эта работа приносила желаемые результаты, в этом случае упоминание рукописи в предварительном после экспедиционном списке оставалось без указания на современный шифр ее хранения.

Еще одна проблема, возникшая при создании базы данных, это малая исследованность генеалогии печорских родов, без которой невозможно четко определить родственные связи характеризуемого книжника, хотя бы приблизительные годы его жизни, а часто и место проживания. Сейчас генеалогические исследования печорских, пижемских и цилемских родов активно проводит Т. Д. Вокуева, сама представительница двух родовых печорских ветвей (см., например: [1; 3; 4; 5]). К генеалогии обратились и местные усть-цилемские краеведы [см., например: 22]. Выпускница нашего университета Т. А. Носова написала дипломную работу, в которой приводит результаты устного опроса представителей нескольких печорских фамилий об истории их семьи, бытующие на Печоре легенды об основателях этих родов [18].

Опираясь на эти источники, мы уже начали публиковать результаты изучения материалов созданной базы данных о печорских книжниках – Мяндиных [8], Чупровых [6], Дуркиных [7], написаны доклады для нашей университетской конференции «Февральские чтения» (о книжниках из рода Палкиных) и конференции «VIII Рябининские чтения» (Петрозаводск) – о книжниках Поташовых.

Данная статья является продолжением этой серии исследований и вводит в научный оборот материалы базы данных о фамилии Михеевых, также внесших свой вклад в создание и сохранение печорской рукописной традиции. В базе данных содержится информация о восьми представителях этого рода, имеющих то или иное отношение к книжной культуре.

Основателем рода Михеевых был, судя по имеющейся у нас информации, **Михеев Федор Яковлевич**. В Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ (далее – ИРЛИ, УЦ н.) хранится под номером 220 небольшая рукопись конца XIX в. (в 8-ку, на 8 лл.), написанная печорским полууставом, в картонном переплете с матерчатый корешком. Она содержит Поминание рода Федора Яковлевича Михеева и найдена в д. Степановской на Пижме (см. рабочее описание Усть-Цилемского нового собрания в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ). Род Федора Михеева включен в местный помянник, читающийся в рукописи Усть-Цилемского собрания ИРЛИ (далее – ИРЛИ УЦ) под номером 51, найденной в д. Скитской Это сборная рукопись первой четверти XIX в., в 8-ку, на 131 л., написанная поморским полууставом нескольких почерков, в дощатом переплете, покрытом тисненой кожей, с одной медной застежкой [16, с. 103–104]. На л. 94 рукописи читается Помянник пижемских родов, в том числе и рода Федора Михеева. Имя Федора Яковлевича Михеева фигурирует в хозяйственных записях на некоторых рукописях. Так, к нему обращено письмо (ИРЛИ, УЦ н. 70) некоего Ефима Яковлева (по-видимому, родного брата Федора Яковлевича), называющего адресата «братцем» и уведомляющее о продаже товара (найденно в д. Скитской и датируется первой третью XIX в.). Фигурирует Федор Яковлевич и как кредитор своих земляков, нуждающихся

в финансовой поддержке. Так, бумажным переплетом рукописи ИРЛИ, УЦ 73, содержащей «Повесть о самосожжении на Пижме» и «Исповедь» Ивана Филиппова [16, с. 123–124], впервые описанной В. И. Малышевым в отчете об экспедиции на Печору 1956 г. под номером 29 [13, с. 404], послужила заемная расписка, выданная в 1836 г. крестьянином деревни Загривочной на Пижме Иваном, *«незаконно-рожденным»* Тороповым, на имя крестьянина *«того же волостного правления»* Федора Яковлевича Михеева *«в томъ что занялъ много денегъ семьдесятъ семь рублей...»* (запись сделана на нижней корке переплета скорописью и чернилами). Возможно, Федор Яковлевич был связан и с книжной культурой, но сведений об этом в наших источниках мы не обнаружили. Зато о других крестьянах Михеевых такие сведения найдены.

Двое из рода Михеевых указаны В. И. Малышевым как переписчики рукописей. Первый из них – **Михеев Тимофей Федорович**, пижмеец из д. Верховской, назван в списке писцов в «Усть-Цилемских рукописных сборниках ...» [16, с. 18]. В том же списке назван и **Михеев Матвей Абрамович**, проживавший в середине XIX в. в д. Скитской и бывший старообрядческим наставником [16, с. 16]. В другом списке книжников В. И. Малышева он выступает и как владелец значительного собрания рукописей [16, с. 25]. Его сын Евтихий в молодые годы, судя по дошедшему до нас письму, с желанием обучался грамоте и просил отца (Матвея Абрамовича) продлить ему срок ученья и направить в Усть-Цильму к «Ивану Еренину» (то есть Ирину – известному книжнику Ивану Степановичу Мяндину, названному здесь Ирининым по местному прозвищу – по имени его матери Ирины Мяндиной). Евтихий весьма почтительно обращается к отцу, используя такие выражения, как «пред честными стопы ног ваших», просит «родительскаго прощения». В отчете о командировке на Печору 1956 г. это письмо значится под номером 19 [13, с. 403]. Оно написано скорописью на одном листе и было найдено в с. За-межная. В составе Усть-Цилемского собрания ИРЛИ письмо помещено под номером 300 [15, с. 452].

Имя **Евстафия (Евтихей) Матвеевича Михеева** В. И. Малышев также включил в список владельцев собраний рукописей [16, с. 25], знаком звездочки подчеркнув, что собрание это было значительным. По-видимому, обучение грамотности и общение с И. С. Мяндиным пробудило в нем интерес к рукописной книге. Оставил Евстафий Матвеевич и читательские записи на некоторых рукописных книгах. Так, он ознакомился с интереснейшим сборником конца XVIII в. (ИРЛИ, УЦ 42, рукопись в 8-ку, на 150 лл., написана поморским полууставом, в дощатом переплете, обтянутом тисненой кожей, с двумя медными застежками [16, с. 97–98]), содержащим сочинения протопопа Аввакума (вступление к «Книге бесед, пятая челобитная царю Алексею Михайловичу [см. о печорских списках этих произведений: 9]), ряд сказаний о патриархе Никоне (Повесть о Никоне и о змее, видение Дими-

трия волжанина, Сказание о Никоне соловецкого старца Кирика, Сказание о Никоне ученика его Андриана), отрывок из письма инока Авраамия боярыне Морозовой, Житие Корнилия Выговского, эсхатологическое сочинение Мефодия Патарского. На л. 143 этого сборника Евстафий Матвеевич скорописью записал: **«1908 года августа 6 дня читаль сию книгу Евстафий Матвеевич Михеевъ»** Сборник был приобретен в 1956 г. в д. Скитской и впервые описан в приложении к отчету В. И. Малышева об экспедиции этого года под номером 17 [13, с. 402]. Другая читательская запись Евстафия Матвеевича сделана раньше – в 1896 г., и не просто указывает на факт чтения им рукописной книги, но передает и его размышления о своей судьбе после ее прочтения: **«1896 года списокъ читаль Евстифей сынъ Матвеевичъ, пользовальсе для души»**. Далее киноварью приписано: **«горько моей души будетъ»** (ИРЛИ, УЦ 56, л. 26, примыкающий к обложке, сейчас не склеен с ней, чернила, киноварь, скоропись). Что же в этой рукописи вызвало такую реакцию его читателя? Сборник ИРЛИ, УЦ 56 (рукопись первой трети XIX в., в 8-ку, на 25 лл., написанная полууставом), найдена в д. Степановской, содержала помимо душеполезной повести о «О некоем милостивом человеце, како продаде себе Христа ради и в милостыню даде» и совершенно другое по образу главного героя сочинение – Повесть Никодима типикариси «о некоем брате...», представляющее собой «русское сочинение против пьянства, табакокурения, прелюбодеяния и чревоугодия, прославляющее Соловецкий монастырь» [16, с. 107] (см. о нем современное исследование А. В. Пигина и издание его текста [19, с. 240–248; 20]). Отметим, что тема греха звучит даже на бумажной обложке сборника, для которой использовано покаянное письмо «салдата» Чупрова. Очевидно, прочитанное заставило Евстафия Матвеевича задуматься и о своих грехах. По-видимому, он интересовался и догматическими вопросами, а также деталями старообрядческой обрядности, поскольку его имя упоминается в письме (ИРЛИ, УЦ 311), написанном неким Иваном Пашиным А. Бобрецову (скорее всего, это Ананий Фотневич Бобрецов) на Пижму, чтобы тот предал его Бобрецову Нилу Семеновичу, и касающемся вопросов о перекрещивании переходящих в старообрядчество, об употреблении картофеля, керосиновых ламп, хмельного питья и др. [13, с. 405 (№ 42); 15, с. 454].

Уже в более позднее время – в середине XX в. – в роду Михеевых появился еще один книжник, с которым В. И. Малышеву удалось познакомиться лично и даже получить от него несколько книг. Житель д. Скитской на Пижме М. П. Михеев в 1956 г. передал в Пушкинский Дом две рукописи (одна XVII в., другая XVIII в.). Как пишет в отчете об экспедиции В. И. Малышев, М. П. Михеев «окончательно уверовал в нас (по-видимому, после встречи с археографом в 1955 г. в д. Скитской, хотя о личной встрече с М. П. Михеевым в отчете о поездке на Пижму он не упоминает. – Т. В.) и выкопал из земли самые дорогие для него, как он сказал, книги»,

которые «пролежали в земле более 12 лет. Когда Михеев передавал нам рукописи, они еще пахли землей и были совершенно сырые» [13, с. 399]

Что же это были за рукописи, столь дорогие пижемскому книжнику? В отчете 1956 г. В. И. Малышев лишь кратко о них упоминает: это Житие Зосимы и Савватия Соловецких XVII в. (см. первое описание рукописи: [13, с. 400, № 3]) и сборник с сочинениями протопопа Аввакума начала XIX в. [см. описание: там же, с. 402, № 17]. Впоследствии эти рукописи были более точно описаны В. И. Малышевым и получили шифры в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ: Житие соловецких святых – № 181, сборник с сочинениями Аввакума – № 42. Знакомство с палеографическими особенностями и содержанием этих рукописей еще более делает понятным, почему М. П. Михеев так старался их сберечь, что спрятал от тех, кто мог над ними надругаться, – закопал в землю. Рукопись «Житие и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких», в 4-ку, написанная полууставом на 160 лл., в картонном переплете с кожаным корешком, с киноварными заглавиями и начальными буквами содержит, по наблюдениям В. И. Малышева, текст спиридоновской (третьей) редакции памятника. Вслед за Житием в рукописи читаются чудеса, древние и поздние, и Сказание священноинока Досифея об обещании Зосимы оставаться духом с братией в своей обители. Рукопись имеет читательскую запись Константина Бобрецова, крестьянина деревни Верховской, от 1843 г. От долгого лежания в земле рукопись обветшала, на многих листах заметен распад бумаги с повреждением текста. Вторая рукопись, подаренная археографам М. П. Михеевым (УЦ 42) – сборник, описанный нами выше в связи с читательской пометой Евстафия Матвеевича Михеева. Для старообрядца-книжника он был особенно ценен, так как сохранил ряд сочинений Аввакума и сказания о его «гонителе» патриархе Никоне.

В 1958 г., снова попав в Скитскую, В. И. Малышев надеялся получить от М. П. Михеева еще какие-нибудь рукописи. Но ожидания эти не оправдались. В связи с этим ученый посвятил в отчете за этот год целый абзац рассуждениям о некоторых особенностях археографической работы на Пижме. Он пишет о некоторых владельцах рукописных книг, эпистолярное общение с которыми при личном знакомстве в экспедиции не приносило удачи: «Вот с такими владельцами ведешь переписку, напоминаешь о своем приезде, но занятый нелегким делом рыбак или охотник часто забывает об обещании, и все переносится на следующий год. А другому старику жаль сразу расстаться со всеми рукописями, и он привозит их оттуда по частям ... Точно так же, по-видимому, поступает ... М. П. Михеев» [14, с. 514]. **Эта догадка подтвердилась позднее, когда в июле 1970 г. А. Х. Горфункель и Г. В. Маркелов посетили д. Скитскую: они получили от М. П. Михеева сборную рукопись XVIII–XIX вв., в 8-ку, в картонном переплете с кожаным корешком, написанную полууставом и скорописью на 92 лл. и содержащую «Слово о**

душе», чин погребения, канон общий заупокойный и др. сочинения. Помимо рукописи в том же году М. П. Михеев передал археографам и одну старопечатную книгу XVII в. – Пролог на сентябрь – февраль, напечатанный в Москве в 1642 г., который сейчас хранится в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета (ОРК НБ СПбГУ 6300); см. описание книги: [21, с. 76].

Некоторые рукописи из семейных библиотек Михеевых сохранились до 60-х – 80-х гг. XX века. Так **Марфа Селиверстовна Михеева** в разное время передала Ленинградским и сыктывкарским археографам целый ряд рукописных и старопечатных книг. Так в ходе экспедиций 1967–1968 гг. в Сыктывкаре Марфа Селиверстовна передала А. Х. Горфункелю маленького формата сборник в 16-ю долю листа на 75 лл., написанный полууставом и скорописью в середине XVIII в., в дощатом переплете, обтянутом тисненой кожей (ИРЛИ УЦ н. 171), содержащий повести, слова и поучения из пролога и патериков; Слово о смерти; «Правила» неумеющим грамоте, повесть о Макарии пустыльнике, поучения Аввы Исаака; эсхатологические выписки из разных книг (см. рабочее описание Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ в Древлехранилище Пушкинского Дома). Сыктывкарским археографам в 1985 г. Марфа Селиверстовна, которая тогда жила в Нарьян-Маре, подарила один из сборников, составленных известным печорским старообрядческим писателем XX в. С. А. Носовым – «Книга бытия 21» (НБ СГУ УЦ р.138, в 8-ку, на 142 лл.). А через 4 года, в 1989 г., она подарила две кириллические печатные книги: Служебник, изданный в Вильно в конце XVIII – нач. XIX в. (НБ СГУ, УЦ п. 82) и Выговский синодик XX в. Почаевской типографии (НБ СГУ, УЦ п. 88).

Были среди крестьян Михеевых и люди, в памяти которых сохранились народные предания об исторических событиях и лицах. В фольклорном архиве СГУ имеются записи рассказов **Семёна Михайловича Михеева** из д. Скитской. Он рассказал о Великопоженском ските, который был не просто старообрядческим монастырем, но замечательным книжным центром со своим скрипторием [16, с. 10–12], со своими учителями [2], обучавшими и монахов, и приезжих из других деревень старообрядцев церковно-славянской грамоте. *«Скит самый первый был. В ските уже всё было, – рассказывал Семён Михайлович – ... Скит большой был. Здесь у них было всё. Коллективное хозяйство было. Они луга все обрабатывали».* (ФА СГУ, УЦ-0388: 8). Рассказывал он и о знаменитой пижемской «гари» 1743 г. года (см. исследование и издание текста Повести по списку ИРЛИ УЦ 203: [16, с. 167–191]; переиздано в: [17, 42–49] *«А которы служители были, преданы были вере старообрядческой, 40-к человек и сгорели в часовне. Не вышли из часовни. Их подожгли. Гонили из веры ... Чуркин Иван вышел из часовни, и вот он заселился в д. Чуркинской. Он вышел. Они (солдаты) предъявляли ультиматум «что не выйдете, значит подожгём». Он вышел, больше никто не вышел».* (ФА СГУ, УЦ-0388: 8–9). *«Крест вот (обетный на кладбище) им то (сго-*

ревшим) поставлено. Коллективные могилы. А их-то могилы и не было вообще, они же сгорели. А вот тут только обозначено было. И два креста поставлено было» (ФА СГУ, УЦ-0388: 12).

Сохранились в памяти Семён Михайловича и старинные книги, хранившиеся у его родственников и односельчан: *«Вот у меня у деда (у жены отца, Сидора Нилыча Антонова, скитского наставника. – Т.В.; см. о нем: [10]) книга была, всё о том как заселялся монастырь, обрабатывали луга, как доставали продукты – из Яш-озера всё возили. Вот книгу ту выпросил один геолог у деда и увез, и хотел перепечатать и обратно ему выслать. Обманул».* (ФА... СГУ, УЦ-0388: 10). Рассуждал С. М. Михеев и о расколе церкви, о католической и православной вере: *«Он (Никон) свою веру, своего бога создал. Вот у нас нынче две веры. И везде две церкви есть. Вот в Москве, в Свердловске. Там есть старые церкви. Католическая и православная вера – там кресты и образа – всё уже не то. Православные молятся шепотью, а старообрядцы крестом»* (ФА СГУ, УЦ-0388: 11).

Мы рассмотрели разнообразные материалы нашей базы данных о книжниках Михеевых. Они показывают, что этот пижемский в своей основе род внес свой вклад в создание печорской рукописно-книжной традиции: среди его представителей были и писцы, и владельцы книжных собраний, порой весьма значительных, и хранители устных исторических преданий, и читатели старинных книг, и те, кто поделился с археографами сохранными остатками старинных...

1. Вокуева Т. Д. Дуркины, род Анхиных и встреча потомков Анфима // Северные родословия : сб. статей Северного ИРО / сост. и отв. ред. Л. Д. Попова. Архангельск, 2008. Вып. 2. С. 127–139.

2. Вокуева Т. Д. Козьма Чуркин – учитель школы-грамотницы Великопоженского скита // Третьи Мяндинские чтения : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (8–9 июля 2015 г. г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2016. С. 94–98.

3. Вокуева Т. Д. Родовые корни Мяндиных и происхождение фамилии // Первые мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 21–32.

4. Вокуева Т. Д. «Слободка Усть-Целемская» от основания до первой ревизии // Для меня Усть-Цильма место, где родиться повезло : материалы юбилейной конференции, посвященной 15-летию Коми региональной общественной организации Усть-Цилемское общество «Русь Печорская» и семинара «За круглым столом» «Особенности воспитания на Севере: опыт, традиции, современность». Усть-Цильма, 16 декабря 2005 г. Усть-Цильма, 2006. С. 9–19.

5. Вокуева Т. Д. Чупровы в истории Усть-Цильмы и России // Сельская Россия: прошлое и настоящее: (ист. судьбы сев. деревни) : материалы Всеросс. научн.-практ. конф. (Республика Коми, с. усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.). М.; Сыктывкар, 2006. С. 355–361.

6. Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на Нижней Печоре: род Чупровых (по материалам Банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2014. Вып. 1 (7). С. 193–205.

7. Волкова Т. Ф. Книжники из печорского рода Дуркиных (по материалам архивов и банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2019 (в печати).

8. Волкова Т. Ф. Мяндины – переписчики, хранители и читатели старинной книги // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всероссийской научн.-практ. конф. 11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма : в 2 т. Сыктывкар, 2010. Т. 1. С. 86–98.

9. Волкова Т. Ф. Памятники ранней старообрядческой литературы в составе печорских рукописных сборников // Уральский археографический альманах. 2005 год. Екатеринбург, 2005. С. 103–138.

10. Волкова Т. Ф. Пижемский книжник Сидор Нилович Антонов // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера : межвуз. сб. научн. тр. Сыктывкар, 1989. С. 22–31.

11. Волкова Т. Ф. «Словарь книжников Печоры» (задачи и проблемы издания) // Мир старообрядчества : сборник научных трудов. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества : материалы междунар. научн. конф. (МГУ, 21–24 ноября 1995 г.). М., 1998. С. 116–122.

12. Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар, 2002.

13. Малышев В. И. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 398–408.

14. Малышев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 513–521.

15. Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442–457.

16. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 215 с.

17. Мелихов М. В. Повесть о самосожжении на Пижме в 1743 г. // История формирования и развития Великопоженского общежительства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «За веру и крест», посвященной 300-летию основания и 270-летию самосожжения Великопоженского скита, 10 марта 2013 г. с. Замежная Усть-Цилемского района Республики Коми. Усть-Цильма: ООО «Полиграф-Плюс», 2013. С. 39–49.

18. Носова Т. А. Родовые предания Усть-Цильмы (на материале устных и письменных источников) / научн. руков. Е. А. Рыжова. Сыктывкар, 1999.

19. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.

20. Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке / подг. текстов и исследование А. В. Пигина. СПб., 2003.

21. Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. научн. тр. / Сыктывкар. гос. ун-т; отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1997. С. 66–85.

22. Чурсанова М. И. Потомки Ивана Степановича Мяндина // Первые мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 33–52.

ДВА «ТРАФАЛЬГАРА»
(А. ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ И Б. ПЕРЕС ГАЛЬДОС)

TWO «TRAFALGARS» (A. PEREZ-REVERTE AND B. PEREZ GALDOS)

Статья посвящена сравнительному анализу двух исторических романов, совпадающих по тематике, разделенных не только временем создания, но и идейными установками и эстетическими позициями наиболее известных испанских писателей – классика реалистической прозы XIX века Бенито Переса Гальдоса и современного постмодерниста Артуро Переса-Реверте.

Ключевые слова: аллюзивность, гиперреализм, исторический роман, классический реализм, концептизм, литературная традиция, мегароман, плутовской роман, постмодернизм, римейк, симулякр.

The article is devoted to the comparative analysis of two historical novels, coinciding on the subject, separated not only by the time of creation, but also by the ideological attitudes and aesthetic positions of the most famous Spanish writers – the classic of realistic prose of the 19th century Benito Perez Galdos and the contemporary postmodernist Arturo Perez-Reverte.

Keywords: allusion, a historical novel, classical realism, conceptism, hyperrealism, a literary tradition, a meganovel, a picaresque novel, postmodernism, remake, simulacrum

Один из самых известных современных испанских писателей Артуро Перес-Реверте вошел в национальную литературу в конце 1980-х гг. Его первый роман «Гусар» был написан в 1983 г., когда военный журналист и телекорреспондент Перес Реверте вел репортажи из разных стран Африки, Ближнего Востока и Европы. По признанию самого автора, он в это время «не планировал посвятить себя литературе», а книгу в 1986 г. «по чистой случайности опубликовал в одном издательстве, с которым позже поссорился» [2, с. 5]. Это первое издание романа, в котором предстал эпизод из истории наполеоновских войн в Испании начала XIX в., не привлекло особого внимания читателей и критики. Почти через двадцать лет, в 2004 году, книга снова вышла в свет уже такой, «какой хотел бы ее видеть автор, исправленная и очищенная от совершенно лишних прилагательных и наречий» [2, с. 5]. К этому времени Перес-Реверте был уже членом Испанской королевской академии, автором многочисленных романов, переведенных на разные европейские языки.

Среди его обретших популярность у различных категорий читателей книг мы найдем и интеллектуальные постмодернистские детективы («Фламандская доска», 1990; «Кожа для барабана, или Севильское причастие», 1995; «Карта небес-

ной сферы, или Тайный меридиан», 2000), и историко-авантюрную беллетристику цикла «Приключения капитана Алатристе» («Капитан Алатристе», 1996; «Золото короля», 2000; «Кавалер в желтом колете», 2003). В 1990–2000 гг. писатель не раз будет возвращаться в своей художественной прозе и к эпохе наполеоновских войн, в том числе и в России («Тень орла», 1993), но, что вполне естественно, преимущественно в Испании («Мыс Трафальгар», 2004; «День гнева», 2007; «Осада, или Шахматы со смертью», 2010).

Широко известен русскому читателю Перес-Реверте стал в 2000-е гг., а в середине следующего десятилетия ему начали посвящать и немногочисленные пока критические статьи российские литературоведы [4, с. 5–21], и даже главы в учебных пособиях по современной зарубежной литературе.

Так, в книге «Современная зарубежная проза», заявленной как «научно-исследовательский и учебный одновременно проект» [5, с. 7], испанский писатель представлен по преимуществу в образе «мастера изящной словесности», создателя текстуальных «постмодернистских конструкторов» [5, с. 396]. Характеризуя принципы поэтики «серьезных романов» Переса-Реверте, автор соответствующей главы выделяет такие особенности, как многослойность повествования, вневременность описываемых событий и повторяемость фабул, скрытая интертекстуальность, аллюзивность как способ авторской оценки, использование эффекта обманутого ожидания в игре с читателем, переосмысление детективного жанра в постмодернистском ключе, релятивизм в вопросах добра и зла, объективность повествования и отсутствие авторского «Я».

Отыскивая текстуальные подтверждения заявленным тезисам в разных романах Переса-Реверте, литературовед помещает испанского писателя в интернациональный контекст европейского постмодернизма, в один ряд с Д. Фаулзом, У. Эко, П. Зюскиндом, М. Павичем. При этом совершенно игнорируется национальная литературная традиция, с которой Перес-Реверте вступает в весьма непростые отношения, в первую очередь в своих исторических романах, начиная с «Мыса Трафальгар». И здесь никак не обойтись без обращения к первой серии «Национальных эпизодов» – исторического мегаромана классика испанского реализма XIX в. Б. Переса Гальдоса.

В своем цикле повествований из десяти частей Гальдос создает эпическое полотно антинаполеоновской войны в Испании. Роман «Трафальгар» (1873) является как бы прологом серии, представляет читателю героя-повествователя Габриэля Арасели в начале его самостоятельной жизни, когда он становится свидетелем и участником крупнейшего морского сражения в октябре 1805 г. между английской и объединенной франко-испанской эскадрой у мыса Трафальгар.

Характерная для вальтерскоттовского типа исторического повествования схема с двойным сюжетом (реально-историческим и личным, любовным), двойными

персонажами (историческими, но второстепенными, и вымышленными – протагонистами любовной линии) просматривается и в книге испанского писателя, однако существенно модифицируется национальной литературной традицией, идущей от «Дон Кихота» Сервантеса и жанра плутовского романа. Реальных исторических фигур в романе Гальдоса по сути всего двое – дон Косме Чуррука, командир корабля «Сан Хуан Непомусено», и дон Франсиско Хавьер Уриарте, капитан корабля «Санта Тринидад», но оба остаются персонажами эпизодическими, появляются лишь единожды каждый в главах VIII и XI соответственно.

Главный герой, выходец из социальных низов, сын прачки (подобно протагонисту первого испанского плутовского романа «Жизнь Ласарильо с Тормеса»), рано оставшийся сиротой, покидает родной город **Кадис**, не вынеся побоев своего жестокого дяди. Габриэлю повезло поступить в услужение в дом добрых сеньоров де Сиснига в городке Вехер де ла Фронтера. Здесь он переживает свою первую юношескую влюбленность в дочь хозяев Роситу, чувство, оставшееся безответным. Подруга его детских игр, повзрослев, стала относиться к нему только как к безродному слуге в дворянском доме родителей. К тому же у Роситы появляется возлюбленный – молодой офицер Рафаэль Малеспина, наметившийся брак с которым откладывается на время Трафальгарского сражения, поскольку жених в числе других сухопутных артиллеристов мобилизован в недоукомплектованный испанский флот. В этом сражении желает принять участие и отставной капитан, военный инвалид дон Алонсо де Сиснига, образ которого явно демонстрирует донкихотскую родословную [8, с. 98]. Тайком, несмотря на бурные протесты супруги доньи Франсиски, он вместе с Габриэлем и своим давним другом, бывшим боцманом Марсиалем, уезжает в **Кадикс**, где несколько дней в доме кухни дон Алонсо доньи Флоры все трое ожидают отбытия на эскадру.

Собственно Трафальгарскому сражению у Гальдоса посвящено менее половины текста романа. Изображение военных действий и специфики корабельной жизни не является самоцелью для писателя. Красной нитью повествования становится процесс интеллектуального и нравственного созревания героя-рассказчика.

Ориентацию на жанр испанского плутовского романа Золотого века, в частности на «Историю жизни пройдохи по имени дон Паблос» Ф. де Кеведо, мы видим уже на первой странице романа Гальдоса. Здесь повествователь иронично заявляет, что не может украсить свою родословную звучными именами предков, а потому начнет свою историю, «как некогда начал ее Паблос, пройдоха из Сеговии» (1, с. 13). В тексте гальдосовского романа не раз можно встретить впоследствии характерные приемы концептистского «трудного» стиля Кеведо. Это и одушевление, наделение движением и чувством неживой природы («дома тоже принимали участие во всеобщем ликовании по случаю моего приезда, – говорит повествователь, – весело ухмыляясь широко открытыми балконами и окнами» [1, с. 71]; это и

гротескные портреты некоторых персонажей. Так, стареющая кокетка донья Флора складывала губы бантиком или сердечком, стараясь «прикрыть редкие зубы, из рядов которых ежегодно дезертировали два-три воина» [1, с. 74]. Здесь можно видеть явную аллюзию на кеведовский образ «воплощенного голода» – лиценциата Кабру, с «бородою, выцветшей от страха перед находящимся по соседству ртом», из которого «зубы были изгнаны за безделье и тунеядство» [6, с. 112–113]. Гальдовский Габриэль оцепенел перед доньей Флорой, «узрев целый катафалк локонов и завитков, которые нагромоздил на ее голове парикмахер» [1, с. 83].

Поразили юного героя своим видом и члены кадисской Литературной академии, окружавшие донью Флору: «Подбородки щеголей утопали в пышных галстуках, похожих на дамские шали»; «их завязывали у самого рта – получалась не то корзина, не то поднос или бритвенный тазик»; «поля шляп доходили до самых плеч, талия на камзолах красовалась чуть ли не под мышками, а фалды мели по земле» [1, с. 83]. Гальдос, подобно Кеведо, использует здесь гиперболу гротескного типа, изображая провинциальных модников-виршеплетов. Примечателен и контекст последнего из приведенных примеров, когда рассказчик, заметив странный облик окружения доньи Флоры, лишь «позже, размышляя, понял, что простые люди носили национальную испанскую одежду, а друзья доньи Флоры слепо следовали мадридской и парижской модам» [1, с. 83]. Здесь, как и в последующем изображении Трафальгарского сражения, мы видим главный принцип повествования, характерный для жанра плутовского романа, – двойную перспективу, при которой непосредственное видение событий действующим героем корректируется повествователем, обладающим значительным жизненным опытом и интеллектуальным кругозором.

Габриэль осмысляет реальность своего социального положения, однако не теряет жизненного оптимизма, сохранив веру в то, что «упорным трудом можно добиться почти всего, чем тебя обошла судьба» [1, с. 52]. Он утверждает в осознании личного достоинства, отвергая посулы «увядшей любви» доньи Флоры и лакейского существования в доме новобрачных Роситы и Рафаэля в конце романа. Герой приходит к пониманию подлинного патриотизма, не исключаяющего, с одной стороны, критического отношения к политике правящих кругов страны, а с другой – уважения к национальному достоинству других народов. И Трафальгарское сражение сыграло в этом процессе «воспитания чувств» решающую роль, поскольку в ходе жестокой и кровопролитной битвы Габриэль увидел примеры и подлинного героизма, и национальной гордости, и благородства, и даже взаимопомощи в критический момент с обеих противоборствующих сторон.

Приведем лишь несколько показательных цитат:

«Именно в эти минуты я впервые со всей ясностью осознал свою любовь к родине, и мое сердце радостно забилося от этого глубокого чувства. (...) Я представ-

лял свою страну самой храброй на свете, но в моем представлении эта храбрость отождествлялась с жестокостью и варварством. При таком образе мыслей патриотизм для меня сводился лишь к горделивому тщеславию, что я принадлежу к славному племени истребителей мавров». (...) Но в минуты, предшествующие сражению, я глубоко осознал все значение этого божественного чувства, и национальная гордость расцвела в моей душе». (...) Страна моя представлялась мне огромной землей, населенной людьми, по братски любящими друг друга. (...) Именно они построили корабли, чтобы защитить родину, иными словами – ту землю, по которой они ходили, ту ниву, которую они оросили потом, дом, где жили их отцы и деды, (...) новые земли, открытые и завоеванные их предками, (...) церкви – усыпальницы предков, жилища святых и алтари веры, (...) домашний очаг, чье старинное убранство, переходящее из поколения в поколение, является как бы символом вечности нации, (...) все предметы, в которых живет частица нашей души» [1, с. 101–102]. Так происходит становление мировоззренческого комплекса героя, включающего любовь к родине, национальную гордость, братскую солидарность защитников родины, религиозную веру, преемственность поколений.

В конце Трафальгарского боя корабль «Сантисима Тринидад», на котором находились дон Алонсо и Габриэль, получив серьезные разрушения, был вынужден спустить флаг и сдаться противнику: «И едва на палубу вступили англичане, единый клич вырвался из уст наших моряков... – К помпам! (...) Несколько моряков доползли до люка и, высунувшись, крикнули: – Раненые тонут! (...) Трудно представить, что случилось бы с этими несчастными, если б им на помощь не пришли англичане. Они не только перенесли раненых на вторую и третью батарейные палубы, но также вместе с нами налегли на помпы, пока их плотники бросились заделывать многочисленные пробоины в корпусе корабля» [1, с. 117–118]. В свете пережитого, Габриэль существенно переосмысляет свое отношение к английским морякам: «Я всегда представлял себе англичан отъявленными пиратами (...), не имеющими родины авантюристами и бродягами, которые промышляли одним лишь грабежом. Когда же я увидел, с какой гордостью они поднимают свой национальный флаг, (...) я подумал, что и у них есть любимая отчизна, поручившая им защиту своей чести; и мне показалось, что в этой стране, называемой Англией, должно существовать – так же как и в Испании – немало доблестных людей» (1, с. 118). А в главе XI, когда стало известно о гибели командующего английской эскадрой адмирала Нельсона, повествователь Габриэль Арасели, признавая полководческий гений противника, говорит: «Первый моряк нашего века скончался» [1, с. 120].

В ходе морского сражения происходит превращение Габриэля из случайного свидетеля одного из событий национальной истории в ее активного участника, читатель видит становление личности юного героя как патриота и гражданина.

В итоге в этой первой части мегаромана Гальдоса рождается (и будет развиваться в последующих частях) миф о национальном героизме и национальной чести испанцев, противостоящих как вековому морскому противнику – хитрым и коварным англичанам, так и временному и нежеланному союзнику – французам, которые через несколько лет станут врагами-оккупантами. А проигранное сражение у мыса Трафальгар будет восприниматься как «поражение, которое легенда превращает в победу (моральную, разумеется), в великий миф о героизме, побежденном роком, судьбой, а не ошибками в расчетах, неэффективностью или неумелостью» [7, с. 393].

Своему роману «Мыс Трафальгар» Перес-Реверте дал подзаголовок «Un relato naval», что буквально означает «военно-морской рассказ», а в переводе 2006 года на русский язык звучит, как «повесть о морском сражении». Выбранный переводческий вариант соответствует основному содержанию книги, но не вполне передает, на наш взгляд, ее жанровую специфику.

Тексту романа автор предпослал подборку цитат из разных источников – докладов о состоянии испанской эскадры, архивных документов, газетных публикаций, писем. Среди них отрывок из «Рапорта о боевых действиях корабля “Сантисима Тринидад”», командир которого дон Франсиско де Уриарте «оставался на шканцах, пока не получил рану в голову деревянным обломком» [3, с. 5]. Вспомнив о том, что действие романа Гальдоса разворачивается в том числе и на этом корабле, легко находим в нем аналогичную ситуацию: «Взглянув на капитанский мостик, я не увидел там капитана. Тяжело раненный обломком мачты в голову, он упал без сознания, и два матроса немедленно унесли его в каюту [1, с. 115]. Скрытой аллюзией на роман предшественника представляется и цитата из «Записки о состоянии Военно-морского флота», открывающая подборку: «Мы заполнили корабли стариками, немощными, больными и теми, кто совершенно бесполезен в море» [3, с. 5]. Но ведь эти слова прямо характеризуют главных персонажей Гальдоса – дону Алонсо, у которого «почти совсем отнялась правая половина тела» [1, 18], Марсиаля, «старика с деревянной ногой и отрезанной по локоть левой рукой, на один глаз кривого, прозванного моряками Полчеловеком» [1, с. 28], и пятнадцатилетнего Габриэля, впервые в жизни оказавшегося на корабле!

В числе реальных исторических персонажей романа Гальдоса, как уже говорилось, появляется и бригадир дон Косме Чуррука, командир корабля «Сан Хуан Непомусено», представленный давним другом дону Алонсо. В главе VIII Чуррука рассказывает о военном совете у французского адмирала Вильнева, настаивавшего на немедленном выходе эскадры в море вопреки разумным доводам испанских моряков, предлагавших организацию действенной обороны, оставаясь в закрытой бухте. Упоминает Чуррука и о том, как в разгоревшемся споре бригадир

дон Алькала Галиано позволил себе «довольно крепкие выражения в разговоре с адмиралом Магоном, и дело окончилось бы дуэлью, если бы мы их не помирили» [1, с. 79]. В главе XVII к этому добавляются ходившие в **Кадиксе** «слухи», о перепалке между Вильневом и испанским адмиралом Гравиной, которого французский главнокомандующий обвинил в том, что у него «падает боевой дух». После этого оскорбленному Гравине не оставалось ничего иного, как отдать приказ испанским морякам: «Завтра же утром – в море!» [1, с. 180]. Аналогичная ситуация у Переса-Реверте предстает перед читателем в главе 6 «Белый штандарт», где капитан испанской «Антильи» Карлос де ла Роча «вспоминает» рассказ генерал-майора эскадры Антонио Эсканьи об этом военном совете и о том, что это ему, Эсканье, французский адмирал Магон бросил обвинение в том, что у испанцев «падает уровень храбрости». И далее следует страница грубой до непристойности перепалки с участием капитана «Багамы» дона Алькала Галиано [3, с. 168–169].

В обоих романах мы находим весьма схожие положительные характеристики бригадира Косме Чурруки, отрицательные – адмирала Гравины, адмирала Вильнева. Но Гальдос не позволяет себе такой грубости в изображении даже несимпатичных ему лиц, как Перес-Реверте. Повествователь Габриэль Арасели в ретроспективном взгляде на Трафальгарское сражение констатирует, что «Гравина был подлинным кабльеро и отважным моряком, но, будучи придворным, не обладал решимостью настоящего военного и не достиг совершенства на столь трудном поприще, как флотоводство» [1, с. 180]. У Переса-Реверте капитан де ла Роча жалеет, что в разговоре со своим помощником Хасинто Фатасом промолчал о том, что тоже считает адмирала Гравину «сукиным сыном», который «при всей своей дисциплинированности и понятиях о чести просто придворная сволочь, в первую очередь политик и только потом моряк» [3, с. 70].

Приведенные примеры сходства и вариаций на темы предшественника можно было бы объяснить общими документальными источниками, которыми пользовались два автора. Известно, что Гальдос использовал при написании своего романа, помимо устных источников, воспоминаний участников события, также и книгу Мануэля Марлиани «Трафальгарское сражение» (1850) [8, с. 78–79]. Возможно, это же сочинение было в поле зрения и Переса-Реверте, хотя он об этом не упоминает, цитируя только предисловие к появившейся в 1950 г. работе Э. Лона Ромео (sic! – в русском переводе ошибочно «Ромеро») «Трафальгар» [3, с. 6]. Но ряд других текстуальных сходжений все же наводит на мысль о том, что современный испанский автор прекрасно знал роман испанского классика.

Так, юный Габриэль у Гальдоса удивлен тем, что при подготовке корабля к предстоящему бою палубу обильно засыпают песком, запасенным в трюмах, и ему объясняют, что делается это в предвидении массового кровопролития [1, с. 98]. Та же выразительная деталь обыгрывается и в романе Переса-Реверте, в главе 3

«Бак», где читателю предстает развернутая сцена, увиденная и осмысляемая гардемарином Хинесом Фалько, почти ровесником гальдосовского героя. Другой пример «переадресации» яркой гальдосовской детали находим в главе 10 «Шканцы» романа Переса-Реверте. Гардемарин Хинес Фалько с восхищением смотрит на своего командира Карлоса де ла Рочу, который не наклоняет головы под огнем противника и даже не вздрагивает, когда кусок картечи выбивает подозрную трубу из его рук. В главе XVI гальдосовского «Трафальгара» моряк, сопровождающий Габриэля в Кадис, рассказывает о «самом храбром бригадире на эскадре» доне Дионисио Алькала Галиано, у которого «осколком выбило из рук подозрную трубу, а он только усмехнулся» [1, 171].

Впрочем, трудно предположить, что «Национальные эпизоды» не привлекли к себе внимания Переса-Реверте уже потому, что Бенито Перес Гальдос в испанской литературе – величина, равновеликая Льву Толстому в литературе русской. Скорее всего, текст постмодерниста Переса-Реверте создавался в скрытой идейной и эстетической полемике с романом предшественника, поскольку имени Переса Гальдоса в книге Переса-Реверте ни разу не встречается.

«Мыс Трафальгар» Переса-Реверте целиком посвящен морскому сражению и может показаться, на первый взгляд, своеобразным «военно-производственным романом», автор которого заявляет в послесловии о том, что его «рассказ вполне достоверен, ибо он основывается на реальной, обширной и непосредственной документации» [3, с. 353]. Своей же задачей писатель ставил поведать о том, как сражались и умирали испанские, французские и английские моряки «с надлежащей технической и исторической точностью» [3, с. 354].

Что касается «технической точности», читателю-непрофессионалу в ней трудно усомниться, а литературоведу легко констатировать постмодернистскую избыточную детализацию. Достаточно привести лишь один весьма выразительный в этом отношении пример: «А еще один вражеский трехпалубник (...) расположился на ее правом траверзе (...) и палит себе всем бортом, да к тому же на ахтердеке у него стоят карронады, и их картечь (...) покалечила последние еще способные вести огонь пушки на баке и шканцах. Что же касается общего состояния корабля, то, как сообщили дону Риккардо Макуа (...), дело плохо: одиннадцать пробоин по ватерлинии (одна из них рядом с гелмпортом, и вода поступает в камеру оружейного мастера), рудерпис поврежден двумя попаданиями, многие снасти перебиты и обвисли, грот-мачта (единственная оставшаяся) так изрешечена, что едва стоит, а сам грот держится только на ликтросе, штаги и почти все ванты сорваны, так же как тросы и канаты, которыми их заменили» [3, с. 333].

Иное дело «историческая точность» романа Переса-Реверте.

Первая глава открывается представлением одного из четырех главных героев романа – это командир разведывательного тендера (катера) «Энсертен» капитан-

лейтенант Луи Келеннек, офицер французского военного флота, который «вот-вот попадет на страницы учебников истории» [3, с. 19], то есть заявлен в роли реального исторического персонажа. Настораживает, правда, название катера, по-французски означающее «сомнительный, неверный, неизвестный». Само собой напрашивается сравнение с не менее звучным именем, которое дал сервантесовский Дон Кихот своему коню – Росинант, что по-испански значит «бывшая кляча». Основное действие разворачивается на испанском военном корабле – семидесятичетырехпушечной «Антилье», которой командует дон Карлос де ла Роча, а среди членов команды – шестнадцатилетний гардемарин Хинес Фалько и матрос Николас Маррахо, насильно завербованный мелкий контрабандист. Глазами этой четверки в чередующихся главах читатель и видит события Трафальгарской битвы, поскольку в повествовании от третьего лица максимально широко используется несобственно-прямая речь. Завершается действие романа докладом капитан-лейтенанта Луи Келеннека, из которого становится известной печальная судьба «Антильи», которая, потеряв все мачты в бою, сильно поврежденная в последующем шторме, затонула «вместе с большим числом людей и раненых, включая и ее командира» [3, с. 352].

Текст романа предваряется тремя схемами: дислокации противостоящих эскадр, развития атаки британцев и последних минут Трафальгарского сражения, на которых обозначено и положение «Антильи» среди других кораблей. Но последней неожиданностью для доверчивого читателя исторических романов оказываются откровения авторского послесловия: «Семидесятичетырехпушечной «Антильи», на борту которой происходит большая часть действия этой книги, никогда не существовало. Одной из привилегий автора является возможность манипулировать историей на благо повествования» [3, с. 354]. Отсюда также можно заключить, что не только капитана Карлоса дела Рочи, но и Луи Келеннека с его «докладом главнокомандующему объединенной эскадрой» в эпилоге, да и с его тендером, недаром наделенным сомнительным именем «Энсертен», не существовало также. Как здесь не вспомнить незабвенного А. Дюма-отца, говорившего, что история для него только гвоздь, на который он вешает свои картины.

Какие же картины вешает на гвоздь истории в своем романе Перес-Реверте? В противоположность Пересу Гальдосу это не картины героизма, мужества, любви к родине, воинской чести и самопожертвования. Все эти высокие понятия настойчиво и последовательно снижаются и подвергаются сомнению. Так, Карлос де ла Роча скептически воспринимает слова генерал-майора Эсканьо о спасении национальной чести: «И вот все они здесь, неподалеку от мыса Трафальгар, по уши в дерьме, спасают свою честь, потому что больше спасать нечего, и тащат за собой в эту безмерную дурь тысячи несчастных, которым никакого дела не было до всей этой чести, самоотверженности, жертвенности и прочей чепухи» [3, с. 172]. Юный

гардемарин Хинес Фалько не понимает, почему командир медлит с приказом направить «Антилью» на помощь товарищам, так как «он еще любит родину, жаждет славы и всей этой мишуры» [3, с. 194].

Боевое воодушевление предстает скорее взрывом массового психоза, когда опьяневшие от пороха, ужасаясь самим себе, солдаты и насильно завербованные вроде Николаса Маррахо «кричат «Да здравствует Испания!», но сражаются за собственную шкуру» [3, с. 240]. Сама Трафальгарская битва последовательно дегероизируется в сниженных эпитетах и сравнениях. Николас Маррахо, когда англичане пошли на abordаж, выбрав abordажный топор, ощущает его в своей руке как «мясницкий инструмент» [3, с. 319]; с размаху всаживает топор англичанину в брюхо «и вопит от радости, когда тот, отцепившись, падает между бортами обоих кораблей, воя, а требуха вываливается из него на ветру, метр за метром» [3, с. 321]. Метод писателя-постмодерниста в этом произведении, на наш взгляд, можно определить как своеобразный гиперреализм, предельная деэстетизация изображаемого. В главе 9 «Ахтердек» англичане дают залп по Антилье и на палубе остаются «четыре распростертых тела, залитых кровью, как туши в лавке мясника» [3, с. 267]. Пожалуй, наиболее показательна в этом отношении сцена, когда Николас Маррахо спускается в корабельный трюм, где находятся раненые: «Тела, тела, тела (...), извивающиеся от боли, тошнотворный запах рвоты и дерьма, окровавленное мясо, среди которого движутся хирург и его помощники и ампутируют, ампутируют (...). И самое страшное – бесконечный протяжный хор криков и стонов (...) агонизирующих, отчаявшихся людей, которые утонут, как крысы, если корабль пойдет ко дну» [3, с. 330–331].

Весьма характерна у Переса-Реверте и десакрализация национальных символов. Старший лейтенант дон Рикардо Макуа, приняв командование кораблем после тяжелого ранения капитана, посылает гардемарина Фалько поднять флаг на грот-мачте, так как английское ядро перебило фал флага, «и теперь красно-желтая тряпка болтается над самой палубой, зацепившись за какой-то обломок» [3, с. 340]. Николас Маррахо, случайно услышав, что «Антилья» не продержится под огнем англичан больше пятнадцати минут, возмущен, что «ради клочка тряпки дон Рикардо отправит парнишку на такой риск» [3, с. 340]. Завершение этой последней главы романа весьма эффектно и глубоко психологично, когда Маррахо бросается на помощь раненному в ногу гардемарину, а затем, подхватив флаг, сам карабкается по мачте, чтобы его привязать, а англичане перестают стрелять, и «с британского корабля до него доносятся голоса врагов, кричащих ему «ура» [3, с. 346]. Здесь же, однако, можно увидеть и апогей того англофильства, которое является лейтмотивом всего повествования. Сравнения английского и испанского флотов, английского и испанского офицерства, английского и испанского государства всегда оказываются в пользу Англии.

Таким образом, «Мыс Трафальгар» Переса-Реверте, учитывая многочисленные параллели и совпадения с романом Переса Гальдоса, можно определить как постмодернистский римейк, а по отношению к традиционному жанру исторического романа – как весьма искусный исторический симулякр.

Гальдос в конце первой главы своего «Трафальгара» устами героя-повествователя обозначил практически будущий состав первой серии своих «Национальных эпизодов»: «Я поведаю о многих событиях. Битвы при Трафальгаре и Байлене, события в Мадриде, осады Сарагосы и Хероны, сражение при Арапилес!... Обо всем этом я расскажу по мере моих сил, если у вас достанет терпения выслушать меня» [1, с. 20]. Перед нами названия шести из десяти частей мегаромана (о событиях в Мадриде повествует роман «19 марта и 2 мая»). К ним добавятся еще «Двор Карла IV», «Наполеон в Чамартине», «Кадис», «Хуан Мартин Эль Эмпесинадо». В начале XXI в. **испанская история «по Гальдосу» будет подвергнута принципиальному пересмотру** в романах Переса-Реверте, и за «Мысом Трафальгар» последуют «День гнева» (ревизирующий «19 марта и 2 мая»), «Осада, или Шахматы со смертью» – своеобразный парафраз «Кадиса». **Испанская история начала XIX в. «по Пересу-Реверте» представляет безусловный интерес для будущего исследования.**

1. Перес Гальдос Б. Трафальгар / пер. с исп. Р. Похлебкина. М., 1961.
2. Перес-Реверте А. Гусар / пер. с исп. Е. Матерновской. М., 2005.
3. Перес-Реверте А. Мыс Трафальгар / пер. с исп. Н. Кирилловой. М., 2006.
4. Огнева Е. Истины и химеры истории // Перес-Реверте А. День гнева. СПб., 2009.
5. Современная зарубежная проза : учебное пособие / под ред. А. В. Татарина. М., 2015.
6. Кеведо Ф. де. Избранное. Л., 1980. С. 112–113.
7. Gullon R. Los Episodios: La primera serie // Benito Perez Galdos: El escritor y la critica / Ed. de Douglass M. Rogers. Madrid, 1973.
8. Montesinos J. F. Galdos. Madrid, 1968. Т. 1.

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА ВЛАСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

KEY FEATURES OF THE IMAGE OF POWER IN THE REGIONAL DISCOURSE

В статье рассматриваются способы вербализации образа власти в СМИ Республики Коми. Делается вывод о том, что набор вербальных имиджевых конструктов, с помощью которых изображается власть и ее действия, остается стабильным, несмотря на изменение ситуации в системе руководства республикой, а образ главы региона раскрывается посредством функционально-семантических разрядов слов, в зависимости от типа издания либо вызывающих доверие аудитории, либо формирующих отрицательный образ представителя власти.

Ключевые слова: *медиадискурс, образ власти, язык СМИ.*

The article deals with the ways of verbalization of the image of power in the media of the Komi Republic. It is concluded that the set of verbal image constructs, with the help of which power and its actions are depicted, remains stable despite the change in the situation in the system of leadership of the Republic, and the image of the head of the region is revealed by means of functional and semantic categories of words, depending on the type of publication or causing the trust of the audience, or forming a negative image of the representative of power.

Keywords: *media discourse, image of power, language of mass media.*

В последнее время интерес к разноаспектному изучению проблем власти, репрезентации данного феномена в социуме, в том числе в языке, существенно возрос [1; 2; 5; 10; 11 и др.]. Устойчивый интерес к всестороннему анализу влияния политики на язык СМИ прослеживается и в современной медиалингвистике. Как отмечается в коллективной монографии «Язык СМИ и политика», эта проблема – центральная для языка средств массовой информации, так как политика составляет основное содержание в деятельности СМИ [12]. В рамках данного исследования особое внимание уделено способам вербализации образа представителя власти в региональных средствах массовой информации. В Республике Коми этот аспект является особенно значимым после массовых арестов в сентябре 2015 г. Типичным представителем власти в регионе является фигура губернатора, поэтому свой анализ мы связываем с двумя знаковыми личностями – бывшим губернатором В. М. Гайзером (руководил республикой с января 2010 г., 19 сентября 2015 г. был обвинен в организации преступного сообщества и 30 сентября 2015 г. освобождён от должности в связи с утратой доверия) и нынешним руководителем республики С. А. Гапликовым (30 сентября 2015 г. назначен временно исполняющим

обязанности Главы Республики Коми, 22 сентября 2016 г. после выборов стал Главой Республики Коми).

Источником фактического материала послужили тексты и фрагменты текстов ведущих электронных средств массовой информации Республики Коми – информационного агентства «БНК» [3] и информационного портала «Красное знамя» [4]. Исследовались публикации, освещающие деятельность руководителей региона, с января 2010 г. по январь 2019 г. (всего проанализировано более 1000 текстов). Наиболее популярным провластным источником информации в республике является ИА «БНК», которое представляет собой агентство новостей в режиме онлайн, осуществляющее оперативную передачу актуальной информации о политике, экономике, праве, экологии, культуре, спорте в Республике Коми и в мире и дающее возможность ее комментировать читателями. Информационно-аналитический портал «Красное знамя» является преемником старейшего СМИ Республики Коми – газеты «Красное знамя». Здесь публикуются новости, комментарии, аналитические материалы, авторские колонки, интервью с интересными собеседниками, которые можно распределить по таким разделам, как политика, происшествия и криминал, экономика, общество, культура, спорт, окружающая среда, наука и образование, ЖКХ, погода и др. На странице «Красное знамя. Республика Коми» «ВКонтакте» указывается, что для данного издания характерна независимая позиция авторов: *«Мы пишем, о чём другие молчат»* [6]. Как отмечается в интернет-журнале «7x7» [7], «Красное знамя» является маркером общественных настроений: *«В этой ситуации важно понимать, что «Красное знамя» не является оголтелой оппозицией, редакция вовсе не выступает против власти как таковой. Газета не нашла взаимопонимания с конкретной командой чиновников, которые управляют республикой последние несколько лет, потому что журналисты имеют основания полагать, что обитатели Желтого дома действуют не столько в интересах жителей Коми, а исключительно в собственных»* (Смирнов С. «Красное знамя» как маркер общественных настроений // <https://7x7-journal.ru/komi>. 2013. 1 июля. URL: <https://7x7-journal.ru/item/29410> (дата обращения: 28.01.2019)).

Образ власти в медиадискурсе можно определить как «представление о власти, которое слагается из всех оценок, мнений, фактов, комментариев, сообщенных в текстах СМИ» [9, с. 285]. Создаваемое в СМИ представление о власти передается массовому адресату и в значительной степени определяет то мнение о власти, которое преобладает в обществе в данный момент. Немаловажными для комплексного изучения власти являются выделенные В. Н. Суздальцевой функционально-семантические разряды слов (вербальные имиджевые конструкции), с помощью которых формируется образ власти. К ним исследователь относит: номинации; лексику, обозначающую «деятельностное поле» власти; отрицательные слова; слова и конструкции генерализующей семантики; детализирующую лексику; слова, обозначающие качества или действия положительного / отрица-

тельного свойства; оценочные слова и слова-ярлыки; слова с эмоциональными коннотациями; оценочные метафоры; лексику с семантикой достоверности / недостоверности; переосмысленные прецедентные тексты; элементы историко-культурного кода; слова-жупелы и слова-фетиши [9, с. 292–310].

Выявленные имиджевые конструкторы, с помощью которых изображаются представители власти в публикациях информационного агентства «БНК», разнообразием не отличаются в связи с новостной направленностью издания и представлены прежде всего категориями «номинация» и «деятельностное поле» политика. Слова, называющие руководителя региона, играют важнейшую роль в создании мнения о власти. Формирование образа представителя власти в лице В. М. Гайзера изначально строилось на том, что он – преемник бывшего главы региона В. А. Торлопова (*ученик Торлопова*) и выходец из Республики Коми (*человек из республики; уроженец Республики Коми; местный, родившийся и выросший в республике; по национальности наполовину коми, наполовину немец*): *«Я думаю, это самая оптимальная кандидатура. По крайней мере, это человек из республики. Он жил в республике, знает республику»* (Политэлита Коми оценивает внесение кандидатуры Вячеслава Гайзера // <https://www.bnkom.ru/>. 2010. 6 янв. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/3869/> (дата обращения: 30.01.2019)). Кроме того, при первом появлении в новостном поле личность будущего руководителя региона характеризуется следующими номинациями: *кандидат на пост главы Республики Коми; самая оптимальная кандидатура; наиболее перспективная кандидатура; выбор президента Дмитрия Медведева: «Председатель госсовета РК Марина Истиховская ожидает, что депутаты поддержат выбор президента РФ по выбору кандидатуры на пост руководителя республики Вячеслава Гайзера»* (Марина Истиховская уверена, что госсовет утвердит Вячеслава Гайзера главой республики // <https://www.bnkom.ru/>. 2010. 6 янв. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/3870/> (дата обращения: 30.01.2019)). При этом упоминаются прежние должности В. М. Гайзера, а также уровень его профессионализма, отмечается опыт будущего руководителя региона на политическом поприще: *финансист – лучший вариант на пост главы региона; министр финансов республики; первый заместитель главы РК; новый лидер с экономическим мышлением; настоящий грамотный профессионал; успешный управленец; человек года в опросе «Молодежи Севера»; в политике он не новичок: «Кандидат – профессиональный специалист, «выдержанный и доброжелательный» в споре с оппонентами, умеющий отстаивать свое мнение, и, кроме того – проявивший личное мужество, встав на защиту «поспешно», по выражению Сергея Катунина, арестованного банкира»* (Госсовет Коми согласился с выбором Дмитрия Медведева // <https://www.bnkom.ru/>. 2010. 16 янв. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/3905/> (дата обращения: 30.01.2019)). После избрания на должность руководителя региона номинации, обозначающие В. М. Гайзера, указывают на его новый высокий статус и связаны со служебной идентификацией личности: *пер-*

вое лицо; новый глава РК; глава Коми; глава региона; губернатор; руководитель РК: «Сегодня глава республики Вячеслав Гайзер ранним утром навестил село Ыб Сыктывдинского района, где без особых свидетелей трижды, как и полагается по православному обычаю, погрузился в крещенскую иордань» (Вячеслав Гайзер окунулся в сысольскую иордань, а Владимир Торлопов не смог по уважительной причине // <https://www.bnkomi.ru/>. 2010. 19 янв. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/3938/> (дата обращения: 30.01.2019)). В целом преобладают нейтральные и положительные оценочные номинации, обозначающие представителя власти и, соответственно, способные передать это отношение адресату.

Наиболее распространенным в публикациях «БНК» является имиджевый конструкт, обозначающий «деятельностное поле» политика. Посредством глагольных лексем весьма подробно описывается круг действий лидера, о чем свидетельствуют заголовки материалов, освещающих трудовые будни политика. Большая часть заголовков построена по единой модели (субъект действия – предикат действия (глагол) и группа, относящаяся к предикату): «Глава Коми **намерен вытащить Воркуту из коммунального коллапса**» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2011. 3 март. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/7412/> (дата обращения: 31.01.2019)), «Вячеслав Гайзер **объявил о создании в Ухте инновационного нефтегазового кластера**» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2012. 4 февр. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/11670/> (дата обращения: 31.01.2019)), «Глава Коми **призвал прокуроров быть принципиальными и выдержанными в борьбе с коррупцией**» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 12 янв. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/34711/> (дата обращения: 31.01.2019)). Лексика активного действия, обозначающая «деятельностное поле» В. М. Гайзера, освещает разные аспекты деятельности губернатора и направлена на создание (имитирование) действительности, в которой лидер обладает необходимыми, по мнению аудитории, качествами руководителя. В СМИ особо отмечается взаимодействие В. М. Гайзера с рядовыми гражданами: «Глава Коми Вячеслав Гайзер **предложил жителям республики через независимые СМИ выдвигать своих представителей в новый состав Общественной палаты региона**» (Глава Коми предложил жителям республики и независимым СМИ сформировать Общественную палату // <https://www.bnkomi.ru/>. 2010. 05 авг. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/5450/> (дата обращения: 01.02.2019)). Не остается без внимания и такой аспект жизни руководителей региона, как активность в Интернете: «Глава Коми Вячеслав Гайзер **решил вживую пообщаться со своими «друзьями» с персональной страницы популярной социальной сети ВКонтакте**» (Вячеслав Гайзер ждет от «друзей» ВКонтакте креативные предложения // <https://www.bnkomi.ru/>. 2010. 21 июн. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/5089/> (дата обращения: 14.02.2019)). Зачастую в публикациях подчеркивается стремление и способность политика лично решать проблемы местных жителей, что также формирует положительный образ главы в целом: «В

поселковой администрации пенсионерке сказали: Вячеслав Гайзер желает лично посмотреть, дали газ в Максаковке или нет. Руководитель региона **проверил**, что сделано в населенном пункте по газификации шести десятков многоквартирных домов согласно его поручению» (Максаковку газифицировали после вмешательства Вячеслава Гайзера // <https://www.bnkomi.ru/>. 20 авг. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/5567/> (дата обращения: 01.02.2019)).

Фон, на котором воспринимаются действия власти, образуют слова-жупелы и слова-фетиши, определяющие угол зрения на власть. Особо следует отметить использование «слов-жупелов», к которым В. Н. Суздальцева относит слова, входящие в семантическое поле «насилие» и называющие нечто пугающее, внушающее страх [9, с. 307]. В материалах «БНК» жупелы зачастую характеризуют коммуникативный стиль В. М. Гайзера, используемый им в процессе решения проблемных ситуаций: *подверг жесткой критике; раскритиковал; «разобрал полеты»; жестко отчитал; устроил разнос; жестко потребовал разобраться; поручил к «чертовой матери» закрыть* и др. В. М. Гайзер характеризуется как прямой, временами резкий руководитель, критично оценивающий работу своих подчиненных, о чем свидетельствуют и многочисленные заголовки «БНК»: *«Вячеслав Гайзер пригрозил муниципалам отставкой за неэффективную работу по тушению лесных пожаров»* (<https://www.bnkomi.ru/>. 2011. 28 июня. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/8684/> (дата обращения: 31.01.2019)), *«Вячеслав Гайзер готов дать «волшебный пендель» чиновникам для создания мемориального комплекса «ГУЛАГ» в Воркуте»* (<https://www.bnkomi.ru/>. 2012. 26 февр. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/11969/> (дата обращения: 31.01.2019)), *«Глава Коми Вячеслав Гайзер чуть не «сожрал» руководителя Усть-Цилемского района Александра Чупрова»* (<https://www.bnkomi.ru/>. 2010. 17 сент. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/5813/> (дата обращения: 31.01.2019)).

Весьма красноречиво характеризуют риторический портрет В. М. Гайзера и «слова-фетиши», имеющие задачу внушить доверие к представителям власти. Выходец из Республики Коми В. М. Гайзер делает акцент на будущем республики, используя номинации, обозначающие программу развития республики, – *«республика новых возможностей»* и *«территория мечты»*: *«Поздравляя жителей региона с праздником, первые лица республики пообещали приложить все усилия, чтобы Коми в ближайшее время действительно стала «республикой новых возможностей»»* (Вячеслав Гайзер: «От работы сегодня зависит будущее республики на десятилетия вперед» // <https://www.bnkomi.ru/>. 2014. 21 авг. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/31114/> (дата обращения: 03.02.2019)); *«Нам необходимо сделать регион территорией мечты, каким он был когда-то, в период комсомольских строек, ударного освоения во второй половине XX века»* (Глава Коми предложил обсудить программу по превращению республики в территорию мечты // <https://www.bnkomi.ru/>. 2011. 11 янв. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/31114/> (дата обращения: 03.02.2019)).

bnkomi.ru/data/news/6863/ (дата обращения: 03.02.2019)). Считается, что, обозначая высокое или идеализированное понятие, слово становится фетишем тогда, когда оказывается оторванным от ситуации, им обозначенной, и утрачивает связь с реальным денотатом. Так слова входят в круг средств политической демагогии [9, с. 309]. Позже в сети «Интернет» был создан юмористический паблик с вышеуказанным названием – «Территория мечты», саркастично описывающий реальную ситуацию в республике и действия политиков [8].

Богатые возможности для выражения позитивного отношения к персонажу имеет положительнооценочная лексика: «Глава Коми Вячеслав Гайзер работает на посту губернатора на **«отлично»**. Такая оценка ему выставлена в «Кремлевском рейтинге губернаторов РФ – 2011»» (Работа главы Коми оценена Кремлем на «отлично» // <https://www.bnkomi.ru/>. 2011. 28 авг. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/9316/> (дата обращения 01.02.2019)), а также слова, обозначающие значимые деловые и личностные качества главы. В качестве примера можно привести публикацию «Вячеслав Гайзер признан **самым открытым** перед прессой и обществом губернатором» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2011. 28 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/10163/> (дата обращения: 01.02.2019)).

Первые материалы «БНК» о С. А. Гапликове содержат большое количество слов, несущих положительную оценку, и слов, обозначающих положительные качества, которые имеют своей целью создать благоприятное впечатление о новом руководителе региона. Для этого приводятся отклики коллег С. А. Гапликова, а также известных медийных личностей республики: *его характеризуют хорошо; входит в «президентскую сотню»; достаточно хороший опыт работы в государственных органах; человек, несомненно, опытный; человек компетентный, системный, требовательный; имеет значительный опыт управленческой деятельности; очень высокий послужной список; хорошее образование; производит довольно приятное впечатление; впечатление такое интересное и хорошее; имеет нужный опыт и на руководящих постах, и в сфере экономики; образование экстракласса: два языка, три серьезных диплома; большие связи в Москве, серьезные контакты в финансовой сфере; большой опыт плюс соответствующее образование; главный его ресурс – это авторитет президента, и ресурс немаленький; достаточно серьезное образование – «Бауманка» и МГИМО; незаурядный человек; всесторонне развитый человек, имеющий серьезные связи в высших политических кругах и финансовой сфере; выбор президента; им еще долго будет гордиться страна, это человек известный на федеральном уровне. В публикациях информационного агентства отмечается уважительное отношение жителей республики к новому главе региона: «Увидев врио, с которым сейчас у многих связаны большие надежды на восстановление и развитие региона, люди сначала принялись аплодировать, а потом и вовсе встали в едином порыве, некоторым даже удалось немного пообщаться с недавно назна-*

ченным руководителем Коми» (Владыка Питирим благословил Сергея Гапликова на работу // <https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 07 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/43135/> (дата обращения: 07.02.2019)). Негативных отзывов представлено меньше и связаны они прежде всего с тем, что новый руководитель – малоизвестная в регионе личность (*совершенно не знаком с регионом; Республике Сергей Гапликов практически неизвестен; совсем новая метла; в республике никогда не работал*), а также с назначением С. А. Гапликова «сверху», без учета мнения жителей республики (*такое назначение стало очень неожиданным*), хотя данные характеристики встречаются как в отрицательном, там и в положительном контексте: «*Это человек для республики совершенно новый и незнакомый. Он не только не знаком жителям республики, но и сам пока имеет слабое представление о Республике Коми, специфике нашего региона, поэтому, конечно, ему будет сложно входить в работу. Будет видно, как он себя покажет*» (Олег Михайлов: «Новому главе Коми будет сложно входить в работу» // <https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 01 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/42997/> (дата обращения: 05.02.2019)).

Создать образ представителя власти позволяют также номинации, которые можно условно разделить на три вида: номинации, характеризующие прошлое С. А. Гапликова (*заместитель руководителя аппарата правительства Сергея Собянина; заместитель главы департамента стран Европы; бывший президент «Олимпстрой»; председатель кабинета министров Чувашской Республики*), номинации, отражающие новую должность политика (*врио Главы РК; исполняющий обязанности главы Коми; недавно назначенный руководитель Коми; новый руководитель региона; Глава Республики Коми*) и номинации, называющие нового руководителя по имени-отчеству или фамилии (*господин Гапликов*). В большинстве своем номинации носят нейтральный или положительно оценочный характер: «*Вечером 1 октября, после прилета, врио главы республики Сергей Гапликов провел рабочую встречу с председателем правительства республики Владимиром Тукмаковым, на которой дал ряд поручений по работе предприятий жилищно-коммунального комплекса, а также органов власти регионального и муниципального уровней, отвечающих за данное направление*» (Сергей Гапликов проводит совещания в Коми по ЖКХ, переселению из аварийного жилья и исполнению бюджета // <https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 02 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/43023/> (дата обращения: 05.02.2019)).

Наиболее широко в публикациях информационного агентства «БНК» представлен имиджевый конструкт «деятельностное поле» С. А. Гапликова, описывающий попытки нового главы решить наиболее болезненные проблемы региона – вопросы жилья, коммунально-бытового обслуживания, социальной сферы и т. д. (*подискутировал с Сергеем Бажутовым о переселении из ветхого и аварийного жилья; объявил субботник для борьбы со снегом; предложил Валерию Козлову разработать программы, чтобы Сыктывкар «выглядел как город»; от-*

читал муниципалов за срыв программы переселения; поручил завершить строительство детсада в Усть-Цильме в кратчайшие сроки; объявил для коммунальных служб «боевую вахту» и др.). Глагольная лексема действительного поля, как правило, является ключевым словом и в заголовках «БНК»: «Сергей Гапликов **проинспектировал** строительство домов для переселенцев в Сыктывкаре» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 06 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/43120/> (дата обращения: 07.02.2019)). При описании действий политика используется большое количество глаголов, содержащих в своей семантике указание на различные реформы (*планирует ликвидировать; будут оптимизированы; сформировал новый состав правительства; были освобождены от занимаемых должностей; внес на рассмотрение законопроект; отправил на доработку сетевые графики; поручил провести полную инвентаризацию*), о чем свидетельствуют и заголовки публикаций: «Сергей Гапликов до 1 декабря **поручил навести порядок** в выдаче земли многодетным семьям» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 23 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/43642/> (дата обращения: 10.02.2019)). В преддверии выборов политик посредством глагольных лексем формулирует различные оптимистические обещания (*заверил присутствующих, что не собирается уезжать из Коми, пока жизнь здесь не будет лучше, чем в Европе; я вас заколебаю всех, но вы будете жить лучше, чем в Европе*): «**Я приложу все свои усилия, опыт, силы, знания, энергию для решения задач, которые ставит перед нами, в первую очередь, президент, – пообещал новый руководитель региона, спрогнозировав «неуклонное повышение качества жизни в республике»**» (Сергей Гапликов озвучил первые поручения и пообещал жесткие меры за их неисполнение // <https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 03 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/43060/> (дата обращения: 10.02.2019)). Не остается без внимания и фиксируется в заголовках и такой аспект жизни С. А. Гапликова, как его активность в социальных сетях, а также рейтинг в СМИ: «**Сергей Гапликов вошел в топ-20 губернаторов-блогеров**» (<https://www.bnkomi.ru/>. 2017. 29 мая. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/63493/> (дата обращения: 10.02.2019)).

Особо отмечается строгость и жесткий стиль управления губернатора, реализующийся посредством слов-жупелов, в том числе с семантикой долженствования и предписания: «**Жесткий, прямой, открытый. Любителям декларативности и громких фраз из чиновного люда могу посочувствовать: Гапликову лучше «по ушам не ездить»**» (Советник руководителя администрации Чувашии Альберт Ильин: «Гапликову лучше «по ушам не ездить» // <https://www.bnkomi.ru/>. 2015. 01 окт. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/42983/> (дата обращения: 05.02.2019)). Как правило, критика направлена в адрес подчиненных или прежних руководителей республикой: *раскритиковал членов правительства; недоволен уровнем развития коммунальной отрасли в республике; все, кто прикрываются реально не существующими результатами, будут отвечать; успел «раз-*

нести» провальные проекты и пригрозить их исполнителям; отчитал муниципалов за срыв программы переселения; отчитал министров; разнес ухтинских чиновников за «болтологию» и разгильдяйство; приехал сюда, как вы уже поняли, работать, а не разговоры разговаривать, чего требую и от вас; почти все министры Коми получили выговоры и замечания. Эту коммуникативную особенность нового руководителя фиксируют и заголовки «БНК»: «Сергей Гапликов: «Все, кто допустил халатность в вопросе переселения из ветхого жилья, **будут наказаны**»» (<https://www.bnkom.ru/>. 2015. 03 окт. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/43055/> (дата обращения: 07.02.2019)); «Руководитель республики **пригрозил «разобрать на запчасти»** прообещавшихся чиновников» (<https://www.bnkom.ru/>. 2016. 22 март. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/48497/> (дата обращения: 07.02.2019)); «Глава Коми Сергей Гапликов **устроил разнос** конкурсному управляющему шахты «Интауголь»» (<https://www.bnkom.ru/>. 2017. 20 март. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/60674/> (дата обращения: 07.02.2019)).

В период предвыборной кампании актуализировались также слова-фетиши, ставящие своей целью завоевать доверие аудитории, например: «**Власть должна быть в служении народу, а не наоборот**, – обозначил позицию Гапликов» (Сергей Гапликов проинспектировал строительство домов для переселенцев в Сыктывкаре // <https://www.bnkom.ru/>. 2015. 06 окт. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/43120/> (дата обращения: 07.02.2019)). Для этой же цели используются слова, указывающие на любовь к республике и к ее жителям: «**Я север люблю, мне здесь хорошо. И люди здесь хорошие, я с детства это понял, когда с отцом на севере работал**» (Сергей Гапликов намерен работать так, чтобы в Коми жилось лучше, чем в Европе // <https://www.bnkom.ru/>. 2015. 02 дек. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/44728/> (дата обращения: 09.02.2019)). Показательным в этом плане является и активное употребление новым главой местоимения «мы» как вербального знака интеграции, позволяющего отождествить себя с республикой и подразумевающего, что адресант и адресат включены в общую ситуацию: «**Я себя от республики не отделяю. Мы – вместе, и республика это мы**» (Сергей Гапликов: «Новая управленческая команда Коми формируется исключительно по профессиональному признаку» // <https://www.bnkom.ru/>. 2015. 12 дек. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/44722/> (дата обращения: 09.02.2019)). Как отмечается в исследованиях политического медиадискурса, оценочный потенциал слова-фетиша положительный: оно вызывает доверие, и, соответственно, такое же доверие вызывает автор речи, который становится якобы «причастен» к этому явлению и его оценочности [9, с. 310].

В целом в публикациях «БНК» можно говорить о создании положительного образа представителя власти как харизматичного, умеющего общаться с населением лидера, который обладает качествами хорошего управленца.

Вербальные имиджевые конструкты, формирующие образы политиков в публикациях «Красного знамени», представлены гораздо большим количеством категорий, чем в материалах информационного агентства «БНК», что может быть связано с жанровым своеобразием информационного портала, в котором одним из доминирующих жанров является авторская колонка аналитической направленности. При этом, как и в текстах «БНК», среди имиджевых конструктов доминируют номинации, обозначающие руководителя региона, и слова, описывающие деятельностное поле политика. Однако смысловое и эмоционально-экспрессивное наполнение данных конструктов направлено на критику в адрес власти и формирование прежде всего негативного отношения к деятельности главы региона, что наглядно иллюстрирует следующий пример, в котором нейтральные номинации приобретают иронический смысл благодаря контексту: *«Сейчас на страницах газет на первой странице Гайзер, на второй – Вячеслав Михайлович, на третьей – глава республики. На каналах телевизоров – то же самое: здесь глава открывает детский сад, тут Вячеслав Михайлович общается со студентами, там глава республики обсуждает со школьниками проблемы развития региона...»* (Полькин А. Леонид Литвак: «Глава не соврал, просто не сказал всего» // <https://komikz.ru/>. 2013. 05 дек. URL: <https://komikz.ru/news/interview/11646> (дата обращения: 10.02.2019)). В рамках деятельностного поля В. М. Гайзер раскрывается как строгий руководитель (*не удовлетворён работой Кабинета министров; отправил правительство в отставку; раскритиковал главу Усть-Цилемского района*), отмечается активность главы республики в социальных сетях (*набирает кадровый резерв из своих френдов vkontakte*). Однако в целом деятельностное поле В. М. Гайзера также оценивается отрицательно: *«Сегодня главные проблемы республики, в первую очередь связанные с жизнью простых граждан, не решаются, а загоняются вглубь. Сельское население попросту бедствует, так как лишено работы и перспектив. В городах чудеса творятся с теми же тарифами на ЖКХ, из года в год не решаются кардинально проблемы в медицинских учреждениях с предоставлением мест в детских садах»* (Мурзатин И. Губернаторская доля (мнения экспертов) // <https://komikz.ru/>. 2012. 22 сент. URL: <https://komikz.ru/news/akcenty/7918> (дата обращения: 11.02.2019)).

В публикациях портала «Красное знамя» при описании семантического поля «власть» значительно чаще по сравнению с текстами информационного агентства «БНК» встречаются оценочные слова, особенно отрицательно оценочные. В качестве примера можно привести негативные комментарии рейтинга В. М. Гайзера (в последнем так называемом «Кремлёвском рейтинге» ему поставили двойку, да ещё с минусом; позиции В. Гайзера соответствующие, то есть слабоватые; оказался одним из самых неэффективных руководителей российских регионов): *«Фонд изучения электоральных процессов и электоральной политики (ФИЭП) опублико-*

вал апрельский «Кремлёвский рейтинг» губернаторов РФ. Для Главы Коми он оказался, мягко говоря, **провальным**» (Канев А. Оценка на отчисление (таблица) // <https://komikz.ru/>. 2013. 12 апр. URL: <https://komikz.ru/news/politics/10061> (дата обращения: 11.02.2019)). По поводу существующих рейтингов журналисты «Красного знамени» делали различные прогнозы, один из которых сбылся: *«Практика показывает, что региональных лидеров, не прошедших оценку околоскромлёвских экспертов, ожидает одинаковая участь: они покидают свой пост. Кто-то уходит красиво на повышение, кто-то «по состоянию здоровья» и «в никуда», кто-то на – скамью подсудимых»* (Канев А. Оценка на отчисление (таблица) // <https://komikz.ru/>. 2013. 12 апр. URL: <https://komikz.ru/news/politics/10061> (дата обращения: 11.02.2019)). Кроме того, в данном СМИ отмечается причастность (со стороны федеральных экспертов) главы к коррупции: *«Итогом такой «борьбы» стали более десяти крупных коррупционных скандалов, прогремевших в республике за время губернаторства Гайзера. И в каждом из них были замешаны в том числе и самые высокопоставленные чиновники»* (The Moscow Post. Губернатор Коми занял второе место... с конца // <https://komikz.ru/>. 2013. 28 апр. URL: <https://komikz.ru/news/politics/10260> (дата обращения: 11.02.2019)). Из-за несоответствия реальных рейтингов политика и публикуемых в провластных СМИ употребляется лексика с семантикой неточности, которая позволяет образовать смысловое поле недоуверенности: *«Ну вот мы и дождались: все победоносные релиции о якобы высочайшем рейтинге Главы Коми на поверку оказались профанацией и блефом»* (Литвак Л. Опять двойка? // <https://komikz.ru/>. 2013. 18 апр. URL: <https://komikz.ru/news/columnists/10155> (дата обращения: 11.02.2019)).

Активно используются слова с эмоциональными коннотациями «негативное», которые выражают осуждение и негодование и позволяют оценить предвыборную кампанию главы региона В. М. Гайзера: *«Политтехнологи за бюджетные деньги пытаются **вдолбить** в сознание жителей республики **страшилку** о том, что без Гайзера всех нас ждёт конец света, и если он не будет избран, коллапс неизбежен»* (Полькин А. Леонид Литвак: «Глава не соврал, просто не сказал всего» // <https://komikz.ru/>. 2013. 05 дек. URL: <https://komikz.ru/news/interview/11646> (дата обращения: 10.02.2019)). Негативно оценочные метафорические обороты в текстах «Красного знамени» встречаются чаще всего в жанре авторской колонки и являются средством выражения отношения к высказываемому и персонажу: *«Ну и самый главный вопрос: как будут выглядеть республика и её Глава в глазах Президента и премьера, если выяснится, что приписки и фальсификации имели место, а высокий процент голосов «за» "Единую Россию" – липовый? <...> А вот зачем это было нужно **закуливному кукловоду** – большой вопрос»* (Полькин А. Кто подставил Вячеслава Гайзера? // <https://komikz.ru/>. 2011. 25 дек. URL: <https://komikz.ru/news/rakurs/4923> (дата обращения: 11.02.2019)).

Самыми распространенными имиджевыми категориями, формирующими образ С. А. Гапликова в публикациях «Красного знамени», остаются номинации и глагольные слова действительного поля. Журналисты информационного портала прибегают как к нейтральным и положительным обозначениям главы региона (*руководитель «Олимпстроя»; человек с достаточно серьёзными лоббистскими возможностями; грамотный финансист; персона; пример «новой крови»; новый лидер региона; кризис-менеджер; Глава Республики Коми*), так и к отрицательно оценочным единицам (*варяг; сменщик Гайзера; «чужой дядька»; аутсайдер рейтинга «новых» губернаторов*). Кроме того, в некоторых номинациях возникает отрицательная коннотация благодаря контексту: *«Всюду Гапликов, Гапликов, Гапликов... Включишь телевизор – «Гапликов сказал...», «Гапликов поручил...», «Гапликов пообещал...», откроешь ленту информагентств – опять один Гапликов!»* (Полькин А. Чего мы дождались от сменщика Гайзера // <https://komikz.ru/>. 2016. 28 апр. <https://komikz.ru/news/columnists/15750> (дата обращения: 11.02.2019)). Способы вербализации образа представителя власти позволяют судить о том, что акцент во многом делается на негативных моментах даже в нейтральных номинациях.

Говоря о лексике, обозначающей «деятельностное поле» власти, необходимо отметить глагольные слова, описывающие предвыборную кампанию главы региона. В рамках этой темы журналисты «Красного знамени» возвращаются к вопросу о назначении политика: *«Фигура Сергея Гапликова виднеется отчетливее других кандидатов. Он везде: рассказывает на камеры о новых производствах, встречается с известными по всей России людьми, раздает поручения направо и налево, летает на самолетах, и, наконец, именно его поставил сам Путин»* (Харитонов В. Как выбрать «не наше» // <https://komikz.ru/>. 2016. 26 июл. URL: <https://komikz.ru/news/politics/91564> (дата обращения: 11.02.2019)). Несмотря на победу С. А. Гапликова, результаты выборов презентуются с негативной коннотацией в публикации *«Сергей Гапликов проиграл Вячеславу Гайзеру»: «Избиратели накидали новому Главе Коми в два раза больше «чёрных шаров», не желали его предшественнику»*, но при этом отмечаются и положительные моменты: *«Результат, показанный им, – 62,17 % голосов, – вполне достойный и, главное, выглядит очень реалистично на фоне иных»* (Черницын В. Сергей Гапликов проиграл Вячеславу Гайзеру // <https://komikz.ru/>. 2016. 21 сент. URL: <https://komikz.ru/news/politics/91805> (дата обращения: 11.02.2019)). Акцент в публикациях, описывающих результаты деятельности нового главы, как правило, делается на провалах политика (*не удалось сплотить «приезжих» и местных чиновников; не удалось обзавестись поддержкой бизнес-элит и сохранить инвестиционную привлекательность Коми; ткнул пальцем в небо; прожект по вводу санатория «Серёгово» провалился, а башенные краны никому не нужны; обещанный ввод новой школы в Сыктывкаре сорван; надругательство над экологией; «пиаровская рать» Гапликова навесила электорату лапшу на уши в виде идеи «воз-*

рождения республики»; отобрало ряд льгот у ветеранов, учителей и работников культуры): «Если команда «варягов» будет хозяйствовать так и дальше, то уже в следующем году республика **обанкротится**» (Полькин А. Сто дней и 15 месяцев // <https://komikz.ru/>. 2016. 29 дек. URL: <https://komikz.ru/news/politics/92179> (дата обращения: 11.02.2019)).

При описании нововведений политика активно используются эмоционально-экспрессивные коннотации и оценочная лексика: «*Вот в Емве обещано возвести тепличный комплекс, который завалит огурцами всю республику и будет, видимо, снабжать ими также Киров и Архангельск. Наверняка теперь испуганные кировчане, прослышав про такие чудеса, бросят заниматься овощами вообще и будут ждать, когда соседи привезут им свои дешёвые северные огурцы*» (Полькин А. Чего мы дождались от сменщика Гайзера // <https://komikz.ru/>. 2016. 28 апр. <https://komikz.ru/news/columnists/15750> (дата обращения: 11.02.2019)). Слова с эмоциональными коннотациями особенно часто употребляются в авторских колонках. В качестве примера можно привести следующий контекст, в котором выделенные вербальные единицы указывают на неуважительно-пренебрежительное и даже фамильярное отношение к представителям власти: «*На кой ляд вам, Сергей Анатольевич, понадобилось наделять вашего, видимо, давнего **кореша** по олимпийской стройке странным, никогда не существовавшим в РК титулом «спецпредставителя», вообще говоря, требующим расходов из бюджета?»* (Черницын В. Зарубин Сергея Гапликова // <https://komikz.ru/>. 2016. 03 дек. URL: <https://komikz.ru/news/columnists/92099> (дата обращения: 13.02.2019)). Активно привлекаются прецедентные тексты, делающие текст более емким в смысловом и эмоциональном плане. В следующем примере негативная оценочность вызвана литературной аналогией и направлена на современные реалии: «*Одним словом, в республике было создано своё Министерство правды – почти как в романе-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла*» (Полькин А. Чего мы дождались от сменщика Гайзера // <https://komikz.ru/>. 2016. 28 апр. URL: <https://komikz.ru/news/columnists/15750> (дата обращения: 14.02.2019)).

Таким образом, ключевые вербальные характеристики образа власти в медиадискурсе зависят от формата издания и его идеологической составляющей и могут быть представлены как эксплицитно, так и имплицитно. На страницах исследуемых СМИ формируются два противоположных образа руководителя региона: в публикациях информационного агентства «БНК» – прежде всего с положительной оценочной направленностью, в материалах информационного портала «Красное знамя» – с отрицательной. При этом набор вербальных имиджевых конструкторов, с помощью которых изображается власть и ее действия, в публикациях остается стабильным, несмотря на изменение ситуации в системе руководства республикой, а образ главы региона раскрывается посредством функционально-семантических разрядов слов в зависимости от типа издания, либо вызывающих доверие ауди-

тории, либо формирующих отрицательную репрезентацию. Кроме того, способы вербализации образа власти позволяют судить о том, что нужный смысловой акцент можно сделать и с помощью стилистически нейтральных языковых единиц посредством имплицитной контекстуальной оценочности.

1. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама : учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lobbyists.ru/eu/polit.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

2. Данкова Н. С. Дискурсивные стратегии репрезентации судебной власти в жанрах печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018.

3. Информационное агентство «БНК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnkom.ru/> (дата обращения: 28.01.2019).

4. Информационный портал «Красное знамя» [Электронный ресурс]. URL: <https://komikz.ru/> (дата обращения: 28.01.2019).

5. Касаткина Е. А. Концепт «власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеосемантический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2012.

6. Красное знамя. Республика Коми [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/komikzru> (дата обращения: 28.01.2019).

7. Межрегиональный интернет-журнал «7x7» новости, мнения, блоги [Электронный ресурс]. URL: <https://7x7-journal.ru/koми> (дата обращения: 15.02.2019).

8. Паблик Республики Коми «Территория мечты» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/komipublic> (дата обращения: 28.01.2019).

9. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 284–328.

10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=490457&spec=1> (дата обращения: 04.02.2019).

11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

12. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012.

**ПРИЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
И СОБЫТИЙ XIII–XV ВЕКОВ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ
40–50-х гг. XX ВЕКА (С. М. БОРОДИН «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ», М. А. РА-
ПОВ «ЗОРИ НАД РУСЬЮ»).**

TECHNIQUES OF INTERPRETATION OF THE IMAGE OF HISTORICAL
FIGURES AND EVENTS OF XIII–XV CENTURIES
IN THE RUSSIAN HISTORICAL NOVELS OF THE 40–50-ies. THE TWENTIETH
CENTURY (S. M. BORODIN's «DMITRY DONSKOY»,
M. A. RAPOVA «STARS OVER RUSSIA»).

В статье рассматриваются ключевые приемы интерпретации исторического события и образа исторической личности в средневековом тексте и историческом романе на материале «Сказания о Мамаевом побоище», фольклора и русских исторических романов 40–50-х гг. XX в. Созданные в разные эпохи, но посвященные наиболее сложным периодам в истории России (монголо-татарское нашествие и Великая Отечественная война), эти произведения предоставляют интересные примеры авторской интерпретации героев исторического события и самого события. В отличие от средневековой концепции, проникнутой идеями провиденциализма, с четкими канонами изображения «своих» и «врагов», в историческом романе XX в. в литературном облике героев на первый план выходит тема их связи с народом и народной культурой. Тем не менее, основным источником информации о средневековой Руси для авторов исторических романов являются памятники официальной мысли, дополненные фольклорным материалом, что становится одной из точек пересечения средневекового и современного текста.

Ключевые слова: историзм, исторический роман, средневековое повествование, тенденциозность, нарратив, литературный образ, история, Древняя Русь.

In this article the main methods of medieval and modern interpretation of historical event and historical figure's literary image are investigated. The Ancient Russian literary text «The Tale of the Rout of Mamai» and Russian historical novels of 40-50s XX century are materials of the article. They were written in different periods and inspired with significant historical events (Mongol-Tatar invasion to Ancient Russia and Great Patriotic War). This texts give interesting examples of author's interpretation of historical character and event. In contrast to medieval historical representation in historical documents inspired with providence and strict canon of description of allies and enemies in the modern novel the theme of character's connection with the nation and national culture dominates. Besides official documents and folklore are sources medieval and modern literary texts and their points of interception.

Keywords: historicism, historical novel, medieval narration, tendentiousness, narrative, literary image, history, Ancient Russia.

Обращение к особенностям принципов изображения исторической личности в литературном тексте встраивается в русло проблем, активно изучаемых гуманитарными науками на современном этапе. В частности, внимание к человеку, создающему текст, воспринимающему его и изображенному в нем, разворачивается в исторической перспективе в областях лингвистики, литературоведения, философии и истории. В рамках литературоведения создаются работы, отталкивающиеся от человека как ученого, создателя и читателя текста [2; 6; 11; 20].

Вопрос о создании литературного облика исторической личности отдельно затрагивается в исследованиях, созданных на материале разнообразных исторических документов [1; 13; 19; 30]. Особое внимание в этой связи заслуживают работы, направленные на изучение взаимодействия литературных систем двух периодов – средневековой и более поздней – на уровне художественных образов, идейного замысла текста. В частности, подобное «совмещение» систем образов может происходить на достаточно «невысоком» уровне: путем одностороннего «приобщения» героев и событий русской средневековой истории к современной «массовой культуре» [9], несколько «наивного» создания образов «в духе» средневекового колорита и тенденциозной попытки интерпретации образов исторических лиц [7]. Более сложными и интересными являются отдельные попытки перенесения приемов древнерусских воинских повестей в историческую мемуаристику XIX в. [24], разработка авторской концепции истории на материале исторических документов [17], общие методологические точки схождения средневековой и постмодернистской литературы [5].

К изучению особенностей трансформации образов, воспринятых из средневекового источника, в текстах более позднего периода намерены обратиться и мы на материале исторических романов 40–50-х гг. XX в. («Дмитрий Донской» (1941) С. П. Бородина и «Зори над Русью. Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле» (1954–1958) М. А. Рапова). Ограничение этими двумя произведениями связано с общностью изображаемого ими события (Куликовской битвы), но различием в масштабе конструируемой истории и подходе к изображению исторических лиц. Объектом нашего исследования будет являться образ главного героя с точки зрения авторской интерпретации разрозненных сведений об исторической личности, воспринятых из исторических документов, и ключевых приемов автора. Исходя из этого целью данной статьи является характеристика главных авторских приемов интерпретации известных исторических личностей, переосмысление автором сюжетного и художественного материала средневекового текста.

Отдельно скажем об избранном периоде исследования. Период 40–50-х гг. особенно заинтересовал нас в связи с обилием произведений на героическую тему, активно использующих значимые исторические образы прошлого ради идеологических целей. Сложное сочетание строгих литературных требований с необходи-

мой «социальной злободневностью» произведения и попыток «окунуться в буржуазное прошлое» создавало ряд трудностей для автора. С точки зрения этой тенденциозности и ограниченности строгими рамками исследователи сравнивают работу авторов исторического повествования начала XX в. и труд средневековых книжников, направляемых требованиями канона и этикета [14]. История и ее герои в этой связи носят особенно тенденциозный и избирательный характер. Относительно историчности некоторых романов, созданных с 1930-х гг., высказывался В. В. Каргалов в своей книге «Московская Русь в советской художественной литературе» (1968). Историк отмечает достоинство этих произведений (или недостаток), заключающееся в строгом соблюдении принципа историзма: «второй, высшей ступенью категории историзма является способность отражать не только внешние атрибуты, но важнейшие закономерности эпохи, важнейшие закономерности социальной жизни... Лучшие произведения исторического жанра, созданные советскими писателями, отличаются именно таким «историзмом нового типа» [12, с. 5–6]. В то же время Каргалов говорит о значимости литературы для познания истории (литература как «средство познания народом своей многовековой истории») и о роли марксизма-ленинизма как средства «проникновения в главные закономерности изображаемого периода» [12, с. 5]. Эти два утверждения указывают на значимость и достаточно сильную ангажированность исторической литературы вплоть до 1960-х гг.

На тесную связь эпохи и характера как одно из существенных качеств исторического романа указывал в 1930-х гг. Г. Лукач, отмечая «историческое своеобразие» эпохи в качестве источника характера персонажа [18, с. 46]. Замечание критика о недостаточном проникновении авторов классического исторического романа (от Вальтера Скотта) в природу общественных сил выдвигает на первый план в качестве обязательного требования связь героев романа с народной жизнью. Во многом такое требование продиктовано как своеобразием жанра исторического романа, который тяготеет к изображению частной и общественной жизни в ее взаимодействии, так и эпохой написания статьи, отмеченной рядом крупных общественных перемен.

Проблема роли личности в историческом событии на материале исторической литературы тесно связана с проблемой достоверности и фактографичности исторического документа, специфики самого понятия «история». В современной науке сама история трактуется неоднозначно: как «совокупность произошедших событий» или как «повествование о прошедшем», т. е. по сути «нарративный текст», обладающий собственной эстетикой [17, с. 12]. В связи с последним толкованием принято говорить и о «концепции истории», содержащей определенную художественную философию исторического процесса, события. Эта «творческая категория» формируется сознанием человека под влиянием культурно-исторических

условий, разделяемых философских идей и др. Концепцию истории можно связать и с историческим сознанием, равно совмещающим в себе представления о «родовом прошлом» общества, его «видовом настоящем» и «прозреваемом будущем» [3, с. 5]. В плане историографии историческое сознание определяет «не только способ фиксации исторической памяти, но и отбор, объем и содержание достопамятного...» [3, с. 6].

Говоря об особенностях проявления исторического сознания, исследователи обращаются к понятию «историзм», которое имеет разноплановое значение [25, с. 25–61]. А. Н. Робинсон отмечает, что историзм (в данном случае речь ведется о соответствии материала источника реальности) средневековой литературы можно назвать символическим, так как даже в летописях и хрониках, при преобладании «фактографическо-познавательной основы», сохранялось «провиденциально-символическое осмысление событий» [21, с. 5]. **Для обозначения достоверной фактической информации** другой исследователь – М. И. Стеблин-Каменский – предложил ввести термин «историческая правда», то, что «действительно было». Тем не менее, исследователь отмечает, что «во всей своей полноте действительность прошлого не может быть содержанием точного сообщения, представляющего собой историческую правду...» [28, с. 29], **так как воспроизводится в результате «творческого обобщения».** Отсюда на материале средневековой литературы подчеркивается спорность и такого понятия, как «исторический факт», достоверность которого маловероятна в связи с «творческой природой» исторических источников [21, с. 7–8].

Учитывая историко-литературную природу средневековых текстов, кратко обратимся к художественно-исторической форме репрезентации исторических событий, изложенных в упомянутых нами исторических романах. Основным источником сведений о Куликовской битве считается «Сказание о Мамаевом побоище», которое было создано в конце XV в. **Именно в Сказании содержится самый пространственный и подробный рассказ об основных перипетиях подготовки к битве и о самой битве** войска великого князя Дмитрия Ивановича с ордами Мамаю. Ряд эпизодов произведения не находит параллели в других памятниках [10, с. 371–372]. Как показали наши наблюдения, именно «Сказание о Мамаевом побоище» (далее – СМП) и стало основным источником информации для авторов названных выше романов.

Во-первых, отдельные эпизоды, взятые автором из СМП и переданы с сохранением деталей сюжета. Сюда можно отнести эпизод «слушания земли» в «Дмитрии Донском», который в смысловом и образном плане передает аналогичный эпизод в «Сказании о Мамаевом побоище» (см. табл. 1):

Эпизоды, позаимствованные из СМП

«Дмитрий Донской»	СМП
<p style="text-align: center;">1</p> <p>«– Дмитрий Михайлович! – сказал Дмитрий Боброк. – Послушай землю: что нам сулит это поле?»</p> <p><...>Боброк отошел от князей и лег в траву, прижавшись ухом к земле. Долго он так лежал. Он вернулся молчаливый и не хотел ничего сказать. Но Дмитрий настаивал. Над деревьями поднялась огромная воронья стая и с граем кинулась во тьму, к западу. Боброк проводил их невеселым взглядом.</p> <p>– Слышал я – на востоке вороний грай, и будто воют татарские катуны. А на западе плачут вдовицы и невесты и трубы трубят. Он помолчал, глядя на запад, где вершины лесов начали покрываться розовым туманом.</p> <p>– А значит сие, что будет плач в татарской стороне по множеству убиенных. И будет в русской земле плач, но и победа. О ней и трубы трубят. Надо биться нам, не жалея крови, не уступая, и наши трубы вструбят победу. Тако слышалось мне, княже. Так и тебе говорю...»[4, с. 346].</p>	<p style="text-align: center;">2</p> <p>«И снова сказал: «И еще у меня есть примета проверить». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: «Что там, брат Дмитрий?». Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: «Одна примета тебе на пользу, другая же – к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина, громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева, вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметами битв проверил, оттого теперь и рассчитываю на милость Божию – молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христоролюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет...» [23, с. 171, 173].</p>

Этот же эпизод есть и в «Зорях над Русью» М. А. Рапова, но его наполнение несколько иное. Прежде всего, этот эпизод мы видим не глазами «всевидящего автора», а одного из героев – бывшего разбойника Фомы – «богатыря» из народа, балагура, «шута», который скептически относится к примете «плача земли»: «Фома только головой покачал: «Ведь не врет! Сам своим словам верит. В гуле земли бабий плач услышал. Ну-ну!» [26, с. 711]. Само объяснение примет отличается большей реалистичностью и связано с естественными процессами в природе: «Слышу крик великий и словно трубы, а за ордой... волки воют. С чего бы? Не время сейчас волкам выть. – Волки поживу чувят, вот и воют. Перед битвами они всегда так...» [26, с. 710]. Сам эпизод испытания примет здесь связывается с опасениями Дмитрия Донского о возможном неблагоприятном исходе предстоящего сра-

жения, что указывает на более реалистичный принцип «конструирования» события, по сравнению с заданным провиденциализмом средневекового текста. Из целого «ритуального» и символического комплекса примет и образов СМП (начиная от времени испытания примет («глубокая ночь») до звуковых и зрительных эффектов (зарницы, полыхающие над русским войском) в обоих романах в наиболее «первозданном» виде уцелела только примета о «плаче земли». Все остальные получают более «реалистичную» окраску. Вместо «огненных зорь» над русским войском «свет от костров» [26, с. 711] и «красная, как капля крови, звезда» [4, с. 346], волчий вой и гомон лебедей объясняются естественными причинами. Отличающийся тонким лиризмом и реалистичностью эпизод «плача земли» мог быть сохранен обоими авторами как символ народного горя.

Во-вторых, авторы используют прием распространения исходных мотивов СМП в историческом романе. По большей части сюда можно отнести все ключевые события в двух указанных исторических романах (например, эпизод, когда после Куликовской битвы русские ратники находят раненого Дмитрия Донского) (см. табл. 2):

Таблица 2

Похоже построенные эпизоды романа М. А. Рапова и СМП

<i>«Зори над Русью»</i>	<i>СМП</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
<p>«Когда приблизился, ухо уловило обрывки спора:</p> <p>– Нет, не князь это...</p> <p>– Говорю, он! Мне ли Митрия Ивановича не знать.</p> <p>– Нашли–то его кто? Гришка Костромич да Федька Сабур, костромич тож. Отколь им Московского князя в лицо знать?</p> <p><...>Народ расступился перед конем Владимира.</p> <p>– Брат! – Владимир почти свалился с седла, споткнулся о ствол березки, упал на колени. Подняв бесчувственную голову, звал: – Брат! Князь! Митя! – Ладонь ощутила тепло щеки. – Жив!</p> <p>Сабур протянул ковш.</p> <p>– Вот водицы принесли. Плесни ему в лицо. Вот так...</p> <p>Дмитрий вздрогнул, открыл глаза.</p>	<p>«Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы – набрели на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует веки!»</p> <p><...></p> <p>Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: «Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр, победитель врагов: победы</p>

1	2
<p>Попытался подняться, не мог. Все тело избито. Владимир твердо взял его за руку: – Встань! Дмитрий поднялся. Увидел кровавый закат над окровавленным Куликовым полем, увидел родные стяги, родные, русские лица. Взгляд его просветлел. – Разгромлена Орда?! – Разгромлена, княже, – ответил Федор Сабур.....» [26, с. 727–728].</p>	<p>этой честь тебе принадлежит!» Князь же великий едва проговорил: «Что там, – поведайте мне» [23, с. 185].</p>

В-третьих, можно отметить и включение обширного фольклорного материала в контекст романа. Наиболее показательным в этом плане становится включение в текст романа Бородина в качестве небольшой, но вполне автономной сюжетной линии песни об Авдотье Рязаночке (см. табл. 3):

Таблица 3

**Схожие эпизоды в «Дмитрии Донском» С. М. Бородина
и песни об Авдотье Рязаночке**

<i>«Дмитрий Донской»</i>	<i>Царь Бехмет и Авдотья женка Рязаночка</i>
1	2
<p>«Он сидел на холме, среди полевых цветов. Ему сказали: из Рязани прибыла женщина, которая хочет говорить с ханом. – Женщина? – Так, хан. – Из Рязани? – Так, хан. – От Олега? – Нет, хан. Сама. Он был один и послал за ближними мурзами. Когда мурзы сошлись и сели на ковер у ног Мамай, он велел ее позвать. Она вошла и сразу поклонилась ему, словно уже видела его. Переводчик сказал: – Это рязанская баба Овдотья называет тебя царем, и кланяется тебе, и просит, чтобы ты ее выслушал. – Слушаю бабу Овдотью! – согласился Мамай.</p>	<p>«– Ты, Авдотья-женка Рязаночка! Когда ты умела пройти путем да и дорогою, Так умей-ка попросить и головушки Из трех единых, А не умеешь ты попросить головушки, Так я срублю тебе по плеч буйну голову». Стоючись, женка пораздумалась, Пораздумалась женка, порасплакалась: «Уж ты, батюшка царь Бахмет турецкий! Я в Казани-то была женка не последняя, Не последняя я была женка, первая. Я замуж пойду, так у меня и муж будет, Свекра стану звать батюшком; Приживу я себе сына любезного, Так у меня и сын будет; Приживу я себе дочку любезную, Воспою-скормлю, замуж отдам, Так у меня и зять будет.</p>

1	2
<p>– Когда ты пожег Рязань... – сказала женщина.</p> <p>– Припоминаю, – сказал Мамай.</p> <p>– Ты увел в полон мужа моего, брата моего, свекра моего и деверя моего. Пришла я просить: отпусти, дай откупить мне этот полон у тебя, царь Мамай.</p> <p>– Не бывало еще, чтобы бабы сами по этому делу ездили.</p> <p>– Мужиков в моем роду не осталось.</p> <p>– Кого ж со мной поведет князь Олег, если у него мужики иссякли?</p> <p>– Того, господин, не ведаю, где он таких мужиков возьмет.</p> <p>– А почем ты платить за свою родню будешь?</p> <p>– А почем думаешь положить?</p> <p>– Восемь коней за каждого.</p> <p>– Хватит у меня на одного.</p> <p>– Кого ж выкупать станешь?</p> <p>– Брата, царь.</p> <p>Мамай удивился:</p> <p>– Брата? А муж?</p> <p>– Замуж выйду, муж будет; будет муж – свекор будет; муж будет – сын родится, а сын у свекра родится деверь мне будет. А брата мне уж нигде не взять – родители мои в Рязани сгорели.</p> <p>– Все ли у вас бабы в Рязани таковы? – усмехнулся Мамай.</p> <p>– Все ли, не ведаю, да я не краше иных.</p> <p>– С лица ты и верно не красна, шрам вон на лбу, лет тебе не совсем мало...</p> <p>Мамай посмотрел на своих мурз. Ему хотелось удивить их. Он вспомнил: великие завоеватели мира всегда проявляли щедрость, чтобы потомки с удивлением вспоминали о них; потомкам надлежало также вспоминать острый и мудрый ответ, облакающий эту щедрость. Бернаба подсказал бы, но Бернабы не было.</p>	<p>Не видать мне буде единыя головушки – Мне милого братца родимого, Да не видать век да и по веку».</p> <p>Сижучись-де, царь пораздумался, Пораздумался царь, порасплакался.</p> <p>«Ты, Авдотья-женка Рязаночка! Когда я разорял вашу сторону Казань-город подлесную, Тогда у меня убили милого-то братца родимого.</p> <p>Не видать буде век да и по веку. За твои-то речи разумныя, За твои-то слова за хорошия Ты бери полону, сколько надобно, Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве» [29, с. 229].</p>

<p>Тогда Мамай сорвал распутившийся возле ковра жесткий белый цветок и подал его Овдотье:</p> <p>– Иди по моей Орде, доколе не увянет этот цветок, и тех из своей родни, кого успеешь сыскать за это время, бери без выкупа. Аллах завещал нам проявлять милость к женщинам.</p> <p>Овдотья, потупившись, с горечью взглянула на цветок, но вдруг лицо ее просветлело:</p> <p>– Благодарю тебя, царь, – ты сам не ведаешь меру своей щедрости.</p> <p>Мамай самодовольно улыбнулся: "Глупая женщина".</p> <p>Овдотья, в сопровождении воинов, не спеша пошла по Орде. Цветок в ее руке был галечник – беленький донской бессмертник.....» [4, с. 284–286].</p>	2
--	---

Подобный прием С. П. Бородин отражает, с одной стороны, авторское стремление к созданию занимательного сюжета, а с другой – попытку автора воссоздать (или точнее «предположить») атмосферу народной жизни и народной культуры, проникнутой патриотическими образами, идеями и настроениями. Несмотря на различия исторических реалий, Бородин жестко прикрепил содержание песни к эпохе Куликовской битвы. Его Авдотья – жительница Рязани (а не Казани, как в песне). Отважная женщина, не страшась жестокого врага, идет в его стан выручать плененных Мамаем русских людей, не только своих родственников. В романе изменены исторические условия: речь идет не о начале татаро-монгольского нашествия и не о походе татар в 1237 г. (нашедших отражение, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем»), а о событиях 1380 г., накануне Куликовской битвы. Подобное перемещение во времени, вероятно, можно связать с желанием автора приурочить события известной народной песни к описываемым событиям в связи с особым патриотическим наполнением песни об Авдотье Рязаночке.

Распространение «сюжетного» плана за счет привлечения фольклорного материала использовано и при создании образов персонажей исторических романов, как вымышленных, так и зафиксированных в произведениях средневековой литературы. Остановившись на ключевых приемах создания образов персонажей исторических романов, мы выделяем следующие.

Во-первых, особое выстраивание акцентов в изображении главных «действующих сил» истории. В соответствии с требованием поэтики социалистического реализма авторы должны были особое внимание уделять изображению «народной

жизни», последовательного выстраивания «взаимосвязи частного и общественного» в панораме изображения исторического события и его героев. Каноны средневекового текста (в нашем случае СМП) выдвигали на первый план образ князя, который действовал как защитник земли, полагаясь на Божью волю [16, с. 25–67]. В случае с образом Дмитрия Донского в СМП наблюдается дополнительное усложнение мотивировки действий князя избранника Божьего, защитника всей христианской веры и «собирателя русских земель» [27, с. 25–26].

В рамках средневекового повествования образ Дмитрия является во многом «монохромным» и соответствует модели идеального правителя конца XV в.: он не только воин и полководец, но и христианин и «подвижник», готовый принять мученический венец вместе со своими воинами [27, с. 25–26]. Аналогичной является трактовка образа великого князя в романе «Зори над Русью...», где сценарий жизни великого князя Дмитрия Ивановича включает идеализирующие героя эпизоды, показывающие его как полководца и государственного деятеля, последовательно, с самого детства, готовящегося быть главой государства. Хронологические рамки романа – 1359–1380 гг. Первое знакомство с героем происходит, когда ему 9 лет (родился в 1350 г.), завершается событием наивысшего взлета – победой в Куликовской битве в 1380 г. Автор показывает, как происходит процесс формирования личности князя-победителя, «государственного устроителя». Обращение к личным переживаниям князя перемежается с репликами (авторскими, других героев и самого князя), постоянно упоминается о долге князя перед Русью («Княжий долг вновь зовет Дмитрия Ивановича! Не мальчонко–сиротинка, а великий князь спит у меня в келье...» [26, с. 171] – в эпизоде «побега» маленького Дмитрия в Троицкий монастырь после смерти матери; « Не сочти за похвальбу, княжна, а только быть мне кречетом до тех пор, пока стервятники степные кружат над Русью. За то и голову положу...» [26, с. 153] – из разговора юного князя с будущей невестой).

В «Дмитрии Донском» С. П. Бородина наблюдается существенный отход от идеализированного образа князя. Главному герою – московскому князю – противостоит «человек из народа», монах-расстрига Кирилл. Недоверчивый и подозрительный князь решается пойти на «необходимую», по его мнению, жестокость – тайно убить строителей московского Кремля, чтобы о тайных ходах комплекса не узнали татары. Кирилл, единственный строитель, которому удалось спастись, не может простить князю уничтожения невинных людей, как строителей Кремля, так и простых крестьян, убитых в княжеских междоусобных войнах с Тверью, Рязанью, татарами. Уже после победы на Куликовом поле раненый Кирилл бросает Дмитрию упрек, подчеркивающий то огромное расстояние, которое стоит между простым человеком и князем: «Какие ж мы братья? Я во прахе лежу, а ты на коне скачешь. Любо те, что столько нас полегло?» [4, с. 367].

Вопрос о том, кто первый страдает от княжеских усобиц и нашествий внешних врагов, равно как и кто, обеспечивает оборону в битве, выводит на первый план судьбы представителей народа в историческом романе, что является обязательным требованием советской литературы. Противопоставление княжеской и народной судьбы встречается в обоих романах, но если в «Дмитрии Донском» эта тема касается и не самых «понятных народу» решений самого московского князя, то в «Звездах над Русью...» в основном раскрывается на примере политики тверского князя Михаила – политического противника Дмитрия Ивановича. Акценты в образах князя несколько отличаются: периодическое недовольство княжескими решениями в народной среде «уводится» автором в сторону усталости от бремени ига, княжеских усобиц и привилегированного положения купцов. Наиболее ярко это проявляется в эпизоде народных сетований по поводу очередных поборов для Орды:

«– Да, дары! Узводит князь казну. Денежки кровные. У меня последнее взяли.

Сразу сердито откликнулось много голосов:

– Не береди!

<...>

– Со всех так!

– Ну не со всех, вон князь в золоченом доспехе.

– Так нешто я про князя. А людей ободрали.

<...>

– А я бы, братцы, не серебром царю глотку заткнул, а булатом. Пошто терпим?

Выйти бы всем миром.

<...>

– Вот тут и споткнешься. Мы, скажем, выйдем, а Михайло Тверской нам в спину нож аль еще кто.

– Супостатов не искать стать!

– В том и беда! Чтоб Орду одолеть, спервоначала надо своих князей обуздать.

Вон Митрий Иваныч на князей посягает, то благо...» [26, с. 552].

Выделение же образа человека, пострадавшего от политических решений князя, в качестве одного из главных героев, чьими глазами мы наблюдаем часть событий, позволяет «усомниться» в однозначности образа Дмитрия Ивановича, поднять проблему «необходимого зла» и «власти и народа». Биография исторического лица, представленного в средневековом тексте однозначно и «пунктирно» существенно расширяется и дополняется неоднозначными характеристиками и поступками.

В качестве еще одного авторского приема работы с фактическим материалом можно обозначить построение полной биографии героя по нескольким «опорным

точкам», взятым из средневекового памятника. Особенно ярко это проявляется в образе Семена Мелика – героя «Зорь над Русью...» М. Рапова. Семен Мелик упоминается в СМП как один из воинов, посланный в разведку и погибший в Куликовской битве (см.: «И дальше поехал, и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них Тимофей Волуевич убитый...») [23, с. 185, 187]. Больше ничего о его «биографии» в произведении не сообщается. Однако в «Бархатной книге» он упоминается как родоначальник рода Милюковых [22, с. 345–346]. Информация о нем достаточно скудна, известно только, что он был «из немцев». Книга «Дворянское сословие Тульской губернии» дает дополнительное пояснение о мести гибели Семена («убитого на Мамаевом побоище» [8, с. 181]). Биография этого героя в романе М. А. Рапова насыщена самыми разными событиями и развивается параллельно биографии Дмитрия Донского на протяжении всего романа. Тяготы ордынского ига касаются его лично: от похищения невесты ордынским посланцем до угрозы порабощения всей Руси. Герой проходит путь от гонца суздальского князя до воеводы князя Московского, участвует во многих значимых событиях. Подобное «выдвижение» героя из народа и возможность увидеть «события» его глазами типично для исторического романа 30–50-х гг. XX в. с его обращением к «народной жизни» и «подводному течению», подготовившему историческое событие (см. заглавие романа М. А. Рапова «Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле»).

Внимание к народной жизни проявляется и в учете автором особенностей народной культуры. В этом плане особенно знаковым становится образ бывшего разбойника, ныне княжеского воина Фомы, также встречающегося в романе М. А. Рапова. Имя этого героя, как и Семена Мелика, взято автором из СМП, и его биография существенно «дополнена» писателем. В СМП разбойник Фома Кацибей – визионер, только ему из всего русского войска являются в видении святые Борис и Глеб, обещающие русскому войску свое покровительство («В ту же ночь великий князь поставил некоего мужа, по имени Фома Кацибей, разбойника, за его мужество стражем на реке на Чурове для крепкой охраны от поганых. Его исправляя, Бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. ...») [23, с. 173]. Этот эпизод встраивается в основную провиденциальную линию развития событий и становится в нем наряду с эпизодом о «слушании земли» Михаилом Бренком важным элементом, «закрепляющим» успех предприятия князя Дмитрия.

В романе М. А. Рапова Фома наделяется чертами народного шута и скомоороха, близкого народной смеховой культуре. Мотивы перевоплощения и обмана («лицедейства») развиваются за счет введения в текст нескольких деталей комического плана. Так, в ордынском плену Фома обманывает своего хозяина, когда выдает себя за могущественного колдуна: «Меня Ахмед убить хотел, заразы боясь, а я, живот свой спасая, и надумал пригрозить – напущу, дескать, порчу,

как на старого хозяина напустил. Он сдуру и поверь, тут я его и оседлал...» [26, с. 145]. И эпизодов, в которых Фома обманывает доверчивых людей (не только татар, но и русских), в романе несколько. Так, он наряжается в скomorоха, чтобы попасть в Москву в период обострения княжеских междоусобиц, взятый в «холопы» боярыней Паучихой, участвует в ковке булатных мечей для литовского князя, но специально делает мечи низкого качества. А так как литовский князь Ольгерд, как об этом сообщает СМП, был союзником Мамаю, то получается, что хитрость этого героя была на руку Руси. Еще одна важная деталь, введенная в текст романа, – портрет героя. Значимыми для образа Фомы становятся его черная борода, богатырская сила и «козья личина», в которую он обряжается на площади. Черная густая борода и личина козла отчасти указывает на связь героя с «миром лицедейства и черта», именем которого называют и самого Фому («Все такой же! По-прежнему ловок, бес!») [26, с. 187] (встреча с Семеном Меликом на площади). Другие «эпитеты» в адрес Фомы также выражают его «инаковость» («Девочка подняла голову: черен! лохмат! простоволос! Закричала: – Татарин! Нехристь!...» [26, с. 164] (жительница Новгорода о везущем телегу с мертвыми Фоме); («Пусти, змий-искуситель. Задавил...» [26, с. 74] (хозяйка кабака о Фоме).

Мотив избранничества этого героя и непохожести его на обычных людей разрабатывается М. А. Раповым достаточно подробно и с использованием традиционного для провиденциального сюжета материала. Миссия героя – быть вестником чуда князю Дмитрию Ивановичу, и потому он проходит множество испытаний (например, ордынский плен), он наделен богатырской силой, его «смеховая природа» и одновременно миссия быть вестником «божественного промысла» хранят его в безнадежных для обычных людей ситуациях. Во время эпидемии чумы Фома был одним из немногих, кто не только не заболел, но и помогал хоронить умерших наравне с юродивыми, «блаженными Христа ради» избранниками Божьими: «Как вас не знать. Не больно много таких-то, как ты, в Новом городе. Поглядишь на вас из-за тына – дрожь возьмет! Вон Ивашко – человек божий – покойничков везет. Вон Васька Беспутный. Этот хошь пьян без просыпа, да прав перед господом по делам своим. Вон Никола Убивец ради спасения души старается. Да еще ты, Фома – веселая голова. Про тебя так и говорят: «Этот не унывает. С этим и помирать вроде легче. Хоша и ругатель, но свят человек» [26, с. 162]. Образ Юродивого как того, кто яснее «зрячих», различает правду от неправды [15, с. 7–8], не менее показателен на примере Васьки Беспутного – новгородского юродивого, который в ситуации нашествия ордынцев на Нижний Новгород, оставленный своим князем, один решился защищать город («Васька услышал, как издалека начал надвигаться гул. Поднял понуренную голову. «Стонет мать сыра земля! Стонет!...». Сразу весь подобрался, увидев несущихся к воротам ордынцев. Еще было время

закрывать ворота, но Васька шагнул вперед, выставил рогатину навстречу врагам, ждал.....») [26, с. 642]. **Выдвижение на первый план роли смеха в его противостоянии с неправдой и смертью органично вливается в народную смеховую культуру, отраженную в разных памятниках фольклора и литературы.**

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующие основные приемы обработки авторами указанных исторических романов материалов, известных по древнерусским или фольклорным источникам: во-первых, это точное следование историческому источнику, когда события воспроизводятся в общих чертах, характер героя изображается в сходном со средневековым текстом ключе, во-вторых, расширение и дополнение исторического эпизода и разработка подробной «биографии» героя, только упомянутого в источнике (в некоторых случаях происходит полное «выстраивание» новой биографии по ключевым точкам), в-третьих, введение в повествование отдельных сюжетных линий, полностью или частично повторяющих баллады или легенды. Средневековый текст (в нашем случае СМП) выступает только как один из источников исторического материала, предоставляющий в распоряжение автора минимальный набор фабульного материала, из которого автор конструирует собственную версию Куликовской битвы и биографий ее участников. «Перекодировка» образов и сюжетов на более реалистический лад во многом обусловлена и временем создания романов и замыслом создания героического, но вполне реалистичного (в традициях современной автору литературы) полотна о героическом прошлом в трудное для страны время.

1. Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2017. Вып. 25.
2. Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт : сборник научных статей и публикаций / отв. ред. Е. Н. Обатнина. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2018.
3. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
4. Бородин С. М. Дмитрий Донской : роман. М.: Воениздат, 1987.
5. Водолазкин Е. Г. О средневековой письменности и современной литературе // Текст и традиция: альманах, 1 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) Рос. акад. наук, Музей усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». СПб.: Росток, 2013. 432. С. 37–66.
6. Гетманская Е. В., Шевченко О. А. Читатель как категория литературоведения // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по матер. LIV междунар. науч.-практ. конф. № 11 (54). Новосибирск: СИБАК, 2015. С. 190–195.
7. Гладкова О. В. Образ Древней Руси в современной детской литературе // Герменевтика древнерусской литературы : сб. 15. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 811–838.

8. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула: Тип. Губ. правления, 1899–1916. Т. 2 (11): [Алфавитный список дворянских родов с указанием важнейших документов, находящихся в делах разных фамилий Родословного архива Тульского дворянского депутатского собрания] / сост. В. И. Чернопяттов. М., 1908.

9. Демин А. С. Древняя Русь в новейшей русской поэзии // Герменевтика древнерусской литературы : сб. 15. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 763–810.

10. Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч.2. Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 371–384.

11. Дронова Т. И. «Свидетель истории»: сюжетно-повествовательная роль В. Голицына в романе Д. С. Мережковского «14 декабря» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сборник научных трудов / под ред. проф. Т. Д. Беловой, А. Л. Фокеева. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. Вып. 7. С. 161–168.

12. Каргалов В. В. Московская Русь в советской художественной литературе. М.: Высшая школа, 1968.

13. Каштанов С. М. Московское царство и Запад. Историографические очерки. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

14. Кларк К. Советский роман. История как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=2661> (дата обращения: 11.10.18).

15. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.

16. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Избранные работы : в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 130–141.

17. Лобин А. М. Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала XXI века : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2018.

18. Лукач Г. Исторический роман. М.: Common place, 2014.

19. Лучинская С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М.: Индрик, 2001.

20. «Memento meі – от книжника, но не фарисея / Б-ка Рос. акад. наук; авт.-сост. Т. В. Кульманова; отв. ред. Н. В. Колпакова; предисл. Н. В. Баженова; реценз. О. Н. Ильина и А. А. Романова. СПб.: БАН, 2018.

21. Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в книжной и рукописной традиции XV–XVIII веков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001.

22. Новиков Н. И. Родословная книга князей и дворян... (Бархатная книга) : [в 2-х ч.]. М., 1787. Ч.2.

23. Основная редакция Сказания о Мамаевом побоище / подгот. текста В. П. Бударкина и Л. А. Дмитриева, перевод В. В. Колесова, коммент. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV вв. СПб.: Наука, 1999. С. 138–190.

24. Пауткин А. А. Традиции древнерусской литературы в «Исторических записках» участника Отечественной войны 1812 г. капитана Г. П. Мешетича // Герменевтика древнерусской литературы : сб. 8. М.: Наследие, 1995. С. 197–203.

25. Петров А. В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII в.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
26. Рапов М. А. Зори над Русью: Повесть лет, приведших Русь на Куликово поле. Ярославль: Изд-во ТОО «ЛИЯ», 1993.
27. Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повести о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 10–38.
28. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1984.
29. Царь Бахмет и Авдотья женка Рязаночка // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. Народные былины, старины, побывальщины и песни. М., 1861–1867. С. 228–229 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/357228> (дата обращения: 11.11.18).
30. Юсим М.А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М.: ИВИ РАН, 2014.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛЫ

УДК 821.161

М. В. Мелихов
M. V. Melikhov

ПЕЧОРСКИЙ СПИСОК «ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 Г.»

PECHORA LIST «TALE OF THE CAPTURE OF CONSTANTINOPLE BY
THE TURKS IN 1453»

Впервые издается хронографическая редакция «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» из рукописного сборника конца XVIII в. (научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки АН РАН), приобретенного на Печоре.

Ключевые слова: *рукописные старообрядческие сборники, воинские повести в составе сборников, «Повесть о взятии Царьграда турками».*

For the first time, the chronographic edition of The Tale of the Taking of Tsargrad by the Turks was published in 1453 from a manuscript collection of the end of the 18th century. (Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences) acquired in Pechora.

Keywords: *handwritten Old Believers collections, military tales in collections, the Tale of the capture of Tsargrad by the Turks.*

«Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (далее: ПЦ) – это не одно произведение, а целый комплекс текстов, посвященных истории создания императором Константином Великим Константинополя, его осаде и завоеванию турками в 1453 г. Повесть известна в двух редакциях: Искандеровской, сохранившейся в единственном списке второй половины XVI в. и названной так по приписке об имени автора, Нестора Искандера, и Хронографической, дошедшей в приложении к русскому Хронографу в редакции 1512 г. [1]. Обе повести, как показало исследование М. Н. Сперанского [4], восходят к общему источнику, и старшей считается Искандеровская редакция [5, с. 195–197].

В рукописном сборнике из научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки АН РАН (Текущие пост. № 398). Сборник старообрядческий житийный. XVIII в. (70-е гг.), 4°, 365 л., переплет – доски в коже) находится текст под назва-

нием «О взятии Царяграда безбожнымъ Махметомъ Амуратомъ» [3, с. 279]. Название произведения почти полностью совпадает с названием Хронографической редакции ПЦ – «О взятии Царяграда от безбожнаго турьскаго царя Магмета Амуратова сына». Тексты, помещенные перед и после ПЦ, обычны для старообрядческих сборников: «О подании челобитны самодержцемъ Иоану Алексеевичу и Петру Алексеевичу некими Сергием, Саватием... о древлецерковныхъ законахъ», «О Никане патриархе», подборка текстов о казнях старообрядцев епископа Павла, священника Лазаря, протопопы Аввакума, дьякона Федора и других. Здесь же находятся небольшие повести «О создании церкви св. Софея», «О беломъ клобуке», есть «Сказание» дьякона Феодора («...тайну цареву добро есть хранить, а дела Божия проповедати...»).

Расхождения между ПЦ из сборника БАН и Хронографической редакцией повести имеются, но большая часть их не имеет принципиального значения. Можно отметить, что сокращено только заключение повести: не завершено заключительное предложение и по этой причине в нем не оказалось упоминаний о пророчествах Мефодия Патарского и Льва Премудрого о победе над турками «Руского рода» – освободителя Царьграда. В печорском списке систематически заменяются **ѣ** на **е**, **нн** на **н**, **ь** на **е/о** (съхрани – сохрани), **ы** на **и** (акы – аки, туркы – турки, полкы – полки и т. п.). Переписчик часто искажает имена собственные, иногда дает несколько вариантов написания одного и того же имени (Застуня, Зустуний, Нарбей вместо Амар-бей), ошибается при прочтении отдельных слов (например, пишет «пущеннымъ» вместо «пушечнымъ», «горячия» вместо «горючия», «пешщем» вместо «пещцем» (пехотинцем) и т. п., не может правильно прочитать и воспроизвести в списке, с которым работал, воинские и придворные должности греков и турок (флабурра или илабура вместо флабуар, бгимарвей вместо бегиларбей и др.).

Редакторские правки текста редки. Самое значительное изменение исходного текста – пропуск фрагмента, объясняющего символический смысл единоборства орла со змеем на месте будущего города: полностью из текста убран следующий фрагмент: «И бысть царь въ ужасѣ велицѣ и, съзывавъ книжники и мудреци, сказа имъ знамение. Они же, порассудив, сказаща цесарю: «Се место Седмохолмы наречется и прославится и възвеличится в вселѣннѣй паче иныхъ градов, но понеже станетъ между дву морь и бъемъ будетъ волнами морскими, поколебимъ будетъ. А орель есть знамение христианское, а змий знамение бесерменское; и понеже змий одолѣ орла» [1, с. 444]. Иногда переписчик сокращает подробности, видимо, показавшиеся незначительными. Например, сообщая, что Зустуня выстрелом из пушки разбивает казенную часть самой большой турецкой пушки, он фиксирует только сам факт попадания во вражеское орудие, не детализируя его. Так, он, не считывая на грамотность читателей, иногда поясняет значение некоторых слов, переводя их. Так, например, слово «янычани» он переводит как «стрельцы»:

Хронографическая редакция	Повесть о взятии Царьграда турками Тек. пост. № 398.
(Султан Магомет)...а самъ ся оста токмо съ яничаны, обрывся во обозѣ и пушки и пищали уставивъ, боаше бо ся царя (С. 457–458)	...а самъ остася токмо со <i>янычанми, сиречь стрелцами</i> , во обозе, обрався пушками и пищалми уставися кругом, бояше бо ся цесаря (л. 299 об.).

Изредка текст сокращается переписчиком, опускаются или заменяются (не всегда уместно) показавшиеся переписчику лишними подробности осады:

Хронографическая редакция	Повесть о взятии Царьграда турками. Тек. пост. № 398.
И предаша градъ <i>и всякъ чинъ людцкый</i> въ руцѣ всевятей владычице Богородици Одигитрие...(С. 444–445):	И предаша градъ той въ руце пресвятей владычицы нашей Богородице Одигитрею...(л. 265).

Текст публикуется по рукописи БАН РАН, текущие поступления № 398 (Сборник старообрядческий житийный. XVIII в. (70-е гг.), 8°. 365+VII л. в., л. 267 об.–303), 4°, 365 л., переплет – доски в коже. Текст «Повести о взятии Царьграда турками» помещен на л. 261–303.

Текст сверен по Хронографической редакции «Повести о взятии Царьграда турками»: Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911. Приложение 1. С. 443–460. При подготовке текста мы пользовались и изданием «Повести», подготовленным О.В. Твороговым в «Памятниках литературы Древней Руси» (Л., 1982). Искаженные, пропущенные или не понятые переписчиком слова и фрагменты текста восстановлены по Хронографической редакции и выделены курсивом.

1. О взятии Царьграда в лето 6961 // Полное собрание русских летописей». СПб., 1911. Т. 22. С. 443–460.

2. Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г. / подгот. текста, пер. и комм. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216–267.

3. Рыжова Е. А. Описание печорских рукописей из фондов Библиотеки Российской Академии наук // Слово и текст в контексте культуры. Вып. 2. Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район: сборник материалов и исследований. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017.

4. Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 136–165; Т. 12. С. 188–223.

5. Творогов О. В. Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г. // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 195–197.

(Л. 261). *Бытия о поставлении Царя града глава 47*¹.

В лѣто 5803-е царствующу в Римѣ богосодетелному и² великому Константину Фловияну, со тщаниемъ великимъ отвсюду собрав *озимствованныхъ* христиан, и начат³ укрепляти и расширяти вѣру христианскую и церкви Божия украшати, а иныя преславныя въздвизати, а идолов сокрушати и дома ихъ в славу Богу превращати. И потомъ многия законы уставляше христианомъ // (л. 261 об.) точию владети и радети. В среду же и в пятокъ постится страстей ради Христовыхъ, а въ неделю празновати воскресения ради Христова, *жидом* отнюд жертвы не творити и на распятие никогоже не осуждати нечестия⁴ ради *креста*⁵ Христова. И рабъ не покупати никомуже от нихъ, и на златицахъ образъ Христовъ писати. И бысть радость велия повсюду христианомъ.

Въ лѣто 13 царства его, советом Божиимъ подвизаемъ, восхоте создати град во имя свое и посла мужей мудрыхъ во Асию и в Ливию и во Европию на взыскание и избрание⁶ и нарочита места на создание такова града. Онемъ же возвратившимся, сказаваху цесарю различныя // (л. 262) мѣста преславная, наипаче же всехъ похвалиша ему Македонию и Византию. Онъ же болма мыслию прилежаше на Трояду, идеже всемирная победа бысть грекомъ на фряги. И сице помышляюще царю во дни и в нощи, и слыша во сне гласъ, глаголющъ: «В Византии подобаетъ Константину-граду создатися». И абие цесарь, возбудися от сна, и вскоре послалъ в Византию магистровъ и градскихъ *делателей* уготовати место. Самъ же цесарь, остави в Риме кесари два сына свои, Консту и *сына своего* Константина, а в сыновца своего Адаманта послалъ во Британию, и поидѣ цесарь с матерію своею въ Византию, с нею же взялъ и жену свою Максимиану царицу, дщерь // (л. 262 об.) Диоклитиана царя⁷ и зятя своего Ликиния царя, и два брата своих – Долмата же и Констандионовыхъ, два сына – Галу и Галуильяна⁸. И пришетъ Византию, и виде на том месте седмь горъ⁹ и глушиць морскихъ много. И повеле горы рыти и нижняя места наполняти, а на глушицахъ столпы каменные ставити и на нихъ своды сводити и равняти мѣсто; а самъ пребыша в Византии. Егда же уготоваше место, собра царь велможь и магистратов, сиречь земскихъ кнезей и *магистровъ*, и начаша умышляти, како быти стенамъ и стрелницамъ и вратомъ градским. И повелѣ размерити *место на три* углы, на все страны по семи верстѣ, место же бѣ между двухъ // (л. 263) моря, Чернаго и Белаго, яко обоимъ *совещающимъ*.

¹ Киноварь, примитивная заставка.

² Нет в Хр.

³ Ркп.: начатокъ.

⁴ Хр.: чести ради.

⁵ В ркп. нет.

⁶ Ркп.: избранна.

⁷ Хр. далее: и сына своего Константина.

⁸ В Хр.: Ульяна.

⁹ Хр.: рог.

предаша градъ той и всяк чин людский въ руке пресвятей владычицы нашей Богородице Одигитрею, сиреч наставнице и помощнице, глаголюще: «О всенепорочная владычице Богородице, челоуѣколюбивы есте // (с. 265 об.) ствомъ сущи, не остави градъ сей достояния твоего, но, яко мати християнскому роду, заступи, сохрани и помилуй град сей, наставляя и поучая во вся времена, яко челоуеколюбива и милостивая мати, яко да и в немъ прославится имя великолепия твоего во веки». И вси людие рекоша: «Аминь!» И благословиша¹ цесаря и похвалиша добрый его разумъ и еже къ Богу желание.

Цесарь же понужаше стратигов своихъ и градскихъ наказателей храмы святыхъ и дома мирския строити на исполнение града. Вельможамъ же и мегистаномъ и всемъ нарочитомъ людемъ тако заповеда: аще кто сподобится моею² степени царскаго чину, // (л. 266) да сотворит себе память достойну, домъ да воздвигнетъ или обитель славну или иное которое здание дивно, яко да населиться градъ преславными дѣлесе. Также и по немъ царствующи цесари и цесарицы, киждо во свое время подвѣжится вещь преславну сотворити: ови убо на взыскание и собиране страстей Господнихъ и пречистыя Богородицы ризы и пояса, и святыхъ мощей, и иконъ, но и того самого богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса; *овии же* на прибавление града и домовъ великихъ, инъ же паки на воздвижение святыхъ обителей и храмов Божественныхъ, якоже великий // (л. 266 об.) Устинианъ цесарь и Феодосий царь велики и цесарица Евдокея, жена Ираклия царя, и ини мнози. Тако наполниша градъ преславными и дивными вещами, имже и когда блаженны Андрѣй Критский, удивився, рече: «Воистину градъ сей выше славы³ и разума есть». К сим же убо пренепорочная владычица, Мати Христа, Бога нашего, во она времена цесарствующий град сохраняющи и покрывающи, и от бѣдъ спасающи, и от неисцелныхъ болезней и напастей пременяющи. Такими неисчетными благодеянии и дарованми пречистыя Богородицы сподобися град сей, яко и всему миру, мню, недостойно быти тому⁴. Но естество наше тѣшкосердо и нерадиво, и, яко неистовы, юже на нас // (л. 267) милость Божию и щедроть его отвращаемся и на злодѣяния и бѣзакония обращаемся, имиже Бога и пречистую его Матерь разгневаемъ и славы своя и чести отпадаемъ, якоже есть писано: «Злодеяния и безаконие превратитъ престолы сильныхъ», и паки: «Расточи гордыя мысли сердца ихъ, низложи сильныя со престоль»,— также и сей Царствующий град нечестивыми согрѣшенми и беззаконми от толикихъ щедрот и благодеяний отпадшесе, и тмочисленными бѣдами скорбми много лѣта пострада, также и нынѣ, в послѣдняя лѣта, грехъ ради нашихъ, овогда находениемъ неверныхъ, овогда голодом и поветъры частыми, овогда же межеусобными бранми, имиже о // (л. 267 об.) скудеша силнии и обнищаша людие, преуничжесе град, и смирился до зѣла.

¹ В Хр.: благодариша.

² Хр.: коей.

³ Хр.: слова.

⁴ Нет в Хр. и ПЦ.

О взятии Царяграда безбожнымъ Махметомъ Амуратомъ¹

В лето 6961-е² властвующу турки безбожному Магмету, Амуратову сыну, и бывъ тогда в миру и в докончании с православнымъ цесаремъ Константиномъ Ивановичемъ, царствующимъ в Цареградѣ, и абие безбожны Магметъ брань воздвиже противу сотворенихъ *сложенихъ*³ и супротиву клятвъ и воинство приведе много по земли и по морю и ратовати начать. И пришедь, внезапу градъ обступи со многими силами. Цесарь же съ прилучившимися велможами и вси людие града // (л. 268) *ощутиша*⁴ его устремление и не ведяху, что сотворити, понеже людскаго собрания во градѣ не бе и братиемъ цесаревымъ не сущимъ *ту*⁵. И посла цесарь къ Магмету салтану посланики, хотя уведати бывшее и о миру глаголати. Он же, окаянны безверны сый, *лукавъ*, посланики *отосла* безделны, а самъ придивнымъ ополчениемъ и страшнымъ движениемъ по суху и по морю приступивъ ко Царствующему граду.

Приступъ 1 ко Царюграду⁶. Повелѣ бити пушками и пищалями, стенобитными *хитростми*⁷ и приступы градския повелѣ уготовати. Сущи же людие в градѣ, грѣки и фрягове, выежаху, бияхуса с турки, не дающе имъ стенобитныя // (л. 268 об.) хитрости наряжати, и убоися султановой силе великой и тяжце сущи. Грѣки же не возмогоша имъ ни единыя пакости сотворити, зане един бияшеса с тысящею, а два – со тмою.

Сие же уведовъ, цесарь Константинъ и повелѣ велможамъ и мегистраномъ и воиномъ разделить градския стены и стрелницы и врата, такожь и всехъ людей, и колоколы ратные на всехъ странахъ изоставити, да каждо ведаитъ и хранить свою страну, и вся, яже на браную потребу да устроють и да биетса с турки со стены, а из града не выходити и ни выежати. Такожь пушки и пищали уставити по приступнымъ местамъ на сохранение стенамъ.

А самъ цесарь с патриархомъ // (л. 269) и со царицею и со светители и весь священы чинъ, и множество женъ хожуху по церквамъ Божимъ, плачуще и рыдающе, глаголаху: «Господи⁸, Господи, страшное естество, неисповедимая сила, иже древле горы, видевшя, вострепеташа и тварь потресеса, солнце же и луна ужасеса и блистаниемъ погибе, и звезды небесныя спадоша. Мы же, окаянни, тая вся презревше, согрешихомъ и беззаконвахомъ предъ тобою, Господи, и тмократно гневяхомъ и озлобихомъ твоего божества, забываящи и твоя великая дарования и призирающе твоя повеления, яко неистови, и еже на насъ милости и щедротъ отвратихомся и на злодеяния и беззаконие обратихомся, имиже, Господи, далече от тебѣ

¹ Киноварь.

² Заголовок киноварный. В Хр.: О взятии Царяграда в лѣто 6961.

³ В ркп.: сосложении.

⁴ В ркп.: учутиша.

⁵ Нет в ркп.

⁶ Заголовок киноварный. В Хр. далее: Мѣсяца декабря. Пръвой приступъ.

⁷ В ркп.: тростми.

⁸ На поле: молитва.

отступихомъ. // (л. 269 об.) Всякия наведенныя на ны и на градъ святы истиннымъ и праведнымъ судом Твоим сотворилъ еси грехъ *ради* нашихъ, и несть намъ отверсти усть своихъ, что глаголати. И убо, всепеты и преблагословены Господи, творение есмы и создание твое и дела рукъ твоих – не предаждь насъ до конца врагом нашимъ твоим, и не разори достояния твоя от насъ и остави намъ время сие, во еже обратитися нам и покаяться твоему благоутробию. Сам бо рекъ еси: «Не придохъ спасти праведных и грешныхъ призвати на покойние, во еже обратитися нам и живымъ быти». Ей, Господи, цесарю небесный, ослаби, остави пречистия ради Матери твоя и святыхъ твоихъ патриархъ, // (л. 270) цесарей, и преже *благоугодивших*¹ твоему Божеству во граде семь!» Сия убо вся ина многая изрекоша, такожь и пренепорочной Богородицы от среды сердца стонаниемъ и рыданиемъ по вся дни моляхуся.

Цесарь же объезжая кругъ града почасту, укрепляя стратиговъ и воиновъ, такоже и всехъ людей, да не отпадут надежаю, ни ослабляютъ сопротивлениемъ на враги, но да уповають на Господа вседержителя – той Богъ нашъ помощникъ и заступникъ есть; и паки обращахуся на молитву.

Турки же на всехъ стенахъ бяхуся безпрестани день и ночь, премеяющеся, и не дающе ни малого опочинутися градскими² людемъ, но // (л. 270 об.) да ся утрудят, понеже уготовляхуся ко приступу. И тако творящи отбои до 13 дней.

Приступ 2 ко Царюраду³. В четверты же на десять день турки, откликнуша свою скверную молитву, и начаша в сурны играти и варганы и в накры бити и, прикативше пушки и пищали многия, и начаша бити пречестны град, такожь стреляти из ручныхъ луковъ тмочислѣныхъ. Граждане же от безчисленого стреляния не можаху стояти на стенахъ, но, западше, жадоху приступу, а ини противу стрѣляху ис пушихъ⁴, ис пищалей, елико можаху, и многыхъ турковъ побиша. Патриархъ же Анастаси, святителие и священнически чинъ // (л. 271) бяху непрестано молящесе о милости Божии и о избавлени града. Егда же безбожни турки всехъ людей со стены избиша, абие воскричавши все воинство и наподоша на град вкупѣ со всехъ стран, кличуще и вопиюще, ови со огни различными, а ини с лестницами, друзи же со стенобитными хитростми, и иныя козни на взятія града. Градския же люди тако вопяху и кричаху на нихъ, биющися съ ними крепко. Цесарь же объезжая по всему граду, понужая люди своя, дающе имъ надежду Божию, и повѣлѣ звонити по всему граду *на* созвание людемъ. Турки же, услышавше звонъ велики, и пустиша сурны и трубныя гласы и тинпаны // (л. 271 об.) тмочисленыхъ. И бысть сеча зла и пружасна: от пушечнаго бо и пищалнаго стуку, от зыку и звону, и от гласов и воплѣй, кричания обоихъ людей, и от трескоты оружия також и от плача и кричания градскихъ людей, и от рескоты оружия, такожь и от плача и кричания градскихъ людей и

¹ В ркп.: благородивших.

² В ркп. далее: иже.

³ Киноварный заголовок.

⁴ Так в ркп.

жень, и детей, и яко земли¹ поколѣбаться, и не бѣ слышати что друг другу глаголетъ, бысть яко гром велий. И от множества огня и стреляния пушикъ и пищалей обоихъ странъ дымное курение, згущишися, покры град и войско все, яко не видети другъ друга, съ кемъ ся биегъся, и от *зельйнаго*² духу многие умираху. И сечахуся, имаяся *за руки* на всехъ стенах, дондеже ночная тма раздели. Турки бо отидоша во свои // (л. 272) станы и мертвыя своя оставиша, а градския люди падоша от турков яко мертвы, токмо стражи едины оставиша по стенамъ. Наутрия же *цесарь* повеле сбрати трупия, мертвыхъ погresti, бѣ же числомъ убиенныхъ славныхъ и знаемыхъ грѣковъ 1740 человек, а *фряговъ* и армень 700. *Цесарь* же з боляры поиде по стенамъ града, хотя видети ратныхъ, и не бе от нихъ ни гласа и ни послушания, вси бо бяху опочивающе от труда. И видеша полны рвы трупия мертвыхъ, а иныя в потоцехъ и на брезех лежащихъ грамады мертвыхъ, и посметиша убиенныхъ турковъ до 18 тысячъ. И повелѣ *цесарь* сосуды, стенобитныя хитрости вся огню // (л. 272 об.) предати, а сам поиде съ патриархомъ и со *светители* и со всеми священными соборы во свѣтую и великую церковь молбы и благодарения воздати всесилному Богу и причистой Богоматери, чаяху бо уже отступити безбожнаго, толикое падение видевъ своихъ ратныхъ.

Онъ же бе безверны³, не тако помышляше, но во вторы день посла видети мертвыя своя, и яко сказаха ему много мертвыхъ, и вскорѣ посла многия полки взяти трупия своя. *Цесарь* же заповеда, да не вредятъ ихъ никоею бранею, яко да очистятъ рвы и потоцы. И тако взяша своя трупия безбранно и пожгоша их. Видевъ же безбожны Махмет, // (л. 273) яко не успѣ ничтоже, но паче своихъ погуби, и повелѣ магистромъ вскорѣ прибавити пушикъ, пищалѣй, многия стенобитныя козни готовити. В седмый же день паки безверны повелѣ войску ити ко граду и такожа⁴ битися, якоже и прежде, без опочивания.

Цесарь же Константинъ посылаше по суху и по морю во Аморию ко братьямъ своимъ, и Венецью и в Зиновию о помощи. И братия его не успеха, понеже⁵ распря велия между ими: со арбанаши ратавахуся, а *фряговѣ* не восхотеша помощи, глаголаху в себѣ: «Не деити, но да возмут турки, а мы у нихъ мы возмемъ Царьградъ». И тако не бысть помощи царю Константину ниоткуда. Един токмо прииде царь⁶ из Зиновеи именемъ Застуня ко царю Константину // (л. 273 об.) на двухъ корблехъ и на дву каторгахъ вооруженныхъ, имѣя с собою 600 храбрыхъ воиновъ. И проиде *сквоз* рати морския и доиде здравъ до Царяграда до стены. Его же видевъ, царь Константинъ возрадовася, дающе ему честь велию, понеже ведомъ бѣ *цесарю*. Онъ же спрощъ у *цесаря* хутшее место града. И предадѣ ему *цесарь* на исполненіе двою тысячъ, и бияшеся с турки толма храбро и мужественно, яко отступити

¹ Далее в ркп.: совокупитися и обоим.

² В ркп.: *земнаго*.

³ В ркп. далее: *образень*.

⁴ Далее в ркп.: *ся*.

⁵ Слово повторено.

⁶ Так в ркп.

от того места всехъ *туркомъ* и к тому не приходити на место. Застуния же не токмо свое место снабдеваше, но и по стенам града обхождаше и укрепляя и наставляя люди, да не отпадутъ надежи и уповати на Бога неподвижно и не ослабляти въ людехъ, от всеа // (л. 274) души и от всего сердца братися съ турки, и «Господь Бог поможет ны». И таковыми убо и иными многими словесы уча и наставляя люди, занеже самъ научень бѣ дозѣла ратному делу, и возлюбилша его вси людие и послушаху его.

Вси турки же ко всемъ местом приступаючи, стужаху гражданомъ, без опочивания пременяющися, занеже множество ихъ бѣ, якоже пред рекохом: един бияшеся с тысящию, а два со тмою.

Приступ 3 ко Царюграду. В 30-й день по первомъ приступе прикатиша пушки и пищали многи, иныя стенобитныя хитрости и сосуды многия, в них же пушки бяху двѣ // (л. 274 об.) велице, иже ту слияша: единая пушки ядро в колѣно, а у другия в поисъ. И со всеми силами приступивъ, начаша бити град непрестанно со все страны. А противу Застуния воеводы нарядиша большую пушку, зане на томъ мести стена градская ветха и ниска. И яко удариша по тому месту – и стена поколебася, и паки второе удариша – и збиша со стѣны верх акы сажинъ петь, а в третие не успеша, зане же ночь приспѣ. Застуний же князь то место нощию заделаша и другою стеною дрѣвяною изнутри подкрепи. Но что мощно учинити противу толикия силы, наипаче же противу гневу Божия грехъ ради нашихъ? // (л. 275) Наутрия же паки начаша бити стену то жь место нощию задела ис пищалеи, и яко трудишася стену, и, наводивъ, стрелиша из болшей пушки, чаяху уже разорити стену. И Божием заступлением *поиде* ядро выше стены, токмо за семь зупцов захвати. И ударися ядро по црковной стене и распасеся яко прах. И видевши ту сущи людие и прославиша Бога. И яко уже о полудни – навадиша в другия. Застуния же воевода, нарядивъ свою пушку, и ударивъ в тую пушку, и разбился у *ней зелейник*. Сия же видевъ, безбожны Махомтъ¹ и възъярися дозела и возопи великимъ гласомъ: «Ягма, ягма!» – сиречь на розорение града. И абие воскричавъши все воинство, и // (л. 275 об.) приступиша ко граду всеми силами, по земли же и по морю всякими делы и хитрости на взятие града. Гречести же людие, вси въздоша на стену и противляхуси им, и бияхуса с ними крепко, яко патриарху и святителемъ токмо остатися со священническим чином по церквам Божьим и молитися со слезами и рыданием Господу Богу.

Цесарь же непрестанно объежаше по всему граду, непрестанно плача и рыдая, моля стратигов и всех людей, глагола: «Господие и братия, малыя и велицыи, день прииде и часъ прославити Бога и пречистую его Матерь и нашу православную христианскую веру и за святыя церкви, яко да и насъ помилуют всещедры Господь Богъ!» И повелѣ звонити по всему граду; такожь и Зустуния воевода, бегая по с// (л. 276) стенам града, укрепляя и понужая люди. И яко услышавше люди звонъ святыхъ церквей, укрепишася и охрабришася вси и бияхуса с турки крѣпко, глаголюще друг другу: «Умремъ, братья, за вѣру христианскую!». Якоже прежде рекохомъ: кий языкъ можетъ изрещи и исповедати бѣды и страстии? Падаху бо труппа

¹ Так в ркп.

обоихъ странъ, яко снопы, со забралъ, и кровь истекаше, яко река. И наполниша рвы трупия человеческого доверху, яко чрезъ их ходити туркомъ, аки по степенямъ, и битися: мертвыя бо имъ бяху мость и лествица ко граду. Такожъ и потоцы и бреги въкругъ града наполнишася трупия и ильмъню¹ Галадскому кроваву быти. И тако убо // (л. 276 об.) силне и нещадне сечахуся. Аще не бы Господь прекратилъ день той – конечная бы погибель граду была, понеже граждане изнемогоша.

Ноши же наставшей турки отступиша ко своимъ станомъ, а градския люди падоша от турковъ яко мертвы, кождо где успе от труда. И бе тоя ноши ничтоже слышати, разве стонание и вопль сеченыхъ людей, кои еще живи бяху. И собраша мертвыхъ грековъ и фрягъ и армянъ и иныхъ пришельцовъ 5700 человекъ, а живыхъ цесарь повеле врачомъ раздати. Зустуня же и вси велможи поидоша по стенамъ града, смотряючи стен на трупия неверныхъ, и тако посметиша сказаши цесарю до 35000 убиеныхъ турковъ. Цесарь же бѣ плача и рыдая // (л. 277) не престающе, видеюще падение своихъ людей, а помощи ни откуду чающе, и неотступное дѣло неверныхъ. Патриархъ же и весь клиръ, такожъ и весь синклитъ царьски, взяша цесаря и поидоша, утешаючи его, к Великой церкви на *молитву* и благодарения всемилостивному Богу, такожъ и множество благородныхъ женъ и детей со царицаю хождаху по церквамъ Божиимъ, также и по всему граду всемъ людемъ и женамъ приходящимъ ко церквамъ Божиимъ со слезами, хвалящи и благодарящи Бога и пречистую Матерь. И тако праводиша день чрезъ всенощное *пѣние*.

Безбожны же Магметъ трупия людей своихъ не восхоте взяти, но помышляше ихъ // (л. 277 об.) метати во град, да согниютъ и усмердятъ град. *Неции же в нихъ, знающе град*², сказоваху ему величества града и яко не коснетъ ихъ смрадь. И абие, пришедъ со многою силою, взяша ихъ и пожгоша. И по сихъ в девятый день скверный Магметъ повелѣ всему войску приступити ко граду и брань творити по вся дни, а пушку оную великую паки повелѣ пределати того крепчае.

Сия же уведовши велможи и Зустуня и собравшиися вкупе с патриархомъ, и начаша увещевати цесаря, глаголюще: «Видим, господи цесарю, яко сей безверны не ослабеетъ, но паче на большее готовится. И что сотворимъ, помощи ниоткуда чающе? И подобаетъ ти, господи цесарю, изыти из града на подобное место, и симъ услышавши, людие твои и братия твоя к тебе придуть на помощь, но и *арбанаши* убоятъ // (л. 278) ся и придутъ к симъ же, еда како и сей безбожны Махметъ устрашитъ, отступить от града» Сия убо и иная многа изрекоша цесарю и корабли и каторги Застуниевы даяху ему. Цесарь же умолчавъ на долгъ час, испущая слѣзы от очий, и тако рече: «Хвалю и благодарю советъ вашъ и вемъ, яко на ползу меня сие вся, понеже не могутъ сия тако быти. Но како азъ сие сотворю и оставлю священство и церкви Божия и царство свое и всехъ людей въ толицѣй бѣде сушихъ? И что ми изречеть вселенная, молю вы, рците ми. Ни, господие мои, но да умру зде с вами». И, падъ, поклонися имъ, плачася горко. Патриархъ же и вси ту сущии людие восплакашася и прекратиша речи, да паче молва будетъ в людехъ. // (л. 278 об.) И послаша паки во Аморию, и во острова, и во фряги о помощи.

¹ Так в ркп. В ПЦ и Хр.: лименю.

² Нет в ркп.

Граждане же в день бияхуся с *турки*¹, а в нощи влазяху во рвы и пробиваху стену ровныя от поля, и изрыяху землю по застеню во многихъ местахъ, заделывающе многия сосуды с *пушечным*² зелием; такожь и на стенах уготавлиаху многия сосуды: и серы *горючия*³ и смоля пучми великия, и посконь со смолоу, и с *пушечнымъ*⁴ зелиемъ⁵. Днемъ же минувшимъ 25 тако биющися по вся дни, паки с безбожны повеле прикатити оную пушку велику, бе бо увязана обручми железными, чаяху бо укрепити ю. И яко пустивши ю впервые, и абие разседися на многия части. Он же, безверны, мняшеся // (л. 279) поруган быти и вскоре повеле прикатити туры ко граду всеми силами, бяху бо велицы и покровены. И егда уставиша туры по всему берегу рва, хотяху наполнити рвы древесы и хвратиємъ и землю, и придвигнуша туры приклонити ко граду и подькопывати стену во многия места и извергнути на землю. И абия приступиша множество⁶ людей и рвы засыпати, и абие *граждане* зажгоша сосуды зелныя, и заделаны вне рва, и абие возгремѣ земля, аки гром вели, и подься с турами и с людми, аки буря сильная, до облакъ, и абие бяше страшно слышати трескот и сотрение с туровъ, и вопль и стонание людское, яко обоим бежати: гражда // (л. 279 об.) не убо съ стен во град бежаша, а турки далече от града. И падаху со стены древесы и людие, ови во град, и наполнишася рвы трупия турковъ. И паки граждане възидоша на стены и видиша во рвѣ множество турковъ, и абие зажигаху бочки со смолоу и пуцаху на ны, и погореша вси. И тако Божимъ промысломъ в той день избавися град от безбожныхъ турковъ. Зловерны же Магметъ со множеством вои своихъ издалеча смотря бывшего и помышляще, что сотворити. Такожь и ратни вси, убояшеся, отступиша отъ града. Греки же, видѣвше, вышедше из града, побиваху турков во рвехъ, кои еще живии бяху, и, собравъше ихъ во многии громады и сожгоша вкупе со оставшими *туры*⁷.

Цесарь же с патриархом и весь священный соборъ по всем церквамъ непрестано молящеся, благодариша Бога, чаяху бо уже конец бранемъ. Также и той зловѣрны Магметъ, многи дни советовавъ, приложи отступити от града восвоися, зане уже и морской путь приспеваху, *чаяху*⁸ отвсюду помощи граду. Но убо понеже безакония наше превзыдоша главы наша, и грехи наша отеготеша сердца наша, во еже заповедей Божихъ не послушати *и въ путѣхъ его не ходите*, гнева его како убежимъ? Царю убо с патриархомъ во градѣ, также и всему царскому синклиту и всем людемъ *свѣтъ советующим не благ, глаголюще*⁹ сице: «Понеже он, зловерны, тако многи дни стоитъ безбранно, паки на насъ готовится, но да пошлем к нему

¹ В ркп.: турки.

² В ркп.: пущеным.

³ В ркп.: горячия.

⁴ В ркп.: пущеннымъ.

⁵ В ркп.: пучми.

⁶ В ркп.: множество.

⁷ В ркп.: турки.

⁸ Нет в ркп., восстановлено по Хр.

⁹ В ркп.: советующим не благоглаголющим.

// (л. 280 об.) о миру»; еже и сотвори. Махъметъ же, лукавый, сие слышавъ, и порадовася в сердце своемъ, чаючи, нужда некая прииде граду, и, отлагаше свое отступление, и нача совещати о миру. И тако отвеща послаником: «Аще просите миру, и азъ се сотворю, но да изыдет царь из града во Амморию, такоже и патриархъ и вси людие, иже восхотятъ без вреда быти, оставите мнѣ градъ пусть, и я миръ вечный сотворю с вами, да не вступлю во Аморию, и во острова его никотораю хитростию во вѣки. А иже не восхотятъ изыти из града, и те да будутъ во имени моемъ безъ вреда и безъ печали».

Сия же слышавъ, цесарь и патриархъ и вси людие, востонавши от среды сердца и руце на небо воздвигши, // (л. 281) глаголаху сию молитву: «Заступниче¹ наш, Господи, призри от высоты славы твоея, низложиши гордыню сквернаго сего варвара, избави градъ достояния твоего, ибо людие твои есмы владычества твоего и овчата пажити твоея, живуши в граде твоёмъ во едином стаде, камо бо изыдемъ, оставивши пастыри и наставника своего? Ни, господи царю владыко, но да умрем вси во свѣтемъ дворе твоёмъ и в славу величества твоего». Сия им изрекшим, и паки убо уготовляху на брань, и кающися о послании безбожному, зане темъ удержажу его.

Днемъ же тремъ минувшим, сказала царю Махмету, яко пушка она великая слияся добре, и тако совещаша еще *по* // (л. 281 об.) *искусити*² ю, и повеле всему войску итти ко граду и брань творити по вся дни. Си же бысть за грехи наша Божие попушение, *яко* да збудется вся прежде реченая о граде семь при *Константине*³ Великомъ царе и Лве Премудромъ и при Мефодие епископе Патрскомъ.

Месица мая в 6 день паки безверны повелѣ бити по граду въ то же место, идеже первее, и бияху изо многихъ пушик и пищалей по три дни. Яко трудиша стену и удариша из болшии пушки – и спаде каменья много. И в другия удариша, и распадеся стены великое место, но уже вечеру наставшу, и турки начаша стреляти изо многих пушик в то же место безпрестани чрезъ всю ночь, не даючи гражданамъ заделовати того места. Греки же тоя ноци уг// (л. 282) отовиша башню велию против того всего мѣста. Наутрия же паки удариша турки из болшия пушки пониже того мѣста и вывалиша много стены, и тако в другие и в третия. И абие учиниша мѣсто велие, и абие воскричавъ множество людей, и вскочише на разрушенное мѣсто, множество людей друг друга понужающе. Такоже и греки изъ града противу ихъ, и сечахуся и злѣ рыкающе, аки диви зверие. И бѣ страшно видети обихъ странъ дерзости, мужества. Зустуния же собравъ многия люди, и, воскричавъ, наподѣ на турки и мужествѣне и абие прогони ихъ со стены и наполни ровъ мертвыхъ. Муратъ же нѣки янычанинъ, крепокъ сы тѣломъ, смяшався со греки, и доиде до Зустуния // (л. 282 об.) и нача сеци люте. Грѣченинъ же, скочивъ со стѣны, и отсече ему ногу секираю и тако избави Зустунию воеводу от смерти. *Флабура*⁴ же, воевода западны Амарбей со своими полки напode на греки, и бысть сеча зла. Из

¹ Слово выделено кинovarью.

² В ркп.: поискую.

³ В ркп.: Константине.

⁴ В ркп.: Илабура.

града Рахкавею стратигу со многими людми преспевшу на помощь и прагна турковъ даже и до самага Амар-бея. Онъ же, видевъ Рахкавию люте секуща турковъ, и, обнаживъ мечъ свой, на ны, и сечахуся оба злѣ. Рахкавей же, наступи на камень, и удари *Амар-бея*¹ мечем по плечю оберучь и разсече его надвое: силу бо в руках имевше велию. Турки же, тмочислѣно окружив его, сечаху люте и разсекоша Рахкавею на части. И греком плачь и ужась велий о Рахковени, // (л. 283) понеже ратник бѣ велик и царю *любим*². И уже ноци наставши, и сеча преста и *разыдоша* обои. Турки же начаша стреляти из пушик, ис пицалеи на разрушеное место, а граждане начаша башну ширити и делати крепко от всей прогалине и наводиша пушки в ню многие тайнѣ, зане башня бѣ *изнутри*³ града. Наутрия же видиша туркы стену не заделану, и вскоре наскочиша и бияхуся со греки крепко. Греки же, бьющеса, побегаючи от них, а турки воскричаху на них, и вскоре наподоша на них множество, чаяху одолѣти. Уже *згустившимся* многим туркомъ, греки же разбегошася и пустиша многи пушки и побиша ихъ много турковъ. Из // (л. 283 об.) града же нападе на них *Палеолог*⁴ стратигъ сиглурла⁵, со многими силами людми и избиваша ихъ крепко. Восточны же *флабура*⁶ Мустуфанъ вскоре прииде на греки со многими силами, и прогна ихъ во градъ, и уже хотяху стену отъяти. Феодор же ти сящникъ, совокупися со Зустиниемъ и поскориша на помощь, и бысть сеча велика, и турки одолеваша грековъ. Царь же бяше в притворе великия церкви со всеми бояры и стратиги, совѣтуя о *устремлени*⁷ безбожнаго, глаголюще: «Се уже по вся дни непрестанно секущеса, толико тысячъ погибе нашего люду, и аще впередъ такожь будет, то и всехъ насъ погу// (л. 284) бят и градъ восприимуть. Но, собравши ся со избранными и знаменавшиися, изыдѣмъ из града в подобна время и, Богу помагающе, нападѣмъ на них, и якоже и когда Гедеон на *мадиямлян*⁸, или помремъ за святыя церкви, или избавление получимъ». Тако убо советующе, и мнози на то укланяющися, надѣющи бо ся на цесаря, зане вядяху храбрость его и силу, великъ бо бѣ и силенъ силою. Кир Луха же и архидуксъ Никола епархъ умолкоша на долъгъ час и тако рекоша: «Се уже пять мѣсяць, отнележа начахом братися с турки, просящи милость Божия, и аще будѣтъ воля его, еще можем и иныя пять мѣсяць братися будѣмъ с ними. Аще ли же не будет Божия помощи, // (л. 284 об.) единым *часом вси*⁹ погубнемъ». Велики же domestik и с ним логофет и ини мнози велможы совѣщашу: да изыдемъ цесарь из града, въземъ съ собою *избранных*¹⁰ колико моч-

¹ В ркп.: Нарбея.

² В ркп.: людемъ.

³ В ркп.: ис тур града.

⁴ В ркп.: Палеог.

⁵ Так в ркп.

⁶ В ркп.: флабуръра.

⁷ В ркп.: устемлени.

⁸ В ркп.: мадиаммлѣнь.

⁹ Слов нет в ркп.

¹⁰ Слова нет в ркп.

но, но отсеку града, не даючи турком толико дерзостне приступити ко граду, издалеча потребная провади; и услышавше сия, християне и соберутся к нѣму многия люди. И тако убо умышляющимъ имъ, сказала цесарю, яко турки въздоша на стену и одолѣваютъ граждан. Царю же погнавшу напрасно и всемъ велможамъ и стратигомъ, и, минувше цесаря велможи и стратиги и поскориша на помощь и сретоша народъ многъ бегающимъ и возвращахуся ихъ биющимъ. Застуня же с иними стратиги снемшеся с турки уже во градѣ, о// (л. 285) вогда побегающе, овогда окрепляшеся, возвращаху ихъ и боряху ихъ. А ини мнози турки мосты сотвориша, на конехъ въежаху. Стратигомъ же всемъ, снемшимся со Застуниемъ, нападоша на турки сурово и *возвратиша ихъ* до стены. Но убо туркомъ многимъ, вшидшимъ во градъ, коникомъ и *пешцемъ*¹, и возвратиша стратиговъ паки и бияхуся нещадно и одолѣваху грековъ. И аще не бы ускоришь благоверны царь к нимъ, конечная бы пагуба граду. Достигшу² благоверному царю и наиде на турковъ и со избранными своими и сечаше ихъ нещадно и ужасно: ихъ же бо кого достигоша, отсекоша надвое, не уде // (л. 285 об.) ржимъ бо бяше мечъ его ни в чемъ. Турки же скликовахуся противу крепости его и другъ друга поникающе на нь, и вся оружиемъ *суляху его*³ и стрелы безчислены пушачу на нь. Но убо, якоже *речеся*⁴, *бранныя*⁵ победы, царское падение Божиимъ промысломъ бывають: оружия бо ихъ и стрелы *суетно*⁶ падаху и, мимо его лѣтающе, и не улучаху его. Цесарь же, в руке един имевъ мечъ, сечаше ихъ нещадно, и бежаху от него из града вси к разрушенному месту, и заутра стеснившимся окояннымъ и погибоша много турковъ, а иныхъ прогнаша за рвы. И тако в той день Божию помощию избавися царствующий // (л. 286) градъ отъ безбожныхъ турковъ, и уже вечеру наставшу и турки отступиша.

Наутрия же епархъ Николай повелѣ гражданомъ избивенныхъ турковъ выметати изъ града и за рвы на показание безбожному, и бысть ихъ числомъ 16000. И взяша ихъ турки, пожгоша. Епархъ же повелѣвшу разрушенное место заставить дровомъ и башнею делати, *чающи*⁷ уже отступить окоянымъ. Безбожны же Магметъ не тако совѣща, но *по*⁸ три дни *собравъ*⁹ паши свои и санчакбеев¹⁰, и тако рече имъ: «Видимъ убо, гаурова охрабришася на нь, и тако бияшеся с ними не можемъ одолѣти, понеже убо о единомъ мѣсти токмо, о разрушномъ мѣстѣ, братися многими людьми // (л. 286 об.) невмѣстно, а малыми людьми, и оне премогають насъ и тако одолѣваютъ насъ. Но да сотворимъ паки ягму, якоже и первее, придвинувши туры и лѣствицы

¹ В ркп.: пешщамъ.

² Слово повторено.

³ В ркп.: туляхуся от него.

⁴ Нет в ркп.

⁵ В ркп.: обратины.

⁶ В ркп.: суть.

⁷ В ркп.: чающими.

⁸ Нет в ркп.

⁹ Нет в ркп.

¹⁰ В ркп.: санчаковеев.

ко стенамъ града на многия места, и, разделившимсяъ гражданомъ по всемъ местомъ на сопротивление, и абие мы приступимъ крепко ко разрушенному месту». И еже съвещаша окаяны, тако сотвориша Божиимъ попущениемъ: *туры*¹, лѣствици и иныя козни многия приступныя *повеле*² уготовати и воиномъ паки братися со граждане по вся дни, не дающе гражданомъ опочивания.

// (л. 287) **Знамѣние месяца мая въ 21 день**³. Бысть знамение страшно во градѣ: нощи убо наставши противъ пятка *осветися* весь царствующи градъ, и видѣвше стражие, и течаху видѣти бывшее, чаяху – турки зажгоша градъ; и воскликаша великимъ гласом. И собращася людие мнози, и видеша у великия церкви Премудрости Божия Софеи у верха из оконъ пламеню огненому великому изшедшу и окружившею шею церковную на долгъ часть. И собрася пламень воедино, и пременися, и бысть, яко светъ, и абие взятыя *на*⁴ небо. Онем же зрящим, начаша плакати горко, впиюще: «Господи помилуй!» Свѣту же оному достигшу до небес, и *отврзошася* двери небесныя и, приять свѣтъ истинный, паки затворишася. Наутрия же, шедше, сказаша патриарху Анастасию.

*Патриархъ же Анастасий*⁵, собравшу всехъ болярь и совѣтниковъ, и поиде ко царю, и нача увещавати его, да изыдетъ из града и со царицею. И яко не послуша ихъ⁶ царь, рече же ему патриархъ: «Веси, царю, владыко, вся прежде реченая о граде семь. И се нынѣ паки иное знамение⁷ бысть страшно: свет убо неизреченый, содействуя великия церкви Божия Премудрости Софеи с прежними светилники и архиереи великими // цари (л. 288) благочестивыми, такоже и ангель Божиимъ, егоже укрепил Богъ при Устинияни цесаре на сохранение святыхъ великия церкви Божия Премудрости и граду сему, в сию ночь отидоша на небо. И сие знаменуетъ, яко милость Божия и щедроты его отидоша от насъ, и хошет Господь Богъ предати град сей нашимъ врагомъ грех ради нашихъ». И представиша ему онихъ мужей, иже видеша чудо. И яко услыша цесарь глаголы ихъ, паде на землю яко мертвъ и бысть яко мертвъ, безгласен, на многъ час, и едва его отлияша ароматными водами. Воставшу же цесарю и патриархъ начат увещевати крепко цесаря, да изыдет из града, якоже и боляре вси глаголюще ему: «Тебѣ, цесарю, изшедшу из града со // (л. 288 об.) елицеми восхощеши, и паки, Богу помогающе, мощно есть тебѣ и граду помощи, и иныя грады и вся земля надежду имеющи, вскорѣ». Онъ же не уклонися на то, но отвещеваше имъ: «Сице камо избегнемъ от гнева Божия? И колико царей прежде мене бывшихъ, великихъ и славныхъ, иже пострадаша за свое отечество и помроша; аз ли единъ сего не сотворю? Ни, господине мои, ни, но да умру зде с вами». И не послуше ихъ.

¹ В ркп.: турки.

² Нет в ркп.

³ Фраза выделена киноварью как заголовок.

⁴ Нет в ркп.

⁵ Нет в ркп.

⁶ Слово повторено.

⁷ Далее: паки.

В второй же день, услышаша люде отшествие Святаго Духа, и абие растаяшася¹ вси, *нападе на них*² страх и трепет. Патриархъ же бяше укрепляя ихъ и уча не отпасти надежею. «Но *держайте* убо, чада,— глаголаше, — и на Господа Бога спасения нашего // (л. 289) возложимъ, к нему руке и очи и от всея душа возведемъ, и той нас избавить от враговъ нашихъ и вся сущая на нас вражия совещания разжънетъ». Сицевыми убо и иными многими глаголы укрепляя народъ, тако же и светители со священными соборы, взявши святыя иконы, обходяаху по стенам града по вся дни, просяще милости Божия, со слезами глаголюще. **Молитва**³: «Господи Боже нашъ, безсмертны и безначалны, содѣтелю твари, видимыя и невидимыя, иже насъ ради, неблагодарныхъ и злонравных, сошедъ съ небеси и воплотився и кровь свою за ны проля, призри нынѣ, // (л. 289 об.) владыко и царю, от святаго жилища твоего на смиренныя рабы твоя, и приими грешное моление наше⁴, приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конечно погибающихъ. Согрешихомъ и бо и предъ тобою мерскими делы студными и всяческими себе сътворше непотрѣбны, и несмы достойни возрети на высоту славы твоея, озлобихомъ бо твою благодать и разгнѣвахом твое Божество, преступающе твоихъ заповедей и не послушающихъ твоихъ повелений. Но убо самъ, Владыко человеколюбче, незлобивый и долготрѣпеливъ и многомилостивъ, рек еси пророком своим, яко «Хотением своимъ не хочу смерти грешнику, но⁵ еже обратится и живу быти», // (л. 290) и паки: «Не приидохъ призвати праведных, но грешных на покойние». Не хочещи бо, владыко, создание своихъ рук погубити, иже благоволиши о погибели человечестей, но хочещи всех спасти и в разумъ истены привести. Темъ же мы, недостойни, создание ты твое Божества бывша, не отчаямся своего спасения, и на твое безчисленное благоутробие надеемся, припадаем и следуемъ всемъ сердцемъ нашимъ и ищем милости твоея. Пощади, Господи, пощади, ихъже искупилъ еси животворную кровию твоею, и не предаждь насъ врагомъ нашимъ и соперникомъ владычества твоего, и избави насъ от обстояния // (л. 290 об.) дньешняго и от нашедших на ны золь и напастей, изми насъ по чудесехъ твоихъ, и даждь славу имени твоему, да посрамятся врази твои и постыдятся от всякия силы, и крепости их да сокрушится, и разумеют, яко ты еси Богъ нашъ, Господь Иисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу».

Таковыми и иными убо глаголы молящися, чааху спасения. Такожъ и вси людие бяху приходящи ко церквамъ Божиимъ, плачуща и рыдающа, *просящи* милости Божия. И убо елико *прежде*⁶ благодатей Божиихъ и даровъ и пречистыя Богоматери благодаяни сподоблени быхом, толико нынѣ помилования и щед // (л. 291)

¹ В ркп.: растася.

² В ркп.: нападение.

³ Слово написано киноварью.

⁴ В ркп.: шаше.

⁵ Далее в ркп.: ни.

⁶ Нет в ркп.

ротъ Божиихъ лишени быхом грехъ ради наших. «Егда бо, – рече, – простре руки ваша ко мнѣ – отвращу *очи* мои от васъ, и аще приидете явити ми ся – отвращу лице мое от васъ». Паки: «Елико сотвориши и елико делаеши – ненавидитъ душа моя». Таковымъ убо ответомъ и мы нынѣ уподобихомся, грехъ ради наших, и молбы и моления наша неприятны суть Богови.

Турки же по вся дни брань творящи грекомъ, не почивахомъ. Но окояны Магметъ собравъ воиновъ своихъ и разделивъ имъ места ко приступу: карачбею противу цесарскихъ полатъ и деревяныхъ вратъ, а Калигарию // (л. 291 об.) и *бегиларбею*¹ восточному – противу Пигии² Златаго места, а западному – противу Хорсуни всея. Самъ же, безбожны, нарекъ себѣ посреде их, противу вратъ святаго Романа и разрушенанаго места. Столу же или флоту морскому и Балтауглию и Загану – обе стены от моря, яко да окружать град весь и во едино место и время и во единъ часъ ударити бранию на градъ по земли и по морю. И тако *урядив*³ неверный.

И месяца мая⁴ в 26 день проповедником ихъ откликнувшимъ скверную свою молитву, и абие воскричавши, все воинство скакаху ко граду. И прикативши // (л. 292) пушки, пищали и туры, лествицы и грады деревянные, иныя козни стенобитныя. Такжеде и по морю придвинуты коробли и катарги многия, и начаша бити град отвсюду, и мосты ко граду на верхъ чинити. И якоже со стены всехъ гражданъ збити, вскорѣ придвигнуша грады деревянные, туры высокия и лествицы тмочислѣныя, нуждахуся силою взыти на стену, и не даша имъ грекы, но сечахуся с ними крепко. Магмет же окаяны и со всеми чинми своими заигравъ во все игры и в тинпаны, вопли великими возшумеша, аки буря великая и сильная, и прииде на *полое*⁵ место такимъ суровством, мняше бо внезапно похитити град. Стратигомъ же многимъ с Зустунием на помощь преспевшимъ, и бияхуся с турки крепко, и бысть пагуба велика христианомъ. Но убо часу еще да не приспевшу, премогахуся с ними, и быть сеча велия, яко страшно видети обоихъ странъ дерзость // (л. 292 об.) и мужества.

Патриархъ же со всеми соборы бѣше во святей Великой церкви, неисчетно моля Бога и пречистую его матеръ о поможеніи⁶ на враги, плача и рыдая, глаголюще: «*Въскресни*, Господи Боже нашъ, и помози намъ, конечно *погибающимъ*, и не отрини людеи своихъ до конца, и не даждь достояния сыроядцемъ симъ, да не рекут: «Гдѣ есть Богъ ихъ?», но да познають, яко ты еси Богъ нашъ, Господь Богъ Исусъ Христосъ, в славу Богу-Отцу. Аминь». Сиче же ко пречистей Богоматери, възглашающе: «О всемилостивая владычица, стани, руце въздевь, къ Сыну своему и Богу нашему, и утиши, владычице, иже на насъ гневъ Божи и пагуба! Уже бо, пречистая госпаже, при

¹ В ркп.: бехиларию.

² В ркп.: Пигени.

³ В ркп.: ударивъ.

⁴ Выделено киноварью как заголовок.

⁵ В ркп.: на полѣ.

⁶ Так в ркп.

устехъ адовыхъ есмы; о всемилостивая и челоуколюбивая Мати, поскори, и избави насъ, преже даже не пожреть насъ адъ, яко да и в немъ прославится въвсвятое имя твое». Сице вопи // (л. 293)ющи молящися непрестанно.

И сказаша царю, яко турки одолѣвають гражданъ. Царю же приспевшу со избранными своими къ полому мѣсту, и видевъ брань тяшчайшую, ста и самъ ту и велможи вси, и яко сказаша ему безбожнаго устремления, и возопи воином плачущимъ: «О братие и друзии! Ныне прииде время обрести славу вечную за церкви Божия и за православную вѣру нашу греческую и сотворити что мужественно на память послѣднимъ». И ударивъ фаръсис, хотяше прескочити разрушеное мѣсто и достигити Махмета на отмщение крови християнския. И яша его оружники велможи и пешцы и велможи вси, нуждею зане вместо дело: и Магмету безбожному в силѣ тящцей сушу. Царь же обноживъ мечь свой и обратися на турки, и якожи кого достигаше мечемъ по раму или по ребромъ – // (л. 293 об.) пресекаше ихъ на полы. Турки же ужасшеся крепости царева и бежаху от него из града. Стратиги же, воины, вси людие, видевши крепость цесаря своего, храбрость и мужество, и вси скакаху на турки и прогнаша ихъ за град и за рвы. Махметъ же ста крепко и повелѣ ихъ бити, взъвати на греки, и бысть сеча примрачна, *зане стрелы их помрачиша* свѣт. Греки же *со обеихъ* странъ стены метяху на турки смолу горячаю и смолья пучми великия зажигающыи. И уже сонцу зашедъшу, сеча жа не преста, *но*¹ огни непрестанныя безбожни же сотвориша, и самъ безверны скачаше и вопияше, понужая своихъ, чаяше уже пожрети градъ. Грѣки же и прочия люди на стенахъ суши, дерзстно ограждашеся, вопияху друг ко другу: «Поскоримъ, братия, на осуженое мѣсто и попрем за святыя // (л. 294) церкви». И тако сечахуся до полунощи и согна ихъ *съ забрал и съ градовъ их* на землю, и преста сеча и отъ града не отступиша. Самъ же окаяны стоя брегуши своихъ градовъ и иныхъ козней, не дающыи гражданамъ зажещи.

В 26² день месяца мая паки безверны повелѣ бити град возле разрушеного места изо многихъ пушик и пищальи. И от девятой³ години дни наводивъ большую пушку, удариша⁴ в башню, и тако въ другия, и в трети, и разбиша башню, *и тако прииде день той*. Ночи же наставшей, Застуния же паки со своею дружиною и фрягии все начаша башню созидати. И прилѣте из пушки ядро каменое и удари Зустуния по персемъ, и паде на землю; и едва его отлиша и отнесоша его в дом. Болыре же и вси людие и фряговѣ, иже беша с нимъ, растаяху // (л. 294 об.) и не ведаяху, что сотворити. Се же бысть изволениемъ Божиимъ и на погибель граду, понеже полое место граду онъ храняше великою своею силою и мужествомъ, храбрьрь бо зело и мудръ, и ратънаму делу велми искусинъ. Егда же сказаша *о немъ* царю, и зело опечалися царь и скоро поиде к нему со всеми велможами и со врачы, и утешающыи его. Врачевъ же всю ночь тружахуся о поможении его и едва справиша

¹ Далее в ркп.: и по.

² В хр.: 27.

³ Хр.: десятой.

⁴ Далее: и.

ему грудь, убиеное место от удара. И абие отдохнувъ от болезни, и даша ему мало брашна вкусити и пития, и почи тоя ноци мало. Оставивши же дружине его у башни соиздати не успеха ничтоже. *Зустунгя же*¹ паки повелѣ нести *сѣбѣ* тамо и начат башню делати со усердием велиемъ.

И в 28 день мая видеша турки башню делающихъ, и въ// (л. 295) скорѣ наскочиша множество их на *полоѣ*² мѣсто, такожь греки противу ихъ, и бысть брань велия. *Флабураль*³ же неки со многими срацыны яростне наскочи на поде на греки, в нихже бяху 5 мужей велики возростомъ и страшны взоромъ, и бияху гражанъ нещадно. Такожь из града протостраторъ и сынъ его Андрей со многими людьми поскориша на турки, и бысть сеча ужасна. Видевши же со стены три браты пяти мужей онехъ срацынъ, биющихъ⁴ силне гражанъ, и скориша со стены, и нападоша на нихъ и сечахуся с ними лютѣ, яко дивитися турком и не деяти их, чающе убиеныхъ быти им от срацыны. И тако убиша *гражанѣ* дву срацын, и тако, воскричавши, *нападоша* на нихъ множество турковъ, они же уидоша от них в град // (л. 295 об.) вси трие без вреда пребыша. *Бяху же трие ты инафтыи: един грѣчин, а другый угрин, а третий арбонаш.* Въ поломъ же мѣстѣ сеча не преста⁵, но *паче* растяше, турки же великою силою одолѣваху грековъ. Стратиги же и велможи вкупе со Зустунимъ мужествоваху крепко, и падоша множество *от*⁶ обоихъ странъ. Но еже Богъ изволи, тому не приити: прилетевшу бо *склоу*, и удари Зустуния воеводу и зрази ему плечо десное, и падѣ на землю яко мертвъ. И падоша над нимъ вси бояре его и вси людие, кричаще и рыдающе, и понесоша его прочь, такоже и фрягове вси поидоша за ним. Турки же, услышавши *рыдание* и сметение людское, абие воскричавши, напустиша всеми полки и потопташа гражанъ и вогнаша их во град, биюще и секуще их. Видевши же стратиги и все людие устремление турковъ, начаша бежати, аще не бы случился и поскориль благоверны цесарь – конечная бы // (л. 296) уже погибель граду. Царю приспевшу со избранными своими сrete Зустуния еще дышуще, и восплакашася о немъ зѣло. И по семъ нападѣ на турки со избранными своими и бияше их нещадно: токмо бо имея единъ мечъ в руке, и кого достигаше мечемъ, разсекаше надвое, аще и по коню ударить – падаху подъ ними, не удержим бо бяше мечъ его ни в чем – *ни збруя, ни конская сила.* Турки же, видевше крепость и мужество царево, и бежаху от него. И тако прогнаша турковъ к полому месту, и застеснившимся им окаяным в полом месте побиша ихъ гражанѣ безчислѣно множество, заколаху бо ихъ яко свиней, и дондеже проидоша *полое*⁷ место, *а иже бѣжаша*⁸ на

¹ Нет в ркп.

² В ркп.: полѣ.

³ Так в ркп.

⁴ Далее: их.

⁵ В ркп.: престана.

⁶ Нет в ркп.

⁷ В ркп.: полѣ.

⁸ Нет в ркп.

страны по улицамъ, и тѣ тамо побieni быша. И тако Божиимъ промысломъ в той день *избавися*¹ град. Турки же отидоша от града, // (л. 296 об.) а гражане падаху опочивати. И не бе тоя ноши ничесоже.

Цесарь же с патриархом и вси воины поидоша в великую церковь и *возблагодариши*² Господа Бога и пречистую его *матерь* и похвалиша цесаря. И нецы сказаша, яко и самъ цесарь в сердци своемъ вознесся, но и отшествие *поганныхъ* чяху, а не вѣдаху Божия изволѣния. Безбожны же Магмет, видевъ толико падение безчислѣно своихъ воиновъ, слыша цареву храбрость, и тоя ноши отступи от града *не спа, но советъ велиий сотвори хотяше бо тоя ночи*³ отступити от града, зане уже и *морский* путь преспѣ и коробли многия придут на помощь *граду*. Но да збудется Божие *изволение* и советъ той *не* совершися.

Знамение. Въ седмы уже часъ ноши начать наступати над градомъ тма велия: воздуху убо на аере огустившуся, и паде надъ градомъ плачевнымъ образомъ, ниспущаше, аки слѣзы капли велицы, под// (л. 297) обны величествомъ и взоромъ буйволону оку, червлены, аки кровавы, и терпяху на земли на долгъ час, яко удивитися всемъ людемъ и внезапно во ужасе и в тузе велицемъ⁴ во быти.

Патриархъ же Анастасие вскоре собравъ весь клир свой и синклит, и поиде ко царю и рече ему: «Свѣтлейший царю, ты вся прежереченная о градѣ сем добре веси, тако же и отшествие Святаго Духа. Видев и нынѣ тварь проповедунитъ погибель граду сему. Молимъ тя: изыдѣ изъ града, не вси вкупѣ умрем, Бога ради изидѣ!» И поведаша ему много деяния прежнихъ царей и сим подобна. И не послуша ихъ цесарь, но отвещавъше им: «Воля Господня да будетъ!»

Магметъ же окаяны видѣ ту тму велию над градомъ, и рекоша ему: «*Оное* знамение велико есть сие, прообразует // (л. 297 об.) погибель граду». Безбожны же слышавъ сие слово от книжникъ своих, и вскоре повелѣ⁵ уготовати вся воя своя. В 29 день маяа пусти напредѣ тмачисленныя оружники и пешцы и пушки, и за ними все войско. И, прикатиша противу полова места, *начаша бити о всем том мѣсте. И яко отбиша дальче гражанъ от полово мѣста*⁶, и поскориша пешцы очистити путь ратнымъ, рвы изравняти. И тако напустиша всеми полки, потопташа гражанъ. Стратигомъ же и мегистромъ и всемъ коникомъ приспевшимъ подкрепиша народ и боряхуся с турки. По семъ цесарю приспевшу со избраными своими, и нападе на турки, уже бо многу сушу войску внутри града. И смешався с ними, и зверообразнымъ рвениемъ и гнаша турковъ къ полому месту. *Бегиларбей*⁷ же восточны, великъ // (л. 298) бѣ теломъ и мужественъ, воскричавъ, со всею силою восточною поиде на греки и смеси полки их, и прогна ихъ, и, вземъ копие, и напусти на цесаря. Цесарь, подавъ

¹ В ркп.: избавия.

² В ркп.: воззваша.

³ Нет в ркп., по Хр.

⁴ Нет в ркп., по Хр.

⁵ В ркп.: вскоре.

⁶ Нет в ркп., по Хр.

⁷ В ркп.: бегмари.

ему щить, и отведе копие и, удари его мечем во главу, и разсече его надвое и до сѣдла. И абие возопиша турки многими гласы и, въземъши его, отнесоша. Цесарь же, пригласивъ своихъ, со восклицаниемъ многимъ, и внидоша в полки ихъ, и, биюща ихъ, прогнаша из града.

Но аще и горами подвизали, а Божия изволѣния не премочи¹. Туркомъ же убо множествомъ многимъ сущимъ пременяхуся на брань, гражданомъ же всегда единымъ сущимъ и отъ многога труда изнемогаху, падаху. // (л. 298 об.). Магметъ же окояны, слышавъ безбожнаго *бегиларбеа*² убиство, и плакаше о немъ зело: велими бо любяше его храбрости его ради и разума, и възъярився, поиде самъ своими враты и со всеми силами, а на царя повелѣтъ наводити пушки и пищали, бояшеся его, яко да не изыдетъ из града со всеми людми и наидетъ на них. И, пришедъ, безбожны ста против полова места и повелѣтъ первее бити изъ пушикъ, ис пищалей, и да отступятъ гражаня. По сихъ пусти Бальтаулию-пашу со многими полки на цесаря послалъ 3000 избранныхъ храбрыхъ и заповеда имъ, да улучатъ цесаря, аще и до смерти постраждутъ, или ис пищали убьютъ его. Стратиги же и меги// (л. 299) страны и вси велможи, видевшѣ устремление безвернаго, пришедша в силѣ *тяжце*³, отвѣдоша цесаря, да не всеу умреть. Онъ же, плачася *горко*, рече имъ: «Помните слово мое, еже рехъ вамъ и отвѣтъ положихъ, яко умру зде с вами, не дѣйте мене?». Они же отвѣщяху ему: «Мы все умремъ с тобою за святыя церкви Божия и за тя, Господи!». И, взявше его, отвѣдоша от народа и много увещеваху его, да изыдетъ из града. И, давши ему⁴ целования, стена и рыдая, и возвратишася на уреченое место.

*Балтаулию*⁵ же приспевшу со многими силами польки, и стретоша его стратиги на полом мѣсти, но не возмогоша удержати его, и вниде во град со всеми полки и наподѣ на гражань. И бысть сеча крепчайши всехъ прежнихъ, и падоша стратиги и мегистраны и вси велможи, яко // (л. 299) от многихъ мали отидоша на извещение цесарю. Избиеныхъ же гражань не бизь⁶ числа, тако жь и турковъ много множество. Три тыщи же рыскаху и совахуся, ищющи себѣ лову *царя*. Магметъ же окаяны вскоре, уредивъ, посылаше рать свою всю по улицамъ и по вратомъ цесаря искать, а самъ остася токмо со янычанми, сиречь стрелцами, во обозе, обрався пушками и пищалми *установися кругом*, бояше бо ся цесаря. Цесарь же Констин⁷, яко услыша Божие изволение, и поиде Великую церковь и паде на землю, прося милости Божия и прощения согрешениемъ. И покайся и простися с патриархомъ и со всеми клиреки и со царицаю. И, поклонися на все страны до земли, и причастися от патриарха святыхъ страшныхъ Христовыхъ таин, и поиде изъ церкви. И абие

¹ Далее испорченный текст: аще не Господь сохранишь град всеу бдя стегу.

² В ркп.: бгимарвею.

³ В ркп.: тяжцей.

⁴ Далее: да не все умрем.

⁵ В ркп.: салтаулию.

⁶ Так в ркп., возможно, не бѣ числа.

⁷ Так в ркп.

возопи //(л. 300) ша весь клирик¹ и весь народъ суши ту, и жены и дети, имъже несть числа, рыданиемъ, яко мнетися церкви поколѣбаться оной вѣликой, и гласи ихъ, яко до небеси достизаху.

Идушу же цесарю из церкви, *сие едино прорекъ*²: «Иже кто хочет *пострадати* за церкви Божия и за православную вѣру, да поидет со мною!» И вседе на фарисъ свой и поидѣ ко Златымъ вратомъ, чаюше во бо *сътретити*³ безбожнаго. Всехъ же воинов *собрася* с ним 3000. И обрете у *вратъ* множество турковъ, стрегущихъ его, и побиваше ихъ множество, и поидѣ во *врата*, но не можаше пройти от многоаго трупия. И паки стретоша его множество турковъ, и сечахуся с нимъ и до ноши. И тако пострада благоверный царь Константинъ за святыя Божия церкви и за православную веру месица мая въ 29 день, убивъ своєю рукою в той день, //(л. 300) болие шести сот, якоже оставши сказаша намъ. И збытся реченое: «Константином создася и паки Констином скончася», зане согрешениемъ осуждением *судомъ*⁴ Божиим и временемъ бывает, «злодѣяние⁵ бо, – рече, – и безаконие превратит престола силныхъ».

О, велика сила греховнаго жала! О, колико зло творить преступление! О, горе тѣбе, градъ Седмохолмия, яко погани тобою⁶ обладают! Колико благодати Божих на тебѣ возсияша, овогда прославляяся паче иныхъ градовъ, овогда многообразне и многократнѣ наказуя и наставляя благими дѣлы и чюдеса преславными, овогда же на враги победами прославляяся, не престаяше бо поучая⁷, ко спасению призывая и *житейскими* изобилием⁸ утешаяся и украшаяся всяче //(л. 301) ски! Такожде и пренепорочная Мати Христа Бога нашего *неизречеными* благодеянии и неизречено миловаша и храняше во вся времена. Ты же, неистовѣнъ, юже на тебе милость⁹ Божию и щедротъ отвращашеся¹⁰. И се нынѣ *открыся* на тебѣ гневъ Божи и предаде тебя в руцѣ врагомъ твоимъ. И кто о тебѣ не возплачется или не возрыдаеть? И паки на предляжащая возвратимся.

Царица же благоверная во инъ же *часъ* приять прощения с цесаремъ и иночество приять. Оставивши же стратиги, бояре, взявши царицу и благоверныхъ девиц и младыхъ женъ многихъ, и отпустиша царицу в Зустуниевыхъ кораблехъ и катаргахъ во острова во Аморию ко племенемъ. По граду же по улицамъ и по двором не покоряющихся¹¹ тур //(л. 301 об.) ком, но бияхуся с ними, и падоша от них того дни

¹ В ркп.: клик.

² Нет в ркп.

³ В ркп.: сътрести.

⁴ В ркп.: судбам.

⁵ В ркп.: злодѣянием.

⁶ Далее: владеют.

⁷ В ркп.: поучаяся.

⁸ В ркп.: изобили.

⁹ Слово повторено дважды.

¹⁰ Нет в ркп.

¹¹ В ркп.: покоряющих.

много множество людей, жен и детей, а иных пленяху. Также и в стрелницах суши воины не предася, но бяхуся со двоими турки: вне града *сущими и внутри града*¹. И в день *одолеваемы* бежаху и скрывахуся и в пропаstechъ, а ноши *вылазяху*² и побиваху турков многихъ. А ини людие *метаху*³ на них сверху полать керемиды и плиты и кровли полатные деревянные зажигаючи со огнемъ метаху на нихъ и инья пакости многия деяху имъ.

Санчакъбѣй же посла к салтану, глаголя: «Аще не самъ внидеши во град, не одаленъ будетъ град». Онъ же, взыскание сотворивъ о цари, бояся во градъ внити и бысть въ размышлени великомъ. И созва бояр и стратигъ царевыхъ, // (л. 302) ихже *поимаша*⁴ на боехъ, ихже паши взяша на свои руки. И царь же султанъ даде имъ свое слово крепкое и дары и посла ихъ с паши своими с начальникъи рещи гражданамъ по всемъ улицамъ и сущимъ воиномъ в стрелницахъ слово солтаново съ клятвою: «Да престанетъ брань без всякаго страху и убивству пленение: аще ли же кто всех вас, и женъ вашихъ и детей – меч мой поясть».

И сему бывшу, и преста брань. И вдашася вси бояромъ и стратигомъ и пашамъ на руки. И сия слышавъ султанъ, и возрадовася и посла во градъ чистити улицы и площади. *Въ*⁵ 11 день по брани и посла *санчакбѣев*⁶ по всемъ улицамъ со многими людми брани изрядны. А самъ поидѣ со всеми чини вратъ своихъ во врата святаго Романа къ⁷ Великой церкви, в нюже бяху собрани патриархъ и весь клиръ и народи // (л. 302 об.) безчислено женъ и детей. И пришедъ на площадь у Великия церкви, слез с коня и паде на землю, и взял персть и *посыпа*⁸ на главу свою, благодаряше Бога. И почудився зданию церковному, тако рече: «Воистину люди сии грѣчести быша и *придоша*⁹, а ини подобни имъ не будутъ». И внидѣ мѣрзость запустение во светилѣще Божие, и ста на мѣстѣ святемъ. Патриархъ же и весь клиръ возопишася со слѣзами и с рыданием, и падоша пред нимъ. Онъ же, помавъ рукою, да престануть, и рече имъ: «Тебе глаголю, Анастасие, и всей дружинѣ твоей и всему народу: во днешни день и впредь к таму не убойтеся гнѣва моего, и убивства, куплѣния». Обратився, рече пашам и *санчакбѣем*¹⁰: «Да запретяты всему войску и всякому чину моихъ врат, да не бьютъ народа и градскихъ, жен ни дѣтей ни убьют, // (л. 303) ни пленениемъ, ни иною коею враждою. Аще ли же кто преступит наше повелѣние – смертию да умрет». И повелѣ выслать их из церкви и всехъ людей, да поидут кождой в свой домъ, хотя бо видети урядъ и сокровища церковное.

¹ Нет в ркп.

² В ркп.: *выязях*.

³ В ркп.: *местаху*.

⁴ В ркп.: *побияше*.

⁵ В ркп. *нет*.

⁶ В ркп.: *санчаковъ*.

⁷ В ркп. *нет*.

⁸ В ркп.: *выпа*.

⁹ В ркп.: *придоша*.

¹⁰ В ркп.: *санчаку*.

Народу же идушу изъ церкви до девятыя години, еще многимъ сущимъ во церкви, и не дождавъ и вышедъ изъ церкви. И виде изшедшихъ полну площадь и во вси улицы идущихъ, и удивися многому толику народу жь идушу изъ церкви до дѣвятыя години и удивися толику народу изъ единаго храма изшедшихъ, поиде ко царскому двору. И ту стретѣ его неки сербинъ, принесе ему главу благовернаго цесаря Константина. Онъ же возрадовася зело и вскорѣ посла по боярь и стратигъ и вопросы ихъ, аще та суть глава // (л. 303 об.) цесарева: «Рцѣтъ истину!» Они же, страхомъ обдержими, рекоша ему: «Та есть сущая глава цесарева». Онъ же облобызавъ ю и рече: «Явно тя Богъ *миру*¹ уродивъ, паче же цесаря, почто все погилъ, еси не хотя нам покоренъ быти!» Повелѣ обложити сребромъ и златомъ и сохранить ея, якоже самъ вестъ. Патриархъ же, вземъ, положи ю в *ковчегъ* сребренъ и позлащень и скры в Великой церкви подъ престоломъ. От иныхъ же також слышахом, яко оставши от сущихъ со цесаремъ у Златыхъ врат, украдоша его тоя ноци и отнесоша в Галату, сохраниша его.

Царицы же велику испытанию бывшу и сказаша султану царю, яко велики доместникъ и великий анакторъ, и протостраторъ и сынъ его Андрей и брат его Асан Фома...

Конѣцъ быти Царяграда.

¹ В ркп.: миров.

СЕКСТ ПОМПЕЙ ФЕСТ. О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ. ИЗБРАННЫЕ ГЛОССЫ
DE VERBORUM SIGNIFICATU

ON THE MEANING OF WORDS. SELECTED GLOSS

Одним из важнейших антикварно-грамматических сочинений является частично сохранившийся труд римского грамматика II в. Секста Помпея Феста «О значении слов», являющийся, по сути, энциклопедией по римской архаике, представленной в форме лексикона, построенного по алфавиту. Труд сохранился частично. Но сохранилась полностью его эпитома, составленная в VIII в. Павлом Диаконом, частично восполняющая утраченный текст Феста. Сочинение никогда не переводилось на русский язык, нет и его современных переводов на другие языки. В настоящем приложении публикуются сохранившиеся глоссы на букву R.

Ключевые слова: Римские грамматик, Веррий Флакк, Секст Помпей Фест, Павел Диакон, О значении слов

One of the most important antiquarianism works which partly survived is De Verborum Significatu written by Sextus Pompeius Festus, a Roman grammarian of the 2nd century A.D. This treatise is an encyclopedia of Roman archaism presented in the form of alphabetically arranged lexicon. The treatise has partly survived but its epitome made by Paulus Diaconus in the 8th century survived in full which in a way restores the lost Festus's text. The writing has never been translated into Russian, there are no modern translations into other languages either. This publication includes glosses on letter R.

Keywords: Roman grammarians, Verrius Flaccus, Sextus Pompeius Festus, Paulus Diaconus, De verborum significatu

Секст Помпей Фест
О ЗНАЧЕНИИ СЛОВSextus Pompeius Festus
DE VERBORUM SIGNIFICATU

Римская антикварная и грамматическая литература начинают складываться во II в. до н. э. в тесной связи между собой. Основное внимание авторы уделяли толкованию происхождения слов (этимологии), архаическому словоупотреблению, институтам публичного и частного права. Антиквары и грамматик составляют существенный пласт и всей последующей римской литературы. К их числу прежде всего стоит отнести М. Теренция Варрона (I в. до н. э.), Веррия Флакка (I в. н.э.), Авла Геллия (II в. н. э.), комментатора поэм Вергилия М. Сервия Гонората (IV в. н. э.), Макробия (V в. н. э.), Иоанна Лида (VI в. н. э.). Римская антикварная традиция

будет воспринята и христианскими авторами. Первым христианским энциклопедистом, широко использовавшим сочинения римских грамматиков и антикваров, был Исидор Севильский (VII в. н. э.), чьи «Этимологии» легли в основу всего средневекового образования.

Римская антикварно-грамматическая традиция представляет из себя специфическую форму энциклопедического знания, основывающуюся на «панграмматическом» методе анализа бытия. При этом сочинения антикваров не составили отдельного жанра римской литературы. Они эволюционировали во времени, меняя структуру и характер, но при этом сохраняя пиетет перед словом, через анализ которого раскрывался весь многообразный мир римской культуры, языка, истории, права. Антикварная традиция, сохраняя и передавая из поколения к поколению сведения о римской архаике, остается ценнейшим источником для реконструкции римских архаических реалий царского и республиканского периодов. К сожалению, до недавнего времени отечественная, да и мировая наука в целом, уделяла ей недостаточно внимания. До сих пор многие из работ римских антикваров и грамматиков остаются непереуведенными на русский язык. Одним из таких важнейших антикварных сочинений является лексикон римского грамматика II в. н. э. Секста Помпея Феста, сохранившийся, к сожалению, в очень фрагментированном виде.

В настоящем выпуске мы продолжаем издание перевода сохранившихся глосс¹. Перевод сделан по изданию: *Sexti Pompei Festi De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome* / ed. W.M. Lindsay. Lipsiae, 1913. В настоящую подборку входят сохранившиеся глоссы на букву R. Значками < > отмечены несохранившиеся названия глосс, а также утраченные места, не поддающиеся реконструкции. В квадратные скобки взяты плохо сохранившиеся глоссы, перевод которых дан в соответствии с реконструкцией французского издания М. А. Саванье (*Pompeius Festus. De la signification des mots* / trad. par M. A. Savagner. Paris, 1846. Т. 2). В такие же скобки помещены слова и выражения, отсутствующие в тексте.

Секст Помпей Фест
О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ
Избранные глоссы

Перевод с латинского А. А. Павлова

[316]

[**Rufuli**. Руфулами именовались военные трибуны, которые назначались консулом, а не избирались народом, об их правовом статусе внес в народное собрание закон Рутилий Руф; этот закон различными средствами стеснял их права (так, чис-

¹ Начало см.: Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2018. Вып. 8. С. 88–96.

ло их было уменьшено, чтобы имели перевес те, кто избирался народом)¹; они сначала были названы Руфами (*Rufi*) от прозвища Рутилия (*Rufus*), а позднее – Руфулами (*Rufuli*).]

<**Runa**> – вид копья. <...> Энний (*Ann.* 589): «...*runata recedit*», то есть «копейщица отступает» <...>. Невий (*bell. Pun. inc. fr.* 4) <...>.

<**Ru**>**ctare** (изрыгать), а не *ructari*, говорить должно. <...> Флакк: «*Videtis alios ructare ac respuere pulcherrima superbia*» (Вы видите, что другие изрыгают и извергают изысканнейшее высокомерие). <...> М. Цицерон, однако, говорил *ructaretur* <...>.

[318]

<**Resparsum**> называют то вино, которым окроплялось погребение во время священнодействий, именуемых *sacra novendialis*. Эти жертвоприношения производились на девятый день.

[**Romani** <**ludi**>. Римские игры были названы так оттого, как полагали некоторые, что римляне, когда начали их отмечать, не пользовались еще услугами чужеземных мастеров, которых позднее стали привлекать из этрусских полисов (тогда действительно еще не справлялись все те игры, что есть теперь, они были учреждены в различное время). Оттуда эти игры названы Римскими. Другие полагают, что Римские, или Великие, игры были играми в честь Великой Матери и что весь народ вносил лепту для покрытия расходов на них, почему и зовутся эти игры Римскими. Третьи считают, что названы они так оттого, что состязались на них в беге, в конных ристаниях, в метании копья, то есть в тех состязаниях, в которых состязались римские воины; составленные попарно, они состязались в тех же видах состязаний, что и на войне]².

Rubidus называют плохо пропеченный хлеб, потому что хлеб такого рода бывает красноватого (*rufus*) цвета. Плавт в «Казине» (309): «*in furnum calidum condito, atque ibi torreto me pro pane rubido*» (Нет, заодно уж лучше в печь горячую Сажай меня и жги там, как печеный хлеб. – пер. А. Артюшкова). <...> Также *rubidae* называют обычно кожаные, покрытые от старости складками, бурдюки того же цвета.

Romanam portam. Народ называет Римскими (*Romana porta*) ворота, где вода вытекает из-под архитрава³. Древние обычно именовали это место «Цинциевыми

¹ В римском войске, состоявшем из четырех легионов, было 24 военных трибуна. С 361 г. до н. э. 6 из них стали избираться народом, с 311 г. – 16, а с 207 г. – 24. Позже консулы назначали трибунов лишь для легионов, набравшихся сверх этого числа. Дата упомянутого закона не определена.

² Римские, или Великие, игры, праздник в честь Юпитера, который восходит либо к пятому римскому царю Тарквинию Древнему (*Liv.* I. 35. 9), либо к началу V в. до н. э. (*Cic. Div.* I. 55). Сначала отмечались в течение одного дня, после свержения Тарквиния Гордого – два (*Dionys.* VI. 35), а после первой сецессии плебса 494 г. до н. э. – три. В IV в. до н. э. стали ежегодными. В сер. I в. до н. э. справлялись в течение пятнадцати дней с 5 по 19 сентября (*Cic. Ver.* I. 1. 31).

³ Эпистиль, перекладина в верхней части колонн.

статуями», поскольку там находилась гробница семьи Цинциев. Собственно Римские ворота были возведены Ромулом у подножия холма Победы; на этом месте имеется квадратное возвышение со ступенями. Ворота эти называли Римскими прежде всего сабины, по той причине, что служили они ближайшим для них входом в Рим¹.

Rutabulum – кочерга, которой пользуются селяне для разгребания угольев при выпечке хлеба. Новий в «Пике» (80): «*quid ego facerem? Otiosi rodebam rutabulum*» (Что ж мне было делать? Глодал кочергу на досуге). Невий [употребил это слово], говоря о мужском половом органе (соч. 126): «*vel quae sperat se nupturam *viri* adolescentulo[s], ea licet senile tractet retritum rutabulum*» (или надеется она замуж выйти за юношу? Может она разве потрепанную кочергу старика ощупывать).

[320]

Ruta caesa («о вырытом и срубленном») именуется то, что продавец при продаже земельного владения выговаривал для себя возможность срубить или выкопать [на участке после совершения сделки]².

Rutilium. *Rutilius* означает «рыжий». Древние женщины питали страсть к этому цветку, отсюда Рутилии получили свое прозвище, на что не раз указывает Афраний³.

Rutrum tenentis iuvenis. Статуя в виде юноши, держащего лопату и по обычаю греческих эфебов роющего песок с целью упражнения, находится на Капитолии. Эту статую, которая являлась предметом обстановки царского дворца, доставил в Рим из Вифинии Помпей Вифинский⁴.

Rutundam aedem. Как представляется, римский царь Нума Помпилий посвятил Весте круглый храм, поскольку полагал, что она суть Земля, которой поддерживается жизнь людей. Он придал ему круглую форму, чтобы богиня почиталась в храме подобном по форме ей самой⁵.

Ruscum⁶. Это, как говорит Веррий, – растение несколько большее, чем трава, и меньшее, чем кусты, напоминающее камыш. Катон в книге VII (8) своих «На-

¹ Варрон называет их Romanula. См.: Varr. LL. V. 164; VI. 24.

² Ср.: Cic. Top. XXVI: «Я поступил так, как обыкновенно делает нескандальный продавец. Когда он продает дом или землю, удержав за собой «все вырытое и срубленное», он оставляет для покупателя на месте то, что было уместно и ладно устроено ради украшения».

³ См.: Varr. LL. VIII. 83; Serv. Aen. IV. 698; Gell. II. 26.

⁴ Авл Помпей Вифинский. О нем мало, что известно. Современник и корреспондент Марка Туллия Цицерона. Способствовал присоединению Вифинии к Риму (присоединена в 74 г. до н. э. в соответствии с завещанием последнего царя Вифинии Никомеда IV), за что получил свое прозвище. Как сообщает Ливий (кн. 123), он был убит в 43 г. до н. э., будучи наместником Сицилии (очевидно в должности пропретора), Секстом Помпеем, обвинившим его в заговоре.

⁵ См.: Ovid. Fast. VI. 265; Plut. Numa. XI: «Чтобы хранить Неугасимый огонь, Нума, по преданию, воздвиг также храм Весты. Царь выстроил его круглым, воспроизводя, однако, очертания не Земли, ибо не отождествлял Весту с Землей), но всей вселенной» (пер. С. П. Маркиша).

⁶ Бот. иглица колючая (*ruscus aculeatus*).

чал» замечает, что женщины обыкновенно пользуются вещами цвета этого растения: «*mulieres opertae auro purpuraque; arsinea, rete, diadema, coronas aureas, ruscea *facile*, galbeos, lineas, pelles, redimicula*» (женщины, покрытые золотом и пурпуром; арсинея, сетка, диадема, золотые венки, венки из руска, повязки для рук, льняные одеяния, меха, головные повязки).

Rupitias. В законах XII Таблиц (8, 2) это слово означает «причинит ущерб».

Rodus или *raudus* означает «грубая и несовершенная вещь», ибо поэты и скалы именуют *raudus*, как, например, Акции в «Меланиппе» (438): «*Constit[u]it, cognovit, sensit, conlocat sese in locum celsum; hinc manibus rapere roudus saxum grande[m] et grave[m]*» (Он встал, разведаль, почувствовал, взгромоздился на возвышенное место; хватает после грубый камень огромный тяжелый); и в «Хрисиппе» (262): «*Neque quisquam a telis vacuus, sed uti cuique obviam fuerat, ferrum alius *saxio rudem**» (Все при оружии, но каждый схватился за то, чем смог воспользоваться, один за меч, другой – за грубый камень). В народе этим словом пользовались не только для слитков меди, как, например, Луцилий, когда пишет (1192): «*plumbi pa<u>xillum rodus linique matexam*» (Тонкого льна и медяк, что свинцом чуть-чуть пообмазан. – пер. Е. Рабинович), но и вместо чеканной меди, потому что при манципации, когда произносят «*rudusculo libro ferito*» (пусть коснется медью весов)¹, ассом касаются чашки весов. Цинций в сочинении «О древних словах» пишет так: «*Quemadmodum omnis fere materia non deformata rudis appellatur, sicut vestimentum rude, non perpolitum; sic aes infectum rudusculum. Apud aedem Apollinis aes conflatum iacuit, id ad rudus appellabant. In aestimatione censoria aes infectum rudus appellatur. Rudiari ab eodem dicuntur, qui saga nova poliunt. Hominem inperitum rudem dicimus*» (Как почти всякая вещь, не будучи обработанной, зовется «грубой», так и одежда, не будучи тщательно отделанной, – «грубая»; да и необработанная медь именуется «грубой». У храма Аполлона помещен слиток меди, именовали его *ad rudus*. В цензовых списках, составляемых цензорами, необработанная медь именуется «грубой». Значение глагола *rudiari* связано с деятельностью тех, кто выделывает новые плащи. Мы именуем неопытного человека «грубым»).

[322]

Rudentes – морские канаты, а также ослы, когда воят.

Ruspari означает «разыскивать часто», как следует из этой строки (trag. inc. 83): «*et ego ibo, ut latebras ruspans *rimeram aptimas**» (И я приду, чтобы, разыскивая, открыть потаенные места).

Rustica vinalia. Сельскими виналиями именуется праздник в честь Юпитера, который отмечают в 14-й день до сентябрьских календ, поскольку латинцы, ведшие войну с Мезенцием, посвятили возлияние всего вина этому богу². В этот же день были посвящены храмы Венере, один у Большого цирка, другой – в священной роще Либитины, поскольку под защитой этой богини находятся сады.

Rustum из *rubus* (куст ежевики) <...>.

¹ См.: Varr. LL. V. 163; Gai. Inst. I. 119.

² См. s.v. Vinalia. P. 517. Праздник сбора винограда и виноделия, отмечался ежегодно 19 августа. Ср.: Varr. LL. V. 13; VI. 16; VI. 20.

Rogatio есть то, когда народ спрашивают об одном или нескольких людях по поводу того, что не относится ко всем, а также об одном или многих делах, по которым устанавливается санкция, не обязывающая всех. Ибо то, что народ постановил в отношении всех людей или дел, называется законом (lex). Так Эллий Галл говорит: «*inter legem et rogationem hoc interest. Rogatio est genus legis; quae lex, non continuo ea rogatio est. <rogatio> non potest non esse lex, si modo iustus comitiis rogata est*» (Между законом и рогацией различие состоит в следующем. Рогация есть разновидность закона; закон же не всегда напрямую связан с рогацией. Рогация не может не быть законом, если только законным образом была внесена в народное собрание).

Romulum. Одни авторы безосновательно утверждали, что имя Ромул произошло от Руминальской смоковницы, другие, что произошло оно по той причине, что он был вскормлен сосцом (guma) волчицы. Гораздо более вероятно то, что он, как и его брат, получили свои имена от огромной мощи.

Romam. Кефалон Гергитий (который, как кажется, написал о прибытии Энея в Италию) говорит, что Рим (Roma) назван так по имени некоего человека, сотоварища Энея¹. И он якобы основал город, заняв холм, который теперь зовется Палатином, и назвал его Римом (Rhoma). Аполлодор² говорит в «Евксениде», что Эней и Лавиния породили Майла, Мула и Рома, от последнего произошло название Города. Алким³ полагает, что Ромул был сыном Тиррении и Энея, а от него произошла внучка Энея Альба, а ее сын, по имени Родий, основал город Рим. Антигон⁴, писавший об истории Италии, утверждает, что некий человек по имени Ром, зачатый Юпитером, основал город на Палатине и назвал его Римом. <...> Автор, составивший историю Кум⁵, сообщает, что некоторые, оставив Афины, перебрались в Сикион и Феспии⁶; впоследствии, в силу нехватки земли, из этих общин они перебрались в другие области, добрались до Италии, и названы были там аборигинами по причине долгого их скитания. А поскольку подчинены они были власти первенствующих лиц, то, в силу нахождения этой власти у немногих, Палатин-

¹ Ср.: Dionys. I. 72: «Так, Кефалон Гергитий, писатель очень древний, сообщает, что город был основан при втором поколении после Илионской войны людьми, спасшимися из Илиона вместе с Энеем; а основателем он объявляет предводителя колонии Рома, который был одним из детей Энея. По словам Кефалона, у Энея было четверо детей – Асканий, Эврилеон, Ромул и Ром» (пер. И. Л. Маяк).

² Греческий писатель, грамматик (II в. до н. э.).

³ Алким Сицилийский (IV в. до н. э.), автор «Истории Италии». См. Athen. VII. 118; X. 56; XII. 14.

⁴ Греческий историк, писавший после Тимея (IV–III вв. до н. э.), но до Полибия (II в. до н. э.). См.: Dionys. I. 6; Plut. Rom. XVII.

⁵ См.: Athen. XII. 37; Paus. X. 12, 4.

⁶ Древнегреческие города, расположенные на северо-востоке Пелопоннеса и на юге Беотии.

ский холм, на котором они зачастую восседали, был прозван Валенцией от силы их власти. По приходе Евандра и Энея в Италию со множеством тех, кто говорил по-гречески, это слово трансформировалось и стало произноситься как Рим. Агафокл, составивший историю Кизика, пишет, что Эней, побужденный пророчеством Елены, направился в Италию, взяв с собой свою внучку, дочь Аскания, по имени Рома (Rhoma), и та, когда фригийцы стали доминировать в Италии и прежде всего в областях соседних с Римом, первой посвятила на Палатине храм богине Доверия (Fides); когда позже на этом холме стали основывать город, посчитали справедливым назвать его именем Ромы, поскольку та посвятила это место богине Доверия. Агафокл утверждает, что имеется не мало авторов, которые говорят, что Эней был похоронен в Берекинтиях, городе у реки Нолы, и что некий из его потомков по имени Ром (Rhomus) пришел в Италию и основал город, названный Римом. Калтин¹, который составил историю деяний Агафокла Сицилийского, полагает, что в числе троянцев, бежавших после взятия Илиона, оказался человек по имени Латин, и у него была жена Рома, по ее имени и был назван город, который он основал, Римом, когда приобрел он могущество в Италии. Лембос, которого именуют Гераклидом, считает, что когда ахейцы возвращались из Илиона, некоторые из них, выброшенные на берег Италии бурей, поднялись вверх по течению Тибра, оказавшись на месте, где сейчас находится Рим. И там их пленницы, усталые от тягот плавания, подвигнутые авторитетом некой девы зрелого возраста, по имени Рома, подожгли корабль. Вынужденные по этой причине остановиться на этом месте, они основали город, который с величайшей готовностью называли именем той, по совету которой они эти места оставили за собой. Галит пишет, что после смерти Энея власть над Италией перешла к Латину, сыну Телемаха и Цирцеи, а он имел двух сыновей от Ромы – Рема и Ромула, и именно в этом причина того, что основанному на Палатине городу было дано имя Рим. [Диокл Пепаретский полагает, что Илия, дочь альбанского царя Нумитора, родила двух близнецов, которые, по приказу тирана Амулия, были оставлены в низине на берегу Тибра. Так как они лежали рядом со смоковницей, названной позже по имени Ромула Руминальской, то были вскормлены они волчицей и дятлом, птицей Марса. Позже они были найдены Фаустулом и воспитаны Аккой Ларенцией, женой его. Многие, однако, считают, что они были вскормлены знавшим обо всем Нумитором, взявшим на себя расходы по их содержанию, поскольку тот был уверен, что Илия зачала их от Марса, и они были тайно обучены в Габиях письму и всем другим наукам греков. А поскольку они провели раннее детство, тренируя свое тело, и среди сверстников превосходили всех силой, то их и назвали Ромулом и Ремом. Другие же говорят, что они были оставлены на берегу Тибра, поскольку порождены были матерью, которая была весталкой, изнасилованной преступным образом мужчиной.

¹ См.: Dionys. I. 72, 5: «Каллиас же, описавший Агафокловы деяния, упоминает, что какая-то троянка Рома из прибывших вместе с другими троянцами в Италию вышла замуж за Латина, царя аборигинов, и родила ему троих детей – Рома, Ромула и Телегона ... которые заложили град и нарекли его именем матери» (пер. И. Л. Маяк).

Там волчица, спустившаяся с соседнего холма, подставила им свои сосцы. Затем они были найдены здесь Фаустулом и воспитаны им. И говорят поэтому, что названы они Ромулом и Ремом именно от слова *ruma* (сосец). Передают, что когда они узнали, какой матерью они рождены, в первую очередь они восстановили на царстве деда Нумитора, затем посредством авгурий стали решать об основании города, кому из них основывать и назвать город. В связи с очевидным одобрением богов Ромул основал город, но назвал его Римом, а не в соответствии со своим именем Ромулой, дабы самой формой слова предсказать своей родине более счастливую судьбу. Теренций Варрон полагает, что Рим первоначально был назван Ромулой от имени Ромула, и признает вероятным, что позже форма слова была испорчена, превратившись в Рим. Веррий говорит впрочем, что нашел в священных книгах причину, по которой умалчивается настоящее наименование Рима.]

[330]

[**Romanam portam**. Римские ворота прежде именовались Ромуловыми, они были названы так от Ромула].

[**Romuliam tribum**. Дионисий говорит, что Ромулиева триба получила свое наименование от Ромула, потому что эта триба располагалась на земле, которую он отвоевал у вейнтов. Но Теренций Варрон полагает, что названа она была так оттого, что находилась ближе всего к Риму. <...>]

[332]

Rumex – копье похожее на галльский дротик; его упоминает Луцилий (1315): «*tum spara tum rumices portantur, tragula porro*» (Стрел и дротов черед, а потом и метательных копий... – пер. Е. Рабинович).

<**Rumitant**> означает «о них распускаются слухи», как, например, у Невия (bell. Pun. 70): «*simul alius aliunde rumitant inter sese*» (сплетни тут меж себя распускают один о другом).

<**Ruminalem ficum**>. Варрон говорит, что смоковница, растущая возле курии на Форуме пониже лавок менял, названа Руминальской оттого, что именно под этим деревом волчица подставила свои сосцы Рему и Ромулу. Сосец же зовется *ruma*, откуда селяне называют козлят *subrimii*, как бы те, что находятся еще под сосцами. Другие же полагают, что зовется она так оттого, что под ней обычно кормился (*ruminare*) скот.

<**Rumen**> – это та часть горла, через которую пища проглатывается; отсюда произошел [глагол] *rumare* (жевать), теперь же говорят *ruminare*.

[<**Rumentum**> в авгуриальной дисциплине означает, как кажется, «прерывание» или «отсрочка»: «*dum verba anci<libus movendis praeit, si in>terim avis canerit ... o augurio rumentum estod*» (если во время слов, произносимых при сдвигании щитов [главою коллегии салиев], запоет птица, пусть это послужит знаком для прерывания ритуала)].

[<**Rhegium**>. Как говорит Веррий, это слово, написанное через *rh*, должно означать тот муниципий, что расположен на побережье Сицилийского пролива. Он назван так от [глагола] «разрушать» (*rumperere*), что по-гречески **pataiai**; поми-

мо того это так потому, что город в Цизальпинской Галлии, где некогда находился форум Лепида, называется Регий (Regium)].

«**Rhondes Icadionque**». Когда Луцилий (1292) употребил [выражение] *Rhondes Icadionque*, он имел в виду имена двух пиратов, намекая на то, что его телу и здоровью грозила такая же опасность, какая исходила от этих пиратов благополучию моряков.

Rhinocerotem. Некоторые говорят, что носорог (rhinoceros) – это египетский бык.

Redemptores (подрядчики) в собственном смысле в соответствии с древним словоупотреблением называли тех, кто, хотя публично обязывался что-либо сделать или предоставить, все же получал вознаграждение лишь после исполнения обязательства. Действительно, в древности глагол *emere* (приобретать) ставился вместо *accipere*. Однако теперь так именуются те, кто что-либо взял в аренду с целью использования и употребления.

[334]

Redibitur, используется в собственном смысле в отношении того, что забрано и возвращено, а также того¹, кто, [сначала что-либо] предоставив, вынужден [затем] забрать назад то, чем обладал прежде.

Rediviam. Одни кожу, которая отшелушивается у края ногтей, называют *redivia* (заусеница), другие – *reluvium*, поскольку **luere** означает «очищать». Тициний в «Сетине» (132): «*lassitudo conservum, rediviae flagri*» (усталость соневольтника, кнута следы); и *Ливий* (25): «*scabra in legendo, rediviosave offendens*» (очищая кожу, удаляя ли заусеницы).

Redhostire – воздавать благодарность. Невий в «Волке» (praet. 5): «**Vel** *Veiens regem saluta[n]t Vib[a]e Albanum <A>mulium comiter senem sapientem, contra redhostis *menalus**» и Акций в «Амфипруоне» (92): «*cedo ecquid *teredhosti titum cum eas sem* obiectet facilius*»². Действительно, они употребили *hostire* вместо *aequare* (воздавать равным образом). Энний в «Кресфонте» (113): «*Audi[s] atque auditis hostimentum adiungito*» (Слушай и услышанному равное воздай возмещение). И в «Искуплении Гектора» (149): «*Quae mea cominus machaera, atque hasta *hospius* manu*» (Которые вблизи мечом моим да и копьем...). И Пакувий в «Тевкре» (346): «*Nisi coerceo protervitates, atque hostio ferociam*» (Если дерзости я волю не даю, и на высокомерие не отвечаю равно).

Redantruare говорится о прыжках Салиев: «*cum praesul ampruavit*», то есть когда пляшущий впереди произвел определенное движение, другие вторят ему поочередно, делая то же движение. Луцилий (320): «*praesul ut ampruet inde, <ut> vulgus redampruet *at**» (Главному вслед прыгну другие запрыгают разом. – пер. Е. Раби-

¹ Так называемый *redhibitor*. Покупатель имел право вернуть продавцу вещь, обладающую пороками или недостатками. Как пишет Ульпиан (D. 19. 1. 11. 3): «В состав иска, вытекающего из купли, входит и требование о принятии продавцом вещи обратно». См. также: D. 21. 1. 21pr.; 41. 2. 12. 2; 41. 3. 19 etc.

² Фрагменты не имеют однозначного перевода.

нович). Пакувий (104): «*Promerenda gratia simul cum videam Graios nihil mediocriter redamptruare, opibusque summis persequi*» (Вижу, заслуги ради греки со всем усердием участвуют в пляске салиев и следуют неотступно за высшими силами).

Redivivum означает «восстановленное из старого». Цицерон в первой книге «Против Веррия» (147): «*Utrum existimatis minus operis esse unam columnam efficere ab integro novam nullo lapide redivivo?*» (Или вы думаете, что меньше труда стоит воздвигнуть совершенно новую колонну, не прибегая к повторному использованию камня).

Redarguisse. Говорят, что Сципион Африканский, сын Павла, произносил *redarguisse* через букву е, как произносил он также и *pertisum*. Луцилий использует ту же форму, когда говорит (963): «*Quo facetior videare, et scire plus quam caeteri, pertisum hominem, non pertaesum dicere; ferum nam genus*» (Хоть и выглядишь речистей и умнее остальных, Произносишь ты «отвратно» вместо «отвратительно». – пер. Е. Рабинович).

[336]

Redimiculum. Женщины называют так цепочку, которой пользуются главным образом в качестве украшения.

Reus называют сегодня того, кто ведет дело в суде; а также того, кто что-то кому-то пообещал или торжественно в чем-то обязался, в связи с чем стал должником. Элий Галл говорит во второй книге «О значении слов, которые относятся к праву»: «*Reus est, qui cum altero litem contestatam habet, sive is egit, sive cum eo actum est. Reus stipulando est idem qui stipulator dicitur, quippe suo nomine ab altero *quibus pepulatus* est, non is qui alteri adstipulatus est. Reus promittendo est, qui suo nomine alteri quid promisit, qui pro altero quid promisit*» (Reus – тот, кто с другим в суде произвел торжественный обряд установления тяжбы¹, он либо инициировал процесс, либо участвовал в нем. **Reus stipulando (кредитор) – тот, кого также называют stipulator**, тот, кто заключил договор с другим от своего имени, а не тот, кто присоединяется к договору другого в качестве добавочного кредитора. Reus promittendo (должник) – тот, кто от своего имени что-либо пообещал другому, а не тот, кто что-то пообещал от имени другого²). Атей Капитон того же мнения, но для объяснения приводит текст закона Нумы из второго закона второй таблицы (XII, 2, 2), в котором написано: «*quid horum fuit unum iudici arbitrove reove eo die diffensus esto*» (Если одна из этих причин [будет препятствовать] судье, третьейскому посреднику или тяжущейся стороне [явиться на судебное разбирательство], то пусть оно будет перенесено на следующий день). *Теперь же и истец (actor), и ответчик (reus) вызываются в суд*. И обвинитель (accusator) также согласно древней традиции и обычаю вызывается силой³.

¹ См.: s.v. Contestari litem. P. 50; Contestari. P. 34. Cic. de orat. II. 43: «Я называю «ответчиками» (rei) не только тех, кто обвиняется [в суде], но всех, кто участвует в тяжбе».

² D. 45. 2. 1 (Модестин во 2-й книге «Правил»): «Тот, кто стипулирует, именуется кредитором (reus stipulandi); тот, кто обещает (reus promittendi), считается должником».

³ De vi accitur. Согласно корректуре Скалигера: de via citur. Т.е. «из поездки».

Rivus обычно называют слабый поток воды, зародившийся не в силу чьего-то желания, либо замысла, но рожденный стихией природы (ручей). Но также именовались и каналы (*givi*), вырытые вручную, проходящие либо над, либо под землей; слово это происходит из греческого языка.

Retanda, то есть с целью очищения, сдается в аренду река Помптина, ведь деревья, которые возвышаются у рек или произрастают в их руслах, именовались *retae*.

Rit<us> – обычай или привычка. Но *rite* означает «хорошо» и «точно». <...> Плавт в «Двух Менехмах» (395): «*Certe haec mulier anterino ritu astans somniat*» (Эта женщина, как лошадь, умудрилась стоя спать! – пер. С. Радлова). <...>

[338]

<**Retractare**> есть *rursus tractare* (обсуждать заново).

Ra<bidus> (бешеный) произошло от *rabies* (бешенство), то есть от болезни собак. Катулл <...> (63, 38): «*abit in quiete molli rabidus furor animi*» (И в разымчивой дремоте их затих неистовый пыл. – пер. С. Шервинского).

<**Ravi coloris**> называют тех, чей цвет волос между золотистым и сероголубым. <...> Плавт (*Epid.* 620) называет эту категорию людей *ravistelli* (старикашки): «*Sed quis haec est mulier et ille ravistellus qui venit?*» (Что за женщина, однако, и старик идут сюда? – пер. А. Артюшкова)

Rate<s> называют связанные меж собой бревна, которые сплавляются по воде. Иногда этим словом обозначаются также и сами суда. Афраний в «Письме» (141): «... *perculsam ratem*» (корабль, подгоняемый [ветром]). <...> Обозначают им также и весла. Акций в «Неоптолеме» (*trag. inc.* 3): «*Atque ego repercutio ratibus mare*» (И гоню я веслами воду морскую) <...> и в другом месте (*trag. ins.* 4): «*Sed iam propellunt caeruleum rates salum*» (Но весла уж гонят синюю воду морскую).

Radere ge<nas>. Законом XII таблиц было запрещено царапать щеки, то есть раздирать их ногтями.

<**Rabula**> называют усердно занятого во многих делах и готового достигать (*radere*) и добиваться своего; либо назван он так оттого, что он слишком активен в ведении дел, как бы *rabiosus* (бешеный).

[<**Raudusculana**>. Ворота в Риме названы так оттого, что оставлены были незаконченными (*rudis*) и неотделанными, или оттого, что были отделаны медью. Действительно, медь, как говорит Варрон в книгах «Древностей», называлась *raudus*, откуда при совершении манципации произносятся: «*Raudusculo libram ferito*» (пусть коснется медью весов). <...>]

[340]

[<**Rasores**> называли кифаредов, <...> оттого, как кажется, что они, «царапают» (*radere*) струны, ударяя по ним <...>.]

[<**Ratitum quadrantem**>. Полагают, что Тарквиций в книге <...> и Аврелий Опций называли так квадрант оттого, что на нем, как и на триенсе, было изображение плота (*ratis*), тогда как на ассе – корабля. Оттуда и Луцилий (1272) назвал квадрант *ratitum* <...>.]

Ravim. *Ravis* древние использовали вместо *raucitas* (охриплость). Плавт (Aul. 336): «*Ubi, si quid poscam, usque ad ravim poscam*» (Если чего я требую, то требую того до хрипоты). Он же (Cist. 304): «*experituravi hercle omnia ad raucam ravim*» (Иду, до хрипоты оправдываться стану я. – пер. А. Артюшкова). И в «Артемоне» (8): «*et ... ravim*» (и...охриплость). Цецилий в «Подкидыше» (84): «*Prius ad ravim citam feceris*» (Скорей до хрипоты ты спорить будешь).

Ratus sum означает «я подумал»; но кроме того *ratus* и *ratum* ставят вместо *firmus, certus* (твердый, определенный). Энний (Ann. 75): «*Occiduntur, ubi potitur ratus Romulus praedam*» (Они убиты, как только Ромул решил овладеть добычей). И Акций в «Меланиппе» (432): «*Neque ratam est, quod dicas, neque quae agitas, dicendi est locus*» (То, что ты утверждаешь, не является определенным, не место здесь говорить о том, чего требуешь).

R.duobus. Сокращение в виде сдвоенной R, что означает *rationum relatum* (перечень переданных вещей), вносилось обычно в большинство речей, связанных с судебными тяжбами, так как из этих табличек судьи получают информацию о том, что публично было передано и получено.

Raviliae – сероглазые [женщины] – от серых глаз (*ravi*); точно также *caesullae* – голубоглазые – от голубых (*caesii*).

Ratumenna porta. Ворота в Риме названы так от имени победителя в состязаниях квадриг, юноши из известного вейского рода, который погиб в Риме, когда сброшенный с колесницы понесшими от испуга лошадьми был затоптан ими. Сообщают, что лошади эти остановились лишь, когда вознеслись на Капитолий, при виде глиняной квадриги, помещенной на фронтоне храма Юпитера: римляне заказали их изготовление вейентам, которые были весьма сведущи в искусстве обработки глины. При обжиге в печи она настолько увеличилась, что извлечь ее оттуда не было никакой возможности, и казалось поэтому, что это чудо предсказывало, что община, которая будет обладать ею, станет самой могущественной из всех. Для возврата ее пришлось прибегнуть к войне.

[342]

Reciperatio (возвращение) имеет место быть тогда, как говорит Элий Галл, когда между народом [римским] и чужестранными царями, народами и общинами принято соглашение о том, каким образом через рекуператоров должны возвращаться и вновь обретаться имущества, и каким образом [стороны в судебном порядке] должны отстаивать свою частную собственность.

Reciprocare древние использовали вместо *ultra citroque poscere* (взаимно требовать), так как *procare* означает *poscere* (требовать). Пакувий в «Тевкре» (333): «**Rapido, reciproco, percito, Augusto citare, rectem, reciprocare* undaeque gremiis subiectare, adfigere*»¹. Плавт в «Астрабе» (12): «*Quasi tolleno aut pilum Graecum re-*

¹ Текст восстанавливается по-разному. Реконструкция издателя неудобоварима. Издатели фрагментов Пакувия предлагают следующий вариант: «*Rapide retro citroque percito aes-tu praecipitem ratem reciprocare, undaeque e gremiis subiectare adfligere*» (Remains of old Latin / ed. E.H. Warmington, M.A., F.R. Hist. S. London, 1936. Vol. II. P. 286). М. А. Саванье

ciproceis plana via) (Как подъемный рычаг или греческое копьё ты возвращаешь путем прямым...).

Recellere означает «отклонять назад», а *excellere* – «возноситься ввысь».

Recinium – всякое квадратное одеяние, как то объясняли те, кто толковал законы XII таблиц (10, 3)¹. *Согласно Веррию*², это одеяние, украшенное пурпурной полосой, использовали женщины. Оттуда мимов, выступающих босыми, именуют *reciniati*. Об этом подробно излагает Сантра во второй книге «О древних словах».

Reconductae³. Как свидетельствует Цинций в книге «О древних словах», *reconduit, refecerit* означает «основывать город, создавать, возводить».

Ricae. Небольшие платки, подобные паллиоле (*palliola*), используемые для покрытия головы, именуются *ricae* и *riculae*. Граний, однако, говорит, что это женская головная повязка, которой фламника обвязывала голову вместо ленты (*vitta*).

Rectae называют мужские одеяния, которые отцы ради благого предзнаменования должны озаботиться приготовить для своих детей. Они получили свое наименование оттого, что ткуются стоя и снизу вверх.

Remancipatam. Элий Галл говорит, что так (*remancipata*) именуют рабыню, которая была манципирована тем, за кого она выходит замуж.

Rienes. То, что мы именуем сегодня *rienes* (почки), древние называли *nefundines*, потому что греки называют почку νεφροῦς. Плавт в «Сатирионе» (113): «*Male tibi evenisse video; glaber erat tamquam rien*» (Полагаю приключилось с тобою что неладное; гладок был, словно почка).

[344]

Refriva faba, как говорит в том числе и Цинций, именуется боб, который обычно с целью получения предзнаменования приноситься с поля в дом для совершения жертвоприношения; как бы *revocant fruges* (предохраняют плоды), так как приносят их в дом для совершения священнодействия. Элий сомневается, был ли он тем, что приносился (*referre*) домой прямо с поля, либо предварительно *refrigatur*, то есть высушивался. Но в том помогает мнение Цинция, что при совершении общественных жертвоприношений, когда богам предлагается каша из бобов, она именуется *refriva*.

(Т. 2. Р. 725): «*Rapio, reciproco, percito animo, ultro citro*». In Oresto: «*Reciprocare undam, eque gremiis subiectare, ac fligere*» (Похищаю, возвращаю, душой взбудораженной, туда, сюда. И в «Оресте»: Гнать волну вперед и назад, и из глубин вздымать и сталкивать).

¹ Ср.: Varr. LL. V. 132: «*Ricinium* именовалось очень древнее верхнее одеяние; названо оно было *ricinium* от *reicere* (закидывать назад), поскольку носили его сдвоенным, отбрасывая одну его половину назад»; V. 133: «Плащ называли *laena* оттого, что он был сделан из большого количества шерсти (*lana*), такого, которое идет на две тоги; как *ricinium* был древнейшим одеянием женщин, так этот двойной плащ был самым древним одеянием мужчин».

² Предложенная в издании У. М. Линдсея реконструкция лакуны *vir toga*, на наш взгляд хуже таковой у М. А. Саванье *Verrius togam qua*.

³ Перевод начальной части глоссы дан в соответствии с реконструкцией Мюллера: «*reconduit, refecerit, ut*».

Remeare – «возвращаться», так же как *commeare* – «ходить туда и сюда». Оттуда говорится *commeatus dari*, то есть предоставить время, в которое можно сходить туда и обратно. Как, например, Афраний в «Эманципированном» (94): «*Vetuit me sine mercede prosum *paucius* remeare in ludum*» (Он запретил мне в игру возвращаться без какой-либо платы).

Remelignes и *remores* (задержки) произошли от **remorari**¹ (задерживаться), употреблены Плавтом в «Казине» (804): «*Nam quid illae nunc tam diu intus remorantur remelignes?*» (У меня от воздержанья уж давно в кишках бурчит. Что медлительницы наши долго медлят так еще? – пер. А. Артюшкова) и Афранием в комедии «Преданный» (277): «*remeligo a Laribus missa sum hanc quae cursum cohibeam*» (Препятствия ради послана Ларами бег замедлить ее). <...> Плавт (Trim. 37): «*quae in rebus multis obstant odiosaeque sunt, remoramque faciunt rei privaruae et publicae*» (Так властвует все личное над пользою / Общественной, закрыв пути ко многому, / Препятствуя в своей противной гнусности / Развитию и частному и общему. – пер. А. Артюшкова). Луцилий (965): «*quaenam vox ex te resonans meo gradu remora facit*» (Что кричишь ты, всякий шаг мой замедляя воплями? – пер. Е. Рабинович).

Remurinus ager (Ремуриновское поле) названо так оттого, что им обладал Рем, а местожительством Рема была Ремурия (Remuria). Но также и место на Авентине у высшей точки холма именуется Реморией (Remoria). Говорят, что названо оно так оттого, что Рем, обсуждая с Ромулом [основание города, произвел там ауспиции]². <...>

[<**Remores**> называют при ауспициях тех птиц, которые принуждают, намеревающегося действовать, помедлить (*remorare*) с этим].

<**Rima**>**ri** означает «тщательно разыскивать», в том числе как бы и *in rimis* (в щелях). <...> Энний в книге XI (366) <...>.

[346]

Re<**millum**>. *Remillus* используется в значении *repandus* (искривленный). Луцилий (1303) <...> и Афраний (424) <...>.

<**Re**>**morbescat**. Энний (inc. 37) использовал в значении *in morbum reccidat* (вновь впадает в болезнь*).

Re<**efutare**> означает «опровергать». Пакувий в «Гермионе» (190) <...>. Образовано от *fari* (говорить) заменой буквы А на U. Также в *recludere* (отворять) [дифтонг] AU заменен на U.

Rena<**ncitur**>. [Веррий]³ говорит, что *renancitur* означает *reprehenderit* (он схватил вновь*). Отсюда мы все еще говорим *nanciscitur* (случайно получает) и *nactus*, то есть «полученный».

<**Reor**> – «я полагаю»; у всех производных форм этого глагола пассивная форма⁴.

¹ Корректурa Мюллера.

² Восполнение М. А. Саванье.

³ Восполнение М. А. Саванье.

⁴ Так называемый «отложительный» глагол, все формы его пассивные, а значение активное.

<**Remulco**> (на буксире) говорится, когда большой корабль волочится с помощью весел (*remi*) углой лодчонки.

Rigidum означает и «чрезмерно холодное», и «чрезмерно твердое» <...>.

[<**Regifugium**>. Под таким именем в фастах указывается шестой день до мартовских календ, а не девятый день до календ апреля. Полагают, назван он так оттого, что в этот день царь Тарквиний сбежал с комиция; ложность этого мнения доказывал <...> и Туллий, который <...>. Пишут, что в этот день понтифика и салии помогают царю священнодействий производить на комиции жертвоприношение; а совершив его, тот тотчас убегает. Что это действительно так признает тот, кто увидит в фастах, что эти два дня помечаются в них как **Q.R.C.F.** Сокращение это читается так: *quando rex comitiassit fas*, то есть когда царь приходил на комиций. Действительно, только в дни этих священнодействий, и ни в какие другие, царю священнодействий позволено приходить на комиций. Этот обычай, как кажется, был заимствован из Этрурии. Второй из дней, который помечен также как **Q.R.C.F.**, является в фастах на девятый день до июньских календ. И тот, и другой день должны помечаться буквами NP, а не N, потому что после бегства царя эти дни из *nefasti* становятся *fasti*]¹.

[<**Regia**> именуют здание, в котором собираются, словно в святилище, жрецы, приглашенные понтификом, по той причине, что производят они там жертвоприношения, исполнявшиеся обычно царем священнодействий (*rex sacrogiu*m)].

[348]

<**Regiae feriae**>, как кажется, названы те праздники, которые справляются с целью очищения форума и места собраний <...>.

<**R**>**eglescit** Плавт употребил в значении *crescit* (растет) в этой строке (*frg. inc. 40*) <...>. Оттуда, как кажется, происходит также [слово] *glires* (сони), тело их заплывает жиром.

Reapse – в самом деле (*reipsa*). Пакувий в «Суде оружия» (26): «*Si non est ingratum reapse, quod feci bene*» (Если, в самом деле, не является неблагодарным то, что я сделал хорошо).

Regimen. Поэты используют *regimen* вместо *regimentum* (командование). Энный в книге XVI (423): «*Primus senex bradyn in regimen bellique peritus*» (Старик и в управлении первый и опытный в деле войны).

Relegati. Как замечает и Элий Галл, *relegati* в собственном смысле зовутся те, кто должен был в силу лишения доброго имени или наказания оставить Рим, или иное какое место, на основании закона или постановления сената, либо эдикта магистрата.

¹ См. s.v. **Q.R.C.F.** P. 310. В римском календаре некоторые дни, именуемые *dies fasti*, были выделены для судебных дел (обозначались литерой F); напротив, в *dies nefasti* (около 110) ведение таковых было запрещено в соответствии с религиозными предписаниями. Три дня в году, так называемые *dies fissi* (расщепленные) были отчасти *nefasti* (до совершения священнодействия), отчасти *fasti* (после). Помимо двух дней **QRCF** (24 марта и 24 мая) к ним относился день **QSDF** (15 июня).

Religiosus зовут не только человека, весьма чтущего святость богов, но и ведущего себя должным образом по отношению к людям. Дни же, именуемые *religiosi*, – те, в которые не позволено делать ничего, разве лишь только то, что совершенно необходимо. К таковым дням относятся тридцать шесть дней, которые именуются черными (*atri*), день поражения при Аллии, а также те, в которые открыт мундус. Элий Галл называет так всякое действие, которое человеку делать непозволительно, так как казалось, что совершая его, он идет против воли богов. К таковым относятся следующие: входить мужчине в храм Доброй богини; вносить в народное собрание закон, несмотря на неблагоприятные предзнаменования; в неприступный день (*die nefasto*) **зачинать судебную тяжбу перед претором. Он же очень хорошо разъясняет различия между понятиями *sacer*, *sanctus* и *religiosus*. Он утверждает, что вполне очевидно то, что здание, посвященное богу, является священным (*sacer*); стена, которая окружает город – священной и неприкосновенной (*sanctus*); могила, где умерший погребен или захоронен, является местом религиозного культа (*religiosus*). Однако в некоторых отношениях и временных рамках значение этих трех понятий может быть, по-видимому, одним и тем же. Полагают, что то, что является священным (*sacer*), **санкционировалось законом или установлением древних**, чтобы нельзя было посягнуть на то безнаказанно. Священное (*sacer*) **является одновременно и *religiosus***, так как человеку не позволительно делать что-либо в такого рода месте, а если кто сделает что из запретного, то это будет считаться сделанным против воли богов. Должно соблюдаться это равным образом и для стены, и для могилы, так как они являются и *sacra*, и *sancta*, и *religiosa*, но лишь в той мере, как то выше было изложено, когда мы говорили о *sacer*.**

[350]

Repotia (пирушка) совершается [в доме] мужа на следующий день после свадьбы; [зовется так] потому, что попойка как бы повторяется заново (*reficitur potatio*). Пакувий в «Илионе» (191): «*Ab eo depulsum mamma paedagogandum accipit repotalis Liber*» (Покровительствующий попойкам Либер оторванного им от груди принимает на воспитание).

Repagula (засовы), как говорит Веррий, это поперечные балки, которые при открытии двери устанавливаются в одном положении, а при закрытии – в обратном. Цицерон в четвертой речи «Против Веррия» (94): «*Postea convolsis repagulis, effractisque valvis demoliri signum, ac vectibus labefactari conantur*» (затем, сбив запоры и выломав двери, нападавшие попытались снять статую с цоколя и увезти ее на катках; – пер. В.О. Горенштейна). Поэты называют их иногда *repages*.

Repudium. Веррий говорит, что развод (*repudium*) назван так оттого, что происходит из-за позорного деяния (*ob rem pudendam*). Акции (682): «*Repudio eiecta ab Argis jam dudum exsulo*» (Из-за развода оставила я Аргос, живу в изгнании уже давно).

Repedare означает «отступать». Пакувий (400): «*Paulum repeda, gnate, a vestibulo gradum*» (Сдай немного назад, сын, покинь вестибул).

Repastinari (перекапывать) говорится, как полагает Веррий, о земле, природа которой изменяется посредством перекапывания, когда выкорчевывается лес, или когда смягчаем ее, разбивая камни, чтобы пригодна она была для производства травы для скота, либо зерна для людей. Катон говорит в речи о своих добродетелях, которую он написал против Терма (1): «*Ego iam a principio in persimonia, atque in durtia, atque industria omnem adolescentiam meam abstinui agro colendo, saxis Sabinis, silicibus repastinandis, atque conserendis*» (Всю свою раннюю юность провел я в воздержании и суровых трудах, возделывая поле на сабинских камнях, разбивая и засеивая кремь. – пер. Н. Н. Трухиной). Афраний в «Разведенном» (288): «*Repastina *serati senex fugis**» (Бежишь старик, за жизнью не поспеть)¹.

[352]

Reluere означает «уплачивать», «выкупать залог». Цецилий в «Карине» (105): «*Ut aurum et vestem, quod matris fuit, reluat, quod viva ipsi opposuit pignori*» (Чтобы обратно выкупить золото и одеяния, что принадлежали матери, которые еще при жизни та передала в залог).

Resignare древние ставили вместо *rescribere* (писать в ответ), как и мы до сих пор говорим *subsignare* вместо *subscribere* (подписывать). Катон в речи «О вражеских доспехах (*spolia*)» утверждает, что не должны прибиваться на стену те доспехи, что не сняты непосредственно с врага (1): «*Sed tum ubi ii dimissi sunt, revertantur resignatis vectigalibus*» (А когда их демобилизуют, пусть они возвращаются свободными от пошлин. – пер. Н. Н. Трухиной). <...>

<**Resultare**> – «подпрыгивать часто». <...>

<**Restibilis**> называют поле, которое два года подряд засеивается пшеничным колосом, то есть хлебным злаком; те, кто сдает земельные участки в аренду, обычно запрещают это делать.

<**Reses**> означает «ленивый», поскольку ленивый сидит на месте (*residere*). Акций (696) <...>. Афраний в «Розе» (284) <...>. Пакувий в «Суде оружия» (27) <...>.

Resecrare – освободить от религиозного проклятия; во всяком случае, когда обвиняемый именем богов заклинал народ в собрании освободить от этой опасности, магистрат приказывал освободить его от сакрального проклятия (*resecrare*). <...> Плавт (Aul. 684): «*Resecroque, mater, quod dudum obsecraveram*» (Прошу и вновь прошу тебя о том же, мать, О чем уже недавно я просил тебя; – пер. А. Артюшкова). <...>

[354]

<**R>es con<perendinata> означает судебное заседание, назначенное на третий день.**

<**Rava**> **m vocem**. Согласно <...>, *rava vox* означает хриплый и малоразборчивый голос, близкий по звучанию к лаю собак; отсюда и судебного защитника, говорящего со всею страстью, называют *ravula*, как то у Луцилия (1289) <...> как

¹ Текст восстанавливается по-разному. Перевод условен.

то у Плавта, который говорит в «Кладе» (336): «*Ubi si quid poscam, usque ad ravim poscam prius*» (Чего с него возьмешь? Хоть до осиплости / Кричи. – пер. А. Артюшкова). И в другом месте (Cist. 304): «*Expurgabo hercle omnia ad raucam ravim*» (Иду, / До хрипоты оправдываться стану я. – пер. А. Артюшкова).

Rosea называют поле на земле реатинской оттого, что на нем нива всегда засеивается тогда, когда оно покрыто росой (*ros*).

Rediculi fanum. Корнифиций утверждает, что храм Редикула, расположенный снаружи Капенских ворот, назван так оттого, что Ганнибал, когда он подступал к Городу, на этом месте повернул назад (*redire*), напуганный некими видениями.

Remanant означает «вновь обретают». Энний в книге I (69): «*desunt, rivos camposque rema<na>nt*» (...им недостает, реки и поля они вновь обретают).

[356]

Refert. Веррий говорит, что когда мы говорим *refert* (сообщает), мы обманываем себя, ведь правильно говорить *rei fert*, в дательном падеже разумеется, а не в творительном; однако такое употребление устоялось в силу традиции.

Ridiculus (достойный осмеяния) в собственном смысле говорится о том, кто осмеивается за позорные деяния.

«**Rideo, inquit Galba canterio**» (я ржу, сказал Гальба мерину) – пословица, которую Синний Капитон интерпретирует таким образом: речь идет о людях, которым уже изначально не хватает духа взяться за какое-либо дело. Сульпиций Гальба, когда, отправляясь в провинцию, увидел, что его лошадь пала у ворот города, сказал: «Я ржу, кляча, собираясь в столь долгий путь, ты устала, едва начав его».

Retricibus. Когда Катон использует [слово] *retricibus* в той речи, которую он написал, чтобы обсудить цензуру Фульвия Нобилиора (1), он имеет в виду оросительный канал, который находится по дороге в Ардею между вторым и третьим мильным столбом; из него орошаются сады, находящиеся ниже дороги на Ардею и Асинарий, вплоть до Латинской дороги.

Recepticum servum. Когда Катон в своей речи в защиту закона Вокония¹ употребляет это выражение, оно означает раба, который возвращался продавцу в силу некоего порока (1): «*ubi irata facta est, servum recepticum sectari atque flagitare virum iubet*» (потом, рассорившись с ним, велит своему собственному рабу докучать мужу и требовать с него долг. – пер. Н. Н. Трухиной)

Rogat означает «совещается с народом» или «просит одобрить то, что предлагает». Оттуда мы используем обычно *rogare* как синоним *petere* (требовать) и *orare* (просить). Катон в речи, произнесенной, чтобы воспрепятствовать отмене закона Бебия, говорит (1): «*hoc potius agam, quod hic rogat*» (Я скорее сделаю то, о чем он просит. – пер. Н. Н. Трухиной).

Restat, согласно Веррию, Энний поставил вместо *distat* (отстоит), когда говорит (Ann. 481): «*Impetus haut longe mediis regionibus restat*» (не далеко от срединных пространств пришелся удар).

¹ Закон 169 г. до н.э. о порядке наследования женщинами. Ср.: Gell. XVII. 6. 2.

Ruri (в деревне) должно говорить, а не *rure*, чему свидетельствует Теренций в «Формионе», когда говорит (363): «*ruri se continebat, ibi agrum de nostro patre*» (Бедняк трудом кормился и в деревне жил. – пер. А. Артюшкова).

[358]

Religioni. Для некоторых выходить за Карментальские ворота, как и созывать сенат в храме Януса, что находится за ними – суеверное прегрешение, ибо все триста шесть Фабиев, выйдя через них, были убиты при Кремере, а сенатское постановление об их отправке было принято в храме Януса.

Retiario. Когда ретиарий сражается с мурмиллоном, он поет: «*Non te peto, piscem peto. quid me fugis, Galle?*» (Я не ловлю тебя, ловлю рыбу. Что ты бежишь от меня, галл?), – поскольку тип вооружения мурмиллона – галльский, а сами мурмиллоны прежде именовались галлами; на их шлемах было изображение рыбы. Кажется именно этот вид противоборства был учрежден Питтаком, одним из семи мудрецов, который, намереваясь сразиться против Фринона из-за пограничных разногласий, что были между афинянами и митиленцами, поймал Фринона сетью, принесенною тайно.

Resignatum aes говорят воину, когда из-за какого-то правонарушения [его имя] по приказу военного трибуна заносится в таблички, дабы не предоставлять ему жалованье, ведь древние [*re*]signare ставили иногда вместо *scribere* (писать).

Rituales (ритуальные) называются книги этрусков, в которых написано, по какому религиозному ритуалу основываются города, освящаются алтари и храмы, какими ритуалами делаются неприкосновенными стены, на каком праве устраиваются ворота, каким образом разделяются трибы, курии, центурии, создаются и организуются войска, и все прочее, что необходимо для войны и мира .

Rutilae canes, то есть суки близкого к рыжему цвета, приносятся, как говорит Атей Капитон, в жертву во время так называемых собачьих священнодействий¹ вместо плодов земли, дабы отвратить безжалостный зной, возвещаемый ранним восходом Сириуса (Canicula) из созвездия Пса².

[**Religionis.** Величие цензоров поддерживается прежде всего религией, вот примеры такого величия, которые приводит Варрон в книгах «О жизни римского народа». М. Фульвий Нобилиор, став цензором вместе с М. Эмилием Лепидом³, хотя прежде находился с ним в большой вражде, и часто вступал с ним в судебные тяжбы, оставил тотчас, как вступил в должность, вражду к коллеге, считая, что ненависть, которую он демонстрировал в частной жизни, чужда интересам народа. Это решение, принятое по велению его сердца, было приятно всем и воспринято с одобрением. А когда А. Постумий и Кв. Фульвий были избраны цензорами⁴, по-

¹ См.: Plin. NH. XVIII. 3.

² См.: Ovid. Fast. IV. 939.

³ Вступили в должность в 179 г. до н.э.

⁴ Вступили в должность в 174 г. до н.э.

сле того, как Фульвий потерял двух сыновей в войне с Иллирией и из-за тяжелой болезни глаз не мог более исполнять должность цензора, Постумий предложил обратиться за консультацией к Сивиллиным книгам и произвести публичное молебствие за здоровье коллеги. Тиб. Семпроний, поскольку стало подрываться доверие к цензорам плебейским трибуном Рутилием, разгневанным тем, что стена его дома была снесена¹, когда тот обвинил перед народом его коллегу Г. Клавдия, сделал так, что те же центурии, которые осудили Клавдия, на том же самом месте, оправдали его². Цензура Л. Эмилия Павла и Кв. Филиппа внушала тревогу. Павел страдал от тяжелой болезни и, находясь в должности, чуть не лишился рассудка³. Неблагоприятной была и цензура П. Корнелия Сципиона Назики, чьим коллегой был М. Попилий, чей брат впоследствии был консулом. Известно, что, будучи обвиненным и вынужденным дать залог, он был освобожден римским народом⁴. Цензоры М. Валерий Мессала и Г. Кассий Лонгин, поскольку во время нахождения их в должности была опорочена стыдливость, приобрели дурную славу⁵, ибо срубили пальму, которая появилась во время Персидской войны на Капитолии, прямо на алтаре Юпитера Всеблагого Величайшего, а на месте ее появилась смоква, отчего они стали инфамными цензорами, поскольку отнеслись к стыдливости без всякого уважения. Затем воспоследовала цензура Л. Корнелия Лентула и Г. Цензорина. Лентул был осужден народным судом за взяточничество⁶. Так что многие опасались, что цензор припомнит наказание; но цензура его ни для кого не была тягостна. Цензура П. Сципиона Африканского и Л. Муммия была памятной⁷; но Муммий

² Liv. XLIII. 16. 4–5: «Его клиенту, вольноотпущеннику, цензоры велели снести стену на Священной дороге напротив общественных сооружений, как построенную на общественной земле. Владелец воззвал к трибунам. Кроме Рутилия, из них никто не воспротивился цензорам».

³ Тиб. Семпроний Гракх и Г. Клавдий Пульхр вступили в должность в 169 г. до н. э. (Liv. XLIII. 14. 1). П. Рутилий – плебейский трибун того же года. Подробнее о противостоянии цензоров и трибуна см. Liv. XLIII. 16. Трибун обвинил цензоров в *perduellio*. Собрание было готово осудить Г. Клавдия, но после того, как Тиб. Гракх заявил, что если тот будет осужден, то без голосования по своей кандидатуре он уйдет с ним в изгнание, Клавдий был оправдан.

⁴ Вступили в должность в 164 г. до н. э. Плутарх (Aem. XXXIX) пишет, что, находясь в должности, он захворал и вынужден был поехать лечиться в Элию, а по возвращении «впал в беспамятство, лишился рассудка и на третий день скончался». См. также: Val. Max. VII. 5. 3; Plin. NH. VII. 214; XXVI. 5; Diod. XXXI. 25; Cic. Dom. 130; Plut. Aem. XXXVIII. 5–6. XXXIX.

⁴ Вступили в должность в 159 г. до н. э. См.: Cic. Brut. 79; Gell. IV. 20. 11; Non. Marc. p. 247–248 L; Plin. NH. VII. 215; Liv. Per. 47.

⁵ Вступили в должность в 154 г. до н. э. См.: Plin. NH. XVII. 244; Liv. Per. XLVIII; Val. Max. II. 4. 2; Vell. I. 15. 3; App. BC. I. 28.

⁶ Вступили в должность в 147 г. до н. э. См.: Val. Max. VI. 9. 10; VII. 5. 2.

⁷ Вступили в должность в 142 г. до н. э. См.: Liv. XL. 51. 4; Plin. NH. XXXIII. 57 etc.

отметился медлительностью при ведении дел. Он изъял Азелла из числа эрариев без исполнения наказания, посмеявшись тем над суровостью Африкана, который перевел того в число эрариев¹. Но и цензура Кв. Фульвия Нобилиора и Апп. Клавдия Пульхра была весьма знаменита²: три несправедливо суровых замечания были наложены на нобилей. Во время цензуры Кв. Помпея и Кв. Цецилия Метелла Македонского был составлен список сената³. В целом из сената были исключены три сенатора, да так, что затмили славу других.]

[362]

<Redinunt> означает «они возвращаются». Энний (Ann. 475): «... *redinunt*» (...возвращаются). У других авторов...*inunt*, то есть *eunt* (идут), *ferinunt*, то есть *feriunt* (несут), *nequinunt*, то есть *nequeunt* (не имеют возможности).

Regium (царское) означает то, что принадлежит или принадлежало царю, как, например, *servus regius* (царский раб) и *domus regia* (дворец царя), который некогда принадлежал Нуме Помпилию. <...> *Regale* – то, что приличествует царю (*rex*).

<Romanos>. Энний в одиннадцатой книге «Анналов» говорит, что римляне называют греков гречешками (356): «*contendunt Graecos, Graios memorare solent, sos...lingua longos per*» (утверждают, что греки, их обычно называют гречешками...) <...>. Энний (Ann. 503): «*Hispane non Romane memoretis loqui me*» (Вы напоминаете мне, что я говорю по-испански, а не по-латински) <...>.

[<Rigido tum caerula suro>. Когда Энний употребляет это выражение (Ann. 523), он, как кажется, имеет в виду *caeruli*. Это слово произведено от слова море. То же слово в том же смысле он употребил во второй книге (143): «*ponti caerula prata*». Он назвал здесь море зелеными лугами. И в другом месте (524): «*Inde Parum, cui caerula vi valida assultabant*» (Оттуда в Парос, о берега которого со страшной силой бьются волны морские); он говорит здесь об острове Парос. И еще (525): «*Unum usurum surus ferre, tamen defendere possunt*» (Пока хоть один готов был держать палку, они могли защищаться). *Suri* означает «палки», уменьшительная форма слова – *surculi*.]

Requeapse. Сципион Африканский, сын Павла, когда произносил речь перед храмом Кастора, употребил следующее выражение: «*quibus de hominibus ego saepe, atque in multis locis opera, factis, consiliis, reque eapse [saepe] bene meritis siem*» (в самом деле, я часто и во многих местах имел заслуги пред этими людьми, деяниями своими и советами), *requeapse* таким образом означает «в самом деле» (*re ipsa*).

Respublica. Г. Гракх в отношении ряда государств использовал [слово] *respublica* во множественном числе в той речи, которую он написал о законе Пенна и о чужеземцах, где говорит: «*ae nationes, cum aliis rebus, per avaritiam atque stul-*

¹ См.: Val. Max. VI. 4. 2; Vir. III. 58, 9. Об Азелле: Cic. de or. II. 258; 268; Cluent. 134; Val. Max. 4. 1. 10; Gell. II. 20. 5–6; III. 4. 1; IV. 17. 1 etc.

² Вступили в должность в 136 г. до н. э. См.: Dio. fr. 81; Plut. T. Gr. 4. 1; Liv. Per. 56.

³ Вступили в должность в 131 г. до н. э. См.: Cic. Dom. 123; Liv. Per. 59; Plin. NH. VII. 143.

titiam, res publicas suas amiserunt» (эти нации, наряду с иными причинами, утратили свои государства из-за алчности и глупости)¹.

[364]

«**Recto fronte** ceteros sequi si noŕit»². Это выражение Катон употребил, рассматривая консулат (25). Оно было использовано в соответствии с древним обычаем, как и те, что употребляет Энный (Ann. 178): «*a stripe supremo*» (от старшего предка) и (Ann. 55): «*Ilia dia nepos*» (эта благородная внучка), и (Ann. 68): «*lupus feta*» (беременная волчица), и (trag. 387): «*nulla metus*» (никакого страха). Также в комментариях к понтификальным священнодействиям часто встречаются такие выражения, как *hic ovis* (этот баран), *haec agnus* (эта овца), *haec porcus* (эта свинья), которые мы должны воспринимать не как ошибочные, а как доказательства древнего словоупотребления³.

Recipie Катон (inc. 56) [использовал] вместо *recipiam*, как и много других форм того же рода.

Redemptitavere. Тот же Катон использовал *redemptitavere* в значении «кричать» (*clamitavere*) в речи, которую он произнес о картинах и статуях (1). Он говорит: «*honorem *temptavere* libere facta benefactis non redemptitavere*» (почесть они купили, а дурные дела добрыми не искупили. – пер. Н.Н. Трухиной).

Repulsior в сравнительной степени употребил Катон в речи «Против Корнелия» (1), которую произнес перед народом: «*ecquis incultior, religiosior, desertior, publicis negotis repulsior?*» (Есть ли человек более неряшливый, суеверный, пропащий, далекий от общественных дел? – пер. Н.Н. Трухиной)

Ratissima подобным образом представляет из себя превосходную степень используемого нами прилагательного *rata* (имеющие законную силу); отсюда произошло и [слово] *rationes* (мнения). Катон в речи «Против Кв. Терма» (1): «*Erga rempublicam multa beneficia ratissima atque gratissima*» (Много несомненнейших и благотворнейших услуг государству. – пер. Н.Н. Трухиной).

Regillis tunicis. Благого знаменья ради девушки в канун свадьбы возлежали на ложе, одетыми в белые с вертикальной основой тунки и золотисто-желтые головные сеточки, те и другие специально ткались для этого стоймя и снизу вверх; этот обряд соблюдался обыкновенно и когда мальчики облачались в мужские тоги.

Rapi. Когда передается девушка мужу, изображают, что она как бы похищается из рук матери, а если ее нет, то из рук ближайшей родственницы, оттого, разумеется, что такое похищение было удачно произведено Ромулом⁴.

¹ Плебейский трибун 126 г. до н. э. М. Юний Пенн предложил закон, который должен был воспрепятствовать заселению Рима не гражданами. Г. Гракх выступил против этого закона. См.: Cic. de off. III. 47; Brut. 109.

² Если он умеет следовать за остальными прямо во фронт.

³ Автор отмечает, что одни и те же слова в архаической и классической латыни были различных родов, поэтому выражения с ними кажутся рассогласованными.

⁴ См.: Catul. LXI; Apul. Metam. IV.

Rari. Факел, при свете которого приводилась новобрачная, [сопровождая] дружками с двух сторон, обычно как бы похищается¹, чтобы ни жена не положила его этой ночью под ложе супруга, ни муж не стал бы жечь его на могиле; полагали, что тем и другим навлекается близкая смерть одного из [супругов].

Ritus – обычай, которому следуют при совершении жертвоприношений.

Receptus mos (воспринятый обычай) – иноземный обычай, который государство заимствовало по доброй воле.

[366]

Religiosi зовутся те, кто имеет возможность выбирать из числа священнодействий те, которые должно произвести, либо опустить согласно обычаю государства, и те, кто не связывает себя суевериями.

Renovativum fulgur называют удар молнии, который будучи подобен удару, что случился до того, подтверждает предзнаменование предшествующего.

Referri diem predictam. Как пишет Вераний в работе, посвященной ауспициям, совершаемым перед созывом комиций, неподобающим является *referri diem predictam*, то есть заранее назначать день; в качестве примера он приводит цензоров Л. Юлия и П. Лициния², которые совершили ауспиции без какого-либо декрета авгуров, вследствие чего их люстр не был вполне удачным.

Regalia exta называются внутренности жертвенного животного, которые сулили людям знатным неожиданный почет, людям непубличным и незнатным – наследства, сыну семейства – господство в семье.

Respicere avem. При производстве ауспиций это выражение означает, что наблюдающий вновь видит ту же птицу, которая возвращается к месту наблюдения.

Religiosum. Все священные места и храмы относятся к вещам, именуемым *religiosae* (религиозные) и *sacrae* (священные), они же именуются *sacratae* (священными и неприкосновенными). При этом *res religiosa* не обязательно является в то же время и *sacra*; так, например, погребения, относятся к *res religiosae*, а не *sacrae*³.

Reus. Как говорит Синний в написанной им работе, это слово употребляется в двух значениях, так что *reus* – это тот, кто защищает себя в суде, либо тот, кто ведет дело против тебя: тот и другой могут прибегать к клятве⁴.

<**Rosci**> обычно зовутся те, кто достиг совершенства во всяком из искусств, потому что, как говорит Цицерон в первой книге «Об ораторе», актер Росций (**Roscius**) в своем искусстве достиг такого совершенства, что не осталось ничего, в чем бы он в нем не преуспел.

¹ Факел возжигался на очаге отца жены и не мог вноситься в дом мужа, жизнь которого была связана с его собственным очагом. Вступая в дом и в новую семью, жена приобщалась и к новому огню (очагу). См.: s.v. Pronubae. P. 282; Aqua et igni. P. 3.

² Луций Юлий Цезарь и Публий Лициний Красс Див вступили в должность в 89 г. до н. э. См.: Cic. Arch. 11; Plin. NH. XIII. 24; XIV. 95; Val. Max. IX. 2. 2.

³ О вещах божественного права см., например: Gai. II. 2–9.

⁴ См. s.v. Reus. P. 336.

[<**Rustica vinalia**> (сельские виналии) справлялись в честь Венеры в августе¹, как видно из фаст, потому что именно в этот день был посвящен храм этой богини; в этот день не утруждали работой выючных животных, да и сами садовники избегали всякой работы потому, что все сады, как полагают, находились под опекой Венеры.]

[**Raucos**. Веррий говорит, что люди с хриплым голосом названы, как кажется, *rauci* от *ariditas* (сухость), либо от некоего сходства с колосьями зерна, ибо тот же Веррий доказывает, что налившиеся зерна колосьев именуются *rava*.]

[368]

[**Rica** – это квадратное пурпурное одеяние с бахромой, которым фламиники пользовались вместо паллиолы или митры, как полагает <...>. Но Тиций говорит, что так зовется одеяние, изготавливаемое из влажной белой шерсти, девушками, наделенными тремя качествами: его изготавливают свободнорожденные девушки, у которых живы отец и мать, и которые обладают гражданским статусом. Будучи сотканным, его моют в проточной воде и окрашивают в небесный цвет.]

[**Respici avis**[□] говорят тогда, когда жертвоприношение завершено, цель как бы достигнута <...> комиции завершены <...> жрецы, согласно обычаю <...> вино возливается на голову с торжественными молитвами.]

[**Remisso**. Одновременно с роспуском войска авгур, который содействовал консулу во время войны в совершении ауспий, получает приказ оставить расположение войска, ибо тогда, когда он уходит, становится очевидным, что войско распушено. Но как только будет необходимо, консул может вновь призвать к себе авгура. Дело в том, что авгуры не всегда присутствуют при консулах и цензорах, как говорит <...>, но авгуры, которых они призывают при совершении должностных обязанностей, присутствуют при ауспийях. Антистий Лабен говорит, что тот консул, который первым получает право на ликторов и секиры, первым же вытирает и авгура <...>.]

Re<pertum>. Слово *repertus* (отыскание) происходит оттого, что удается вернуть обратно утраченную вещь; как бы *repartum* и *reparatum* (восстановленное).

[370]

Rictus, <*rixae*, *rixosi*, *ringitur*> (оскал, драки, задиры, скалит зубы). Эти слова, как кажется, происходят оттого, что они несут обратное значение, противоположное прямому (*rectus*). Слово же *rectus* (прямой) происходит от *regere* (править). <...>

¹ См. s.v. *Rustica vinalia*. P. 322; *Vinalia*. P. 517.

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. С. ДЕМКОВОЙ

От редакции

24 марта 2018 г. ушла из жизни Наталья Сергеевна Демкова, профессор Санкт-Петербургского университета, выдающийся исследователь древнерусской литературы. Научные труды Н. С. Демковой заслуженно снискали ей не только всероссийское, но и мировое признание. В формировании научных кадров Сыктывкарского университета Н. С. Демкова сыграла особую роль: она была научным руководителем при написании кандидатских диссертаций целого ряда преподавателей Сыктывкарского университета (Т. Ф. Волковой, А. Н. Власова, М. В. Мелихова, Е. А. Рыжовой), руководила дипломными работами студентов Сыктывкарского университета, переводившихся на старших курсах для завершения образования в Ленинградский университет (И. Перфильева, Н. Шумилина). Ученица профессора ЛГУ И. П. Еремина, Наталья Сергеевна работала в тесном научном контакте с такими выдающимися российскими медиевистами, как В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, Н. Ю. Бубнов, и в своей обширной и разнообразной научной деятельности активно и многопланово воплощала основные принципы русской академической науки, которые она передавала всем своим многочисленным ученикам, сейчас работающим над изучением памятников древнерусской литературы в самых разных уголках России и за ее пределами.

Научная деятельность Натальи Сергеевны для всех ее учеников стала примером настойчивости, целеустремленности, преданности своему делу. Ее вклад в изучение древнерусской литературы трудно переоценить: энциклопедические знания, живость обсуждения конкретных вопросов, постоянная готовность к оказанию помощи, наконец, личное обаяние снискали Наталье Сергеевне уважение всех, кто общался с ней. Н. С. Демкова являла собой яркий пример гармоничного человека – трудолюбивого, азартного исследователя, умелого воспитателя своих учеников и молодых коллег!

Формально нигде не зарегистрированная научная школа профессора Натальи Сергеевны Демковой в настоящее время является мощным фактором развития филологической науки в России, объединяя в своих рядах выдающихся ученых, преподавателей вузов, деятелей культуры и искусства Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Сыктывкара и других городов России.

В этом разделе мы публикуем воспоминания о Н. С. Демковой ее учеников и работе созданного ею в стенах Ленинградского университета научного семинара.

О НАУЧНОМ СЕМИНАРЕ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Н. С. ДЕМКОВОЙ

MEMORIES OF THE SCIENTIFIC WORKSHOP ON OLD RUSSIAN LITERATURE N.S. DEMKOVA

В приводимых далее воспоминаниях А. М. Грачевой, Т. Ф. Волковой, Э. Малэк, И. Д. Казовской рассказывается об уникальном научном коллективе, созданном ассистентом, потом доцентом, а позднее профессором кафедры истории русской литературы Ленинградского университета Н. С. Демковой на филологическом факультете Ленинградского университета во второй половине 60-х годов XX столетия, о той творческой атмосфере, которая царила на заседаниях Семинара по древнерусской литературе, руководимого Н. С. Демковой, о взаимоотношениях его членов между собой и отношениях с руководителем Семинара, о том, каким важным в жизни каждого члена Семинара оказалось участие в его работе.

Ключевые слова: *Древнерусская литература, Семинар Н. С. Демковой, филологический факультет Ленинградского государственного университета, воспоминания об ученых-медиевистах.*

In the following memoirs A. M. Gracheva, T. F. Volkova, E. Małek, I. D. Kazovskaya tells about a unique research team created by an assistant, then an associate professor, and later a professor of the Russian Literature History Department of the Leningrad University N. S. Demkova at the philological faculty of the Leningrad University in the second half of the 60s of the XX century, about the creative atmosphere that prevailed at the meetings of the Seminar on Old Russian Literature, led by N. S. Demkova, about the relations of its members among themselves and their relationship with the head of the Seminar, about how important and each member of the Seminar was inv

Keywords: *Old Russian literature, Seminar by N. S. Demkova, Faculty of Philology of Leningrad State University, memories of media scholars.*

А. М. Грачева (Санкт-Петербург)*

A. M. Gracheva

В 70-х гг. прошлого века одним из самых замечательных явлений на филологическом факультете Ленинградского университета был семинар по древнерусской литературе Натальи Сергеевны Демковой. Туда шли зачарованные и увлеченные. Большинство его участников впервые погружались в мир Древней Руси на первом курсе, когда на лекциях Наталья Сергеевна пронзала сердца новоиспеченных студентов трогательной историей гибели святых Бориса и Глеба, вместе с неопитами следила за авантюриными перипетиями судеб персонажей

* Опубликовано в качестве вступления к статье: Грачева А. М. Структура патерикового рассказа и сборник А. М. Ремизова «Бисер малый» // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 276–277.

средневековых повестей, разгадывала тайны «Слова о полку Игореве», заставляла услышать страстные живые голоса «бунташного» XVII в.

В семинаре царил атмосфера духовного братства. Его руководитель воспринимался как Учитель, который вместе с тобой находится в поисках истины. Студенты как равные приглашались на заседания Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, и сами ученые приходили к ним для совместного обсуждения научных проблем. Древнерусский семинар Натальи Сергеевны был своего рода клубом, где каждый делился с другими научными и культурными новостями. При этом все новое, что появлялось на страницах журналов или «Литературной газеты», обсуждалось, аккумулировалось умом и душой и позволяло участникам семинара ощущать свои знания не сухими штудиями, а живыми, злободневными, эстетически современными. В те сложные 1970-е гг. в древнерусском семинаре царил дух подлинной научной свободы – не случайно семинаристы были постоянными участниками «левых» ученых конфессий, как средневековые студиозусы, путешествуя от Тарту до Новосибирска.

В дальнейшем не всем из того давнего товарищества «воссиявших духом» древнерусской литературы было суждено пройти путь ученого-древника. Но большинство, кем бы они потом ни стали, чем бы ни занимались и где бы ни находились, с благодарностью вспоминают свое тогдашнее Отечество – семинар по древнерусской литературе Натальи Сергеевны Демковой – особое пространство юного, наивного и светлого мира ученого братства.

Т. Ф. Волкова (Сыктывкар)**

T. F. Volkova

Для всех участников семинара знакомство с Натальей Сергеевной началось с ее лекций по древнерусской литературе. Они производили поразительное впечатление: открывался огромный мир многовековой литературы, доселе неизвестной большинству из нас. Но это было не просто узнавание нового, нам не только пояснялись особенности средневековой русской литературы, но люди далекого прошлого вдруг переставали быть некоей безликой массой, они становились близкими, их беды и переживания оказывались понятными. При этом Наталье Сергеевне удавалось вовлечь нас в процесс «разгадывания» тайн, окружающих почти каждое произведение литературы Древней Руси, мы начинали осознавать, что такое научное исследование. В работе спецсеминара участие принимали не только студенты III–IV курсов, но и второкурсники, и пятикурсники, и аспиранты, и выпускники. Среди постоянных участников в то время были Н. М. Герасимова, Л. А. Итигина, М. В. Рождественская, Е. К. Пиотровская, Е.Н. Мещерская, Л. И. Сазонова. На занятиях обсуждались статьи известных

** Опубликовано в книге: О древней и новой русской литературе: сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 308–311.

ученых, проблемы, находившиеся в центре внимания исследователей, доклады участников семинара, сообщения аспирантов. А как интересны были рассказы о научных студенческих конференциях! Наталья Сергеевна считала необходимым, чтобы ее студенты принимали участие в научных конференциях не только Ленинградского университета, но и в Тарту, и в Новосибирске, и во Львове. Когда не было финансовой возможности организовать археографическую экспедицию ЛГУ, она хлопотала о том, чтобы студентов взяли с собою те, кто такие экспедиции устраивал: Институт истории и филологии Сибирской Академии наук, Библиотека Академии наук, Сыктывкарский университет и др. Благодаря этому бесконечно расширялась «география» Семинара.

Наталья Сергеевна настаивала на том, чтобы студенты ее семинара регулярно посещали заседания Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, руководимого Д. С. Лихачевым. Это была блестящая научная школа: сами доклады, вопросы, обсуждения, жаркие дискуссии, заключительное слово Дмитрия Сергеевича, всегда яркое и поучительное.

А сколько времени отдавала Наталья Сергеевна нашим работам! Тема подбиралась по интересам и характеру студента. Когда она разбирала написанную работу, то всегда доброжелательно подчеркивала достоинства (или то, что могло бы стать ими) и в высшей степени корректно говорила о «неточностях». Окрыленный студент исправлял эти самые «неточности». В результате такого исправления появлялась, как правило, совсем другая работа. После второго чтения становилось очевидным, что необходимо немного отшлифовать небольшие недочеты, потом – совсем крошечные и т. д. При этом Наталья Сергеевна никогда не навязывала своих взглядов на анализируемое произведение, лишь помогала студенту найти наиболее точные доказательства, расширить поиск дополнительных сведений, логично и точно излагать свою точку зрения. Потому каждая работа сохраняла индивидуальность ее написавшего.

Замечательная атмосфера семинара у каждого из его участников в последующие годы трансформировалась в новые формы жизни: у кого-то выливаясь в научные статьи и книги, у кого-то в воспитание умных и устремленных к знаниям детей, своих и чужих: аспирантов, студентов, школьников. В далеком северном Сыктывкаре в молодом университете возник «дочерний» семинар по изучению древнерусской литературы, выпускники которого стали впоследствии аспирантами Н. С. Демковой и защитили кандидатские и докторские диссертации (Т. Ф. Волкова, М. В. Мелихов, А. Н. Власов, Е. А. Рыжова).

Разные поколения семинара Н. С. Демковой постоянно встречаются на тропях научной жизни, и часто эти тропы пролегали по берегам северных рек и озер, соединяя в единое братство всех птенцов демковского «хороброго гнезда». Выпускники старшего поколения становились оппонентами на защитах дипломных работ младших членов семинара, ученики «старших» встречались с представителями нового поколения демковского семинара в стенах Alma Mater для обсуждения своих работ. При этом Наталья Сергеевна всегда умела интересно

подать результаты работ «старших» начинающим научную жизнь новым своим ученикам.

О тех первых годах работы семинара по древнерусской литературе на филологическом факультете Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета вспоминала в 1982 г. в своем стихотворном посвящении Наталье Сергеевне Демковой одна из тогдашних его участниц, ныне профессор кафедры русского языка СПбГУ, Т. В. Рождественская. Это стихотворение, приводимое ниже, требует некоторых пояснений. «Во владеньях угрофинов» – имеется в виду помещение кафедры фино-угорской филологии, где за неимением другой аудитории часто проходили занятия Семинара. «Гардеробщик Фима», которого помнит не одно поколение ленинградских филологов, – Ефим Григорьевич, почитатель русской литературы и многих профессоров факультета, верный друг и заступник студентов. В те годы гардероб (или попросту раздевалка) работал с раннего утра до позднего вечера, и никто не ходил по коридорам в пальто. Ефим Григорьевич всегда дожидался последнего студента. Приведем это стихотворение Т. В. Рождественской, датированное 1-м февраля (день рождения Н. С. Демковой), полностью.

На утре памяти неверной
Я вспоминаю Семинар,
Когда Вы сей венок из терний
Спокойно приняли как дар.
Тогда, заботы все откинув
(Хоть и пьянила нас весна),
Мы во владеньях угро-финнов
Засиживались дотемна.
Вы так учили верить в разум,
В науки подлинный накал,
Что Лазарь спорил с Китоврасом,
Акир с Евгеником рыдал.
Там речь свою вплетал Татищев
В барочный польский перевод.
Надежней метода не сыщешь,
Чем текстологии оплот.
Сердился гардеробщик Фима,
Косился на «ученых дам»...
Нас робко сманивал Максимов
И Бялый улыбался нам.
К ним забредали мы украдкой,
И в этом, право, нет вины,
Ведь рукописною тетрадкой
Мы крепко переплетены.

И не отдать нам первородства,
И чечевицы нет в горсти.
Храни, высокое юродство,
Твоих приверженок в пути.
И не забыть мне, как в просторах
Земли за Северной Двиной
Несли то под гору, то в гору
Мы рукописи за спиной.
Так окрыленно, так напевно
Произнесет из нас любой:
«Мы Вас, Наталия Сергеевна,
Храним как первую любовь»!

Э. Малэк (Лодзь-Варшава)

E. Malek

В сентябре 1965 г. я (вместе с группой студентов-отличников Варшавского университета) приехала в Ленинград, чтобы продолжить учебу на русском отделении Ленинградского государственного университета. Прослушав увлекательные лекции по древнерусской литературе, читанные Паулиной Левин, я старалась найти возможность ближе познакомиться с культурой Древней Руси.

Преподавательский состав филфака был блестящий. На кафедре русской литературы работали тогда В. Я. Пропп, П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко, Г. А. Бялый и др. Но особо хочу отметить харизматическую роль тогдашнего ассистента каф. истории русской литературы Натальи Сергеевны Демковой, ученицы И. П. Еремина, которая после его скоростижной смерти стала читать на факультете лекции по древнерусской литературе (до 1964 г. она работала в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома) и вести спецсеминар для студентов дневного и вечернего отделения. Благодаря ее небывалой энергии и педагогическому таланту скромные до того времени ряды «древников» стали заметно расти. Своим интересом к древнерусской письменности она заразила многих студентов, которые с 1967 г. вместе с ней совершали археографические экспедиции по заповедным местам русского Севера, собирая древние рукописи и старопечатные книги, а потом описывали их и передавали на хранение в рукописные отделы Пушкинского Дома и университетской библиотеки. Я безмерно счастлива, что мне удалось попасть в Ее семинар по древнерусской литературе (кстати, я была тогда единственной иностранкой, выбравшей эту трудную специализацию, мои подруги предпочли языкознание), где царил атмосфера научного поиска и взаимной доброжелательности. В семинарах участвовали не только студенты III–V курсов, готовившие свои курсовые и дипломные работы, но и первокурсники, и второкурсники, и аспиранты.

Там обсуждались их первые научные доклады, шлифовался язык, умение публично защищать свою точку зрения.

Наталья Сергеевна не щадила своего свободного времени, а консультации проводились не только на кафедре, где всегда стоял шум и где толпились многие преподаватели со своими студентами, но и в гостиной прекрасной квартиры Демковых. Муж Натальи Сергеевны – известный физик Юрий Николаевич Демков, специалист по квантовой механике, радушно встречал студентов и аспирантов – своих и своей жены, на столе нередко появлялось хорошее легкое вино, которое развязывало языки, но не помрачало умов. Там же праздновались защиты дипломных работ и даже дни рождения иногородних и иностранных студентов.

Наталье Сергеевне удавалось вовлекать своих семинаристов в работу Студенческого научного общества. Так, например, в студенческой научной конференции, которая проходила с 29 марта по 6 апреля 1968 года на филологическом факультете Ленинградского университета, приняли участие 4 ее студентки – две пятого, одна четвертого и одна третьего курса. В Программе, которая у меня сохранилась, найдем следующие имена студентов ЛГУ, подготовивших доклады под руководством Н. С. Демковой: М. Рождественская, V к. – «К вопросу о реконструкции древнейшего текста „Слова о Лазаревом воскресении”»; Э. Малек, V к. – «Повесть о астрологе Мустаедыне – неизвестный русский перевод XVII века»; Е. Мещерская, IV к. – «Рыдания Иоанна Евгеника о падении Царьграда»; Л. Сазонова, III к. – «Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева (в «Истории Российской»)». На эту конференцию СНО, в секцию древнерусской литературы, где выступали ученики Натальи Сергеевны, пришли не только студенты, но и сотрудники Сектора древнерусской литературы ИРЛИ: Я. С. Лурье, О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев, Ю. К. Бегунов, М. Д. Каган, научный секретарь ежегодника «Труды Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) М. А. Салмина, а также Н. Н. Розов и Н. А. Мещерский. Все участвовали в обсуждении наших докладов, а мы старались как можно лучше отвечать на их замечания. Наталья Сергеевна настаивала на том, чтобы мы регулярно посещали заседания Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома и прислушивались к выступлениям и научным прениям по их поводу. А когда наши работы приобретали вполне удовлетворительную форму, то мы тоже имели возможность выступить в Малом конференцзале Пушкинского Дома, а руководящий Сектором акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев, который вел заседания, всегда находил способ ободрить новичка, показать сильные стороны его доклада и так высказать замечания, чтобы молодой докладчик не чувствовал себя неловко. Мое выступление 30 октября 1968 г. было встречено доброжелательно, и мне предложили написать по нему статью в

ТОДРЛ. Наталья Сергеевна позаботилась и о том, чтобы заведующий кафедрой написал (вернее, подписал) характеристику, с которой я могла уехать на родину и хорошо устроиться на работу.

Наталью Сергеевну Демкову впервые я увидела на экзамене по древнерусской литературе. Мы с Леной Кукушкиной решили сдать несколько экзаменов досрочно, чтобы разгрузить летнюю сессию, и выбор пал на древнерусскую литературу.

Все мы пришли на филфак с разной подготовкой, интересы наши еще не вполне определились, мы были в процессе поиска. У нас, ленинградцев, в отличие от иногородних студентов-заочников, было большое преимущество. Они приезжали в Ленинград лишь два раза в году, зимой и летом, и вынуждены были во время сессии и слушать лекции, и сдавать экзамены, а мы имели возможность слушать лекции в течение всего учебного года – даже на дневном, а чаще – на вечернем отделении. Мы старались увидеть и услышать прославленных профессоров – Н. А. Мещерского, В. Я. Проппа, Г. А. Бялого, Г. П. Макогоненко, В. М. Жирмунского.

Я очень хотела заниматься общим языкознанием и германистикой, куда меня, естественно, не приняли, несмотря на отлично сданный экзамен по немецкому, и я ходила на лекции Р. В. Пазухина (введение в языкознание), А. В. Федорова (теория перевода), Т. А. Ивановой (старославянский язык), и, конечно, на практические занятия по немецкому языку. Я думала, что, если отлично сдам экзамены за первый курс немецкого отделения, то меня с удовольствием переведут на немецкое. Однако, когда я обратилась в деканат с этой просьбой, то мне не только отказали, но и вообще запретили посещать групповые занятия по немецкому языку. Это я теперь знаю, что немецкое отделение, также как и английское, было не только престижное, но и номенклатурное (об этом писал Б. Ф. Егоров в своей книге «Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания» (Томск, 2001. С. 396).

Я была совершенно раздавлена этим отказом и не понимала, что же теперь делать, а вот моя подруга, Лена Кукушкина, знала: нужно успешно сдать надвигающуюся сессию! А для этого – необходимо ее «разгрузить», то есть сдать несколько экзаменов досрочно, чтобы можно было больше времени уделить подготовке оставшихся предметов. Сама она целый год слушала курс древнерусской литературы на вечернем отделении, поэтому не видела никакой необходимости слушать его еще раз, в сокращенном виде, на заочном. Древнерусскую нужно сдать и забыть о ней навсегда! На том и порешили. Мы засели за книги, и через несколько дней явились на экзамен. Лена сдала с первой попытки, да еще блеснула перед Натальей Сергеевной такими сведениями о протопопе Аввакуме, которых даже не было в учебниках. Эти исследования принадлежали самой Наталье Сергеевне, и узнать о них можно было только на ее лекциях (о существовании научных публикаций в ТОДРЛ мы тогда еще понятия не имели).

Я же на лекции Натальи Сергеевны не ходила, а учебник Н. К. Гудзия до конца дочитать не успела, поэтому о Симеоне Полоцком не могла сказать ни слова – до XVII века «не дошла». Пришлось мне всерьез заняться изучением древнерусской

литературы самостоятельно, а экзамен сдавать уже со всей группой. Вместе с «пятеркой» я получила приглашение в спецсеминар к Наталье Сергеевне и в археографическую экспедицию. После экзамена Наталья Сергеевна спросила меня, зачем же так уж нужно было сдавать досрочно, и вспомнила, что похожая история была и с ней когда-то.

Теперь я понимаю, что эта встреча была главным событием моей жизни. Она определила все: круг научных интересов и научный уровень; круг общения, друзей и подруг, и в конечном счете образ и смысл жизни. Образовался некий микро- или макрокосм, который постоянно, до сегодняшнего дня, углубляется и растет, и будет еще расти, потому что иногда, неожиданно, выявляются все новые связи в прошлом, появляются уже наши ученики, которые тоже входят в этот мир, центром которого всегда была, есть и будет Н. С. Демкова.

Как это объяснить? Почему? Прежде всего, нужно подробнее рассказать о нашем семинаре. Все, кто учился на филфаке, знают, что такое спецсеминар: каждый студент-филолог на третьем курсе обязан выбрать для себя семинар в соответствии со своими интересами и к концу года написать по избранной теме курсовую работу. Можно было каждый год менять руководителя и, соответственно, тему курсовой. Студенты меняли руководителей, преподаватели – студентов, и это было обычно, даже хорошо для учебного процесса.

Не так обстояло дело только в семинаре по древнерусской литературе. В этот семинар студенты приходили, но, практически, уже никогда из него не уходили. Во-первых, потому, что Наталья Сергеевна сама приглашала в семинар лучших студентов, у которых она только что принимала экзамены. Занятия в семинаре сочетались с обязательным курсом русской палеографии у Н. Н. Розова в рукописном отделе Публичной библиотеки. Мы допускались в «святая святых», держали в руках подлинники рукописи, изучали особенности пергаменных и бумажных манускриптов, водяные знаки, почерки, писцовые приписки. До сих пор я испытываю особый трепет и восторг, открывая дверь древлехранилища и вдыхая этот незабываемый запах рукописных книг, «запах веков». Кто узнал эту страсть, вряд ли когда-нибудь расстанется с нею. Сколько времени мы проводили в библиотеках! Помню, Лена Пиотровская даже в день собственной свадьбы не удержалась, прибежала в рукописный отдел Публички, чтобы что-то еще уточнить, и потеряла сознание от переутомления.

А как же после этих занятий с рукописями выросли наши успехи по старославянскому языку! Экзамен мы с Леной сдали, по обыкновению, досрочно, еще осенью! А зимой, когда сдавала вся группа, мы вручили Татьяне Аполлоновне огромный букет красных гвоздик, специально ездили за ним на Кузнечный рынок в тридцатиградусный мороз! Татьяна Аполлоновна благодарила и особенно была растрогана тем, что букет ей преподнесли мы, «самые любимые ученицы – Кукушкина и Азволинская».

Через какое-то время мы с Леной Кукушкиной стали неразлучной парой, единым целым, почти как знаменитые эстрадные юмористы тех лет – Миров

и Новицкий, Шуров и Рыкунин, Миронова и Менакер. Николай Николаевич Розов, встречая где-нибудь одну из нас, непременно спрашивал, где же другая. И действительно, мы стали совершенно неразлучны, особенно после летней археографической экспедиции на север, в Архангельскую область. Такие «археографические пары» создавались, как выяснилось со временем, на всю жизнь: Лена Пиотровская – Люба Итигина, Таня Волкова – Надя Лит-винова, Люба Ярошенко – Таня Махновец, Глеб Маркелов – Сережа Фролов, Наташа Герасимова – Лена Шварц, Нина Кудрявцева – Лиза Семенова, ну, и, конечно, сестры Татьяна и Милена Рождественские. Экспедиция – это проверка как профессиональная, так и человеческая. Здесь никого обмануть нельзя – ни друг друга, ни информантов, которые открывают перед тобой и свой дом, и свою душу.

А душой всего нашего сообщества, нашего семинара, была Наталья Сергеевна Демкова. Ее неизменная доброжелательность, вера в человека, открытость, готовность помочь всегда и во всем, морально и материально, открытый дом, где мы научились всему – и править корректуры, и писать свои доклады, и исследовать тексты, и даже принимать иностранных гостей! Нам повезло, как мало кому везет в жизни! Мы, сами того не зная, оказались в кругу ученых, преемников русской демократической научной школы, когда учеников выращивали, пестовали и учили, как собственных детей, своим собственным примером! И, хотя, говоря о ленинградской научной школе, мы называем имена знаменитых ученых, известных в стране и в мире, подлинным создателем ленинградской научной школы в области древнерусской литературы является Наталья Сергеевна Демкова. Нет ни одного специалиста-«древника» – выпускника Ленинградского университета, начиная с 60-х годов XX в. вплоть до конца 10-х годов нынешнего XXI в, который бы не учился у Натальи Сергеевны, и в работы которого она не вложила бы свой труд, ум и душу.

Помню, как перед моим первым докладом на научной студенческой конференции я позвонила Наталье Сергеевне и очень подробно объясняла ей, почему я не смогу выступить. Она велела мне тут же приехать, мы сели рядом, и я рассказала ей все, что думаю по своей теме. Наталья Сергеевна только сказала: «Вот это все и напишите!», усадила меня за письменный стол, и за ночь я написала доклад! И, кажется, даже получила за него похвальную грамоту.

Эта близость – духовная и душевная – с нашим Учителем оставалась у нас на протяжении всей последующей «взрослой» жизни.

Т. Ф. Волкова
T. F. Volkova

УЧИТЕЛЬ. НАСТАВНИК. ДРУГ

TEACHER. MENTOR. FRIEND

В своих воспоминаниях о Наталье Сергеевне Демковой проф. кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина рассказывает о своей жизненной встрече с Н. С. Демковой, о личности своего Учителя, о том, что она получила от дружбы с Натальей Сергеевной и трудном опыте своего ученичества, который так пригодился ей позднее, когда она стала преподавателем древнерусской литературы в Сыктывкарском университете.

Ключевые слова: воспоминания, Н. С. Демкова как учитель и наставник, семинар по древнерусской литературе в ЛГУ.

In his memoirs about Natalia Sergeevna Demkova prof. Department of Russian Philology, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, talks about her life meeting with N. S. Demkova, about the personality of her Teacher, what she received from her friendship with Natalia Sergeevna and the difficult experience of her apprenticeship, which was so use-ful to her later, when she became a teacher of ancient Russian literature at Syktyvkar Univer-sity

Keywords: memoirs, N. S. Demkova as a teacher and mentor, a seminar on Old Russian literature at Leningrad State University.

Моя встреча с Натальей Сергеевной Демковой произошла на первой лекции по древнерусской литературе в ЛГУ в начале сентября 1966 г. С небольшим опозданием в аудиторию буквально влетела, как комета, молодая женщина с пузатым потертым кожаным портфелем, и из-за кафедры полился ее высокий совершенно девичий голос, который у Натальи Сергеевны сохранялся почти до самого конца ее земной жизни. Этот голос завораживал, притягивал и отодвигал смысл слов на задворки сознания. Постепенно начала вслушиваться и уже не смогла ни на что отвлекаться. И вся большая аудитория, заполненная до отказа первокурсниками, точно так же, как я, заворожено слушала лектора. После звонка я подошла к Наталье Сергеевне, решившись задать ей мучившие меня вопросы по книге В. О. Ключевского о ранней истории Руси, поскольку, не пройдя в предшествующем году по конкурсу на филфак ЛГУ, я решила, что история у меня – самое «слабое звено» и усиленно стала изучать ее с самого начала – с Киевской Руси, при этом так увлеклась, что дальше первого тома у Ключевского не продвинулась. И там были какие-то вопросы. Наталья Сергеевна выслушала и, видимо, удивившись такому проникновению в глубины русской истории весьма странной особы с наполовину отросшими после покраски волосами, в каком-то невзрачном бутылочного цвета балахоне и смешных очках, решила пригласить меня и мою подругу Надю Литвинову, которая безмолвно мне ассистировала в этом диалоге, в Отдел рукописей Библиотеки

Академии Наук (БАН) на отчет наших студентов, принявших участие в экспедиции Пушкинского Дома (Института русской литературы АН) за древними рукописями на Русский Север. Так началось мое вхождение в предназначенную мне свыше (я в этом убеждена!) Судьбу, ибо поступи я в первый год после окончания школы в ЛГУ, я бы не встретила с Натальей Сергеевной, не читавшей тогда еще лекции на дневном отделении филологического факультета, и моя жизнь пошла бы не по моему сценарию.

Наталья Сергеевна не только замечательно читала лекции, но и всегда чувствовала особенности своих учеников и давала им такие темы, которые были им близки по типу личности, могли заинтересовать. На втором курсе она предложила мне взять в просеминаре, которым руководил Николай Иванович Тотубалин, тему по «Слову о полку Игореве» (проблема подлинности памятника), видя мою большую заинтересованность этим бессмертным памятником древнерусской литературы. На третьем курсе, после экспедиции на Пинегу, Наталья Сергеевна предложила мне исследовать повесть об иконе Троицы, обнаруженной неким крестьянином на дороге и о ее дальнейших приключениях, которую я лично нашла в одном из старообрядческих пинежских домов и смогла ее выпросить у хозяина. Наталья Сергеевна, учтя мою плохо скрываемую гордость за такое приобретение, сразу поняла, какую тему мне предложить. Такая тема позволила мне с вдохновением провести исследование и даже опубликовать материалы курсовой работы в сборнике Пушкинского Дома, который вышел вскоре после окончания мною университета [1]. Работа над статьей приобщила меня к научным исследованиям, и мой дальнейший путь был определен. Так продолжалось и дальше, и не только со мной.

Поездки за рукописями (особенно первая – летом 1967 г. после первого курса) сблизили меня с Натальей Сергеевной, хотя разница в возрасте между нами, пусть на самом деле и небольшая (всего в 15 лет), создавала все-таки некоторую дистанцию, которая постепенно исчезала с моим взрослением. В экспедициях с Натальей Сергеевной мы жили под ее девизом «Еда и сон – потеря темпа», с которым наши молодые организмы соглашались с трудом. А сама Наталья Сергеевна была неутомима, могла пройти много километров, мало спать и почти ничего не есть. Если где-то в дороге ей попадался человек, перспективный с точки зрения возможности что-то от него узнать о владельцах старинных книг, она сразу завязывала с ним разговор. Так было, например, на борту парохода «Карелия», на котором мы в середине первой экспедиции на Север ехали на Соловки. Наталья Сергеевна там нашла себе собеседницу и долго с ней общалась на палубе, пытаясь разведать, не знает ли она, у кого из жителей этих мест могут быть старинные книги. В одной из экспедиций Наталья Сергеевна каждое утро вброд переходила холодную речушку, чтобы далеко не обходить посуху, достигая нужного села, где водились рукописи. Это впоследствии привело к одной из самых мучительных ее болезней, связанных с ногами, которую Наталья Сергеевна, как и все другие свои болезни, переносила мужественно и стойко.

Я имела возможность впоследствии, когда сама, поступив на работу в Сыктывкарский университет, стала руководить археографическими экспедициями, убедиться, насколько человеческий облик Натальи Сергеевны глубоко входил в души тех, с кем из местных жителей-старообрядцев ей доводилось общаться. Например, усть-цилемская старообрядческая наставница Федосья Ефимовна Чупрова, только однажды пообщавшись с Натальей Сергеевной, когда та приезжала в Усть-Цильму со студентами Ленинградского университета [3], уже не могла ее забыть до самой своей смерти. И каждый раз, когда мы приезжали в Усть-Цильму и посещали Федосью Ефимовну, она первым делом расспрашивала нас о здоровье и семейной жизни Натальи Сергеевны – о ее муже Юрии Николаевиче Демкове, известном физике, о ее детях. За этими пристрастными вопросами ощущался глубокий личный интерес простой устьцилемки к посетившей ее женщине-ученому. И сама Наталья Сергеевна, обладавшая хорошей памятью, помнила множество рассказов, услышанных в экспедициях от староверов, зачастую имевших многострадальную судьбу, а иногда и юмористические эпизоды из их жизни, которым и сама была свидетель. Об одном из таких эпизодов, произошедших в доме Ф. Е. Чупровой, я неоднократно слышала от Натальи Сергеевны и даже включила его в написанную позже статью об усть-цилемской наставнице [2]. Очень живо Наталья Сергеевна пересказывала и другие услышанные от людей, с которыми свела ее жизнь, смешные истории. Таким человеком была, например, Валентина Георгиевна Апостолова, которая в течение долгого времени помогала Наталье Сергеевне по хозяйству, жила подолгу в ее доме, оставив свою сыктывкарскую квартирку и пристроив к знакомым любимую кошку. Валентина Георгиевна очень любила и ценила Наталью Сергеевну, и это было взаимно. Наталья Сергеевна умела надолго привязывать к себе людей самого разного возраста и социального положения. Покинув Наталью Сергеевну по семейным обстоятельствам, тётя Валя, как мы все звали Валентину Георгиевну (т. к. ей это больше нравилось, чем официальное имя-отчество), вскоре ушла из жизни, но Наталья Сергеевна до самых последних дней с благодарностью вспоминала ее и очень артистично пересказывала разные «байки» тётя Вали.

Вообще благодарность была одним из ведущих человеческих качеств Натальи Сергеевны. Она никогда не забывала любое, даже самое маленькое, доброе дело, сделанное для нее, иногда благодарила не сразу, а найдя для этого особо подходящий момент в жизни помогшего ей человека, когда ответная благодарность для него была особенно актуальна.

Еще одно качество Натальи Сергеевны меня всегда поражало: это обостренное чувство справедливости, которое иногда, в силу страстности ее натуры, производило впечатление субъективности, когда тебе не были известны все обстоятельства произошедшего. Зачастую Наталья Сергеевна, обращаясь ко мне как слушателю, анализировала какую-то ситуацию, объясняя каждый ее нюанс, и из этого анализа становилась очевидной ее правота, объективность, хотя без этого «разбора полётов» случившееся иногда представало в несколько ином виде. И зачастую я

с ужасом ловила себя на мысли, что и сама могла, не обдумав своего поступка, поступить так же. При этом иногда Наталья Сергеевна в какой-то момент начинала осознавать и свою собственную несправедливость по отношению к какому-то человеку и всегда находила возможность пересмотреть свои оценки и признать, что была несправедлива. Это умение и способность Натальи Сергеевны поменять мнение о человеке достаточно негативное на почти противоположное, если этот человек совершал какой-то благородный поступок, тоже удивляло и восхищало.

Но все эти беседы о разных происшествиях, которые со мной обсуждала Наталья Сергеевна, происходили уже позже, когда я повзрослела, закончила университет и стала работать сначала в Перми, в областной библиотеке им. М. Горького, затем в Сыктывкарском университете. Пятнадцать лет разницы в возрасте постепенно как-то предельно сократились, и я помимо Учителя и Наставника обрела в лице Натальи Сергеевны настоящего друга, близкого человека, которому могла рассказать все свои проблемы, не только научные, но и личные. Она знала все мои секреты до единого и сама много мне рассказывала о своей непростой судьбе. И это стало такой школой жизни, которая помогала мне преодолевать все мои проблемы и невзгоды.

Никогда не забуду ночные часы, порой до самого рассвета, которые протекали в квартире Натальи Сергеевны в самых разнообразных разговорах широчайшего диапазона – от политики, к которой Наталья Сергеевна относилась очень серьезно и страстно, как и ко всему остальному, до эпизодов личной жизни, которые волновали, не могли забыться. Эти ночные бдения были прекрасной компенсацией за те сложности общения с любимым «шефом», которые существовали и иногда доставляли мне искреннее огорчение. Наталья Сергеевна была вспыльчивым человеком, могла и обидеть резким и весьма выразительным словом. Но вскоре, отойдя от вспышки, раскаивалась и слала смс или звонила и извинялась за сказанное в очень трогательных выражениях. Но такие гневные выпады она позволяла себе только по отношению к близким людям, и когда вдруг она начинала с тобой говорить вежливо и «этикетно», я всегда пугалась, потому что понимала, что я из-за своих каких-то неправильных поступков перешла в разряд «других», не близких людей, начинала перебирать все свои слова и поступки недавнего времени, чтобы найти причину такой перемены. Такой сложный характер мог вынести не каждый, особенно тот, кто не знал Наталью Сергеевну хорошо, кто не дорожил ее вниманием и расположением. Может быть поэтому в последние годы жизни Наталья Сергеевна очень страдала от одиночества, от отсутствия ежедневных звонков и частых посещений людей, с которыми она могла поговорить на профессиональные темы. Поэтому она часто звонила мне или М. В. Мелихову по телефону и читала нам удивительные телефонные лекции, чаще всего о протопопе Аввакуме, которого она воспринимала как близкого, хорошо ей знакомого и во многом понятного человека. Она так хотела передать окружающим свое понимание его как личности, которое к ней пришло в результате глубокого изучения его творчества, во многом автобиографического!

Хочется вспомнить и о методах научно-исследовательской работы Натальи Сергеевны. Она, как мне кажется, была больше «говорящим», чем пишущим исследователем, неоднократно признавалась мне, что писание научных статей дается ей с трудом. Мне это казалось «наговором» на себя, т. к. писала Наталья Сергеевна много и ее статьи казались идеально написанными по форме и содержанию. Но со временем я поняла, что она имела в виду. Берясь за многие научные заказы, Наталья Сергеевна почти всегда не укладывалась в намеченные издателями сроки. Статья появлялась после звонков и просьб автора об отсрочке, о предоставлении ей возможности поработать еще день-другой. Те, кто знал Наталью Сергеевну как ученого, всегда выполняли ее просьбы и оттягивали сдачу сборника, где не хватало ее статьи, потому что не сомневались, что статья будет прислана и очень хорошая статья. Иногда мне приходилось, например, передавать ее статью с кем-то, едущим в Москву поездом, или летящим на самолете в другой город, так как другого способа быстро доставить ее адресату не было. Интернет, конечно, снял эту проблему, но он появился сравнительно недавно. Максимализм Натальи Сергеевны по отношению к тому, что выходило из-под ее пера и должно было стать достоянием многих, поражал. Я видела, сколько вариантов одних и тех же абзацев, фраз и отдельных слов рождалось в процессе доработки статьи. И только сравнивая эти многочисленные варианты, я понимала, что выбран самый лучший и насколько он более точен и более выразителен, чем предыдущие. Прежде чем написать свой текст, Наталья Сергеевна прочитывала гору литературы, делая многочисленные выписки на маленьких карточках. Они копились от работы к работе, как впоследствии и компьютерные распечатки с правкой рукой Натальи Сергеевны. Она, к сожалению, так и не смогла освоить компьютер, хотя и пыталась это сделать. Ее ученики помогали ей в наборе текстов и терпеливо исправляли уже написанное и распечатанное. Все это затягивало работу, но в результате получалась статья, которая вызывала восхищение, и забывались все усилия, которые были приложены не только автором, но и его помощниками в процессе ее создания.

Зато устные рассказы Натальи Сергеевны давались ей легко и доставляли ей самой много радости и удовлетворения. Она сделала много докладов на разных конференциях, особенно в университете и Пушкинском Доме, но, к сожалению, не все свои яркие выступления она смогла превратить в статьи и порой находила свои идеи, произнесенные с научных кафедр во время конференций, в работах других исследователей, всегда огорчаясь по этому поводу. Одна моя знакомая, которая знала Наталью Сергеевну только по моим рассказам, как-то сказала, что на такого человека должен был бы работать целый научный институт. Я с этим совершенно согласна. Глубокий острый ум Натальи Сергеевны рождал множество интереснейших идей, но воплотить их в строки статей и монографий далеко не всегда ей удавалось. Домашние проблемы, быт, семья – всё отвлекало от любимой работы, требовало затраты сил и энергии. Не случайно Наталья Сергеевна любила творчество Марины Цветаевой. Она была ей близка по типу личности, по проблемам, которые были в ее судьбе. Наталья Сергеевна покупала во время

заграничных поездок книги о Цветаевой, зарубежные издания ее стихов, писем и с удовольствием читала их. Судьбу этого уникального поэта она принимала близко к сердцу и очень глубоко понимала поэзию Цветаевой.

Отмечу еще одно качество Натальи Сергеевны как ученого, которое всегда меня поражало. Это ее умение в казалось бы глубоко и широко исследованном другими учеными памятнике древнерусской литературы открыть новые идеи, усомниться в казалось бы общепринятой его датировке, увидеть другие грани его жанровой формы. Так было и со «Словом о полку Игореве», датировку которого Наталья Сергеевна пересмотрела [5], так было с «Повестью о Петре и Февронии муромских», в которой она разглядела приметы притчи [4], работая над рецензией на исследование Р. П. Дмитриевой [6], так было и со «Словом о погибели русской земли», работа о котором так и осталась незавершенной, хотя свои оценки исторической подоплеки Слова Наталья Сергеевна изложила в одном из своих научных докладов.

Я считаю себя счастливой, потому что в моей жизни был такой удивительный человек – Наталья Сергеевна Демкова. В ходе одного нашего с ней разговора на разные темы, произошедшего сравнительно недавно, Наталья Сергеевна вдруг сказала: «Как бы мне хотелось, чтобы вы написали книгу обо мне!», а я с грустью подумала, что так и не приучила себя записывать наши беседы, а в научном плане занималась совсем другими темами, на которые вывела меня судьба, также определенная волей Натальи Сергеевны – именно от нее я получила приглашение поехать на работу в Сыктывкарский университет и именно в тот момент, когда работа в библиотеке меня начала тяготить и очень хотелось преподавать в вузе. И это приглашение – тоже результат жизненной позиции Натальи Сергеевны – всегда помогать тому, кто к ней обращается. Дело в том, что за несколько лет до этого она проконсультировала по курсу древнерусской литературы одну выпускницу Ленинградского университета, специализировавшуюся в ЛГУ по новой литературе, которая приехала работать в Сыктывкар и получила при распределении нагрузки курс древнерусской литературы. И эта консультация, данная ей Натальей Сергеевной, по-видимому, была столь обстоятельной и доброжелательной, что уезжая из Сыктывкара, эта преподавательница сначала обратилась к Наталье Сергеевне с предложением направить в Сыктывкар кого-то из ее учеников. Наталья Сергеевна, хорошо зная меня, почувствовала мою неудовлетворенность библиотечной деятельностью и послала мне телеграмму с просьбой срочно позвонить ей. Наша внутренняя связь к тому времени уже была так велика, что я сразу почувствовала, что Наталья Сергеевна предложит мне работу в каком-то вузе. Это было удивительное чувство, пронзившее меня, как говорится, с головы до пят, когда я держала в руках эту телеграмму и знала, что мне скажет Наталья Сергеевна.

Да, книгу о любимом учителе я вряд ли смогу написать, но я выбрала другую форму благодарности Наталье Сергеевне за то, что получила от нее в жизни: приехав в Сыктывкар и став преподавателем, я постаралась – в меру моих скромных возможностей – воссоздать ту атмосферу нашего демковского семинара, которая

так окрыляла нас всех – ее учеников, когда мы были студентами. В некотором смысле мне это хотя бы отчасти удалось в первые два десятилетия моей работы в СГУ, когда были еще такие возможности. Мы ездили в экспедиции в Усть-Цильму, а потом, когда пришло время обрабатывать собранное нами и нашими предшественниками, я стала привлекать своих учеников к научному творчеству и теперь имею возможность гордиться моими учениками – докторами и кандидатами наук и неостепененными сотрудниками разных научных и культурных учреждений нашей республики.

И все же я смогла в письменной форме выразить свою любовь и восхищение своим учителем: много лет назад, когда Наталье Сергеевне исполнялось 46 лет, я написала маленькую поэму, ей посвященную. Этой поэмой я и хочу закончить свои воспоминания, хотя так много еще осталось не написанного. Надеюсь, что мне удастся это сделать позже.

ПОЭМА ОБ УЧИТЕЛЕ

*Посвящается
проф. Санкт-Петербургского университета
Наталье Сергеевне Демковой.*

I

Прядь золотая.
Ах, диво-коса!
Эти смеющиеся глаза!
Эта улыбка –
от века на век!
Это страданье
за вся и за всех...
Нежность колючая, плен доброты.
Эти родные до боли черты.
Пальцев изящных загадка-игра
От полнолуния до утра.

Звонкого смеха
причудлива вязь.
Ах, как мне хочется взять и украсть
В мой сиротливо-безвольный покой
Голос пленительно-волевой!
Ах, как мне хочется
всякую боль
Заговорить ворожеей седой!

Синего глаза
насмешливый крик:
«Не забываетесь, мой ученик!»
Тихого взгляда
тайная явь:
Я – это вы, вы – это я.

II

Первая осень под пасмурным небом.
Есть ли тот город? Был или не был?
Волжского детства – по ветру – клочки...
В сердце – Ключевский,
под челкой – очки.
Искус свободы и плена призыв –
Самостоятельности азы.

В этот размеренно-праведный быт
Скоро, ах, скоро
жар-птица влетит.

Дверь нараспашку,
пузатый портфель,
Нимб золотой – ожила акварель.
Тонкого голоса страстный призыв –
Очарованье веселой грозы!

Даты, цитаты... Девственно чист
Мой от волненья не тронутый лист.

И, как подарок, пойманный взгляд
Вмиг приговором: медлить нельзя!

III

Дни, недели – мимо, мимо...
Семинары, Таня, Мила...
Пиотровской вдохновенье
И Литвиновское бремя!...

* Татьяна Всеволодовна и Милена Всеволодовна Рождественские (фото справа), Елена Константиновна Пиотровская, Надежда Николаевна Литвинова (ныне Барминская – фото слева) – подруги автора по древнерусскому семинару.

О, как мир стал ярко-шумен:
В Палестину шел игумен,
И премудрый Китаврас
Примирил со сказкой нас.
В заточенье плакал горько,
порождая споров муть,
Даниил-бедняк, а Горе
Молодцу терзало грудь.
Марфа плакала с Марией,
И на сотни верст окрест
Аввакумовское слово
Зажигало коми лес.
И над всем легко парила,
Сотни дел верша зараз,
Та, что ныне вдохновила
Сей бесхитростный рассказ.

IV

Ученичества сладкая мука.
Ариадны тончайшая нить.
Как сложна и прекрасна наука
Научить человека любить.

Научить доброте и терпению,
Погружению в душу строки,
Отвечать за любое решенье
Болью сердца и делом руки.

Научить непокорное время
Падать камнем и птицей лететь,
И еще научить вдохновенью
Не смиряться и не стареть.

Ученичества свежие раны.
Но однажды, входя в лабиринт,
Вдруг себя обретешь Ариадной,
Сохранившей бессмертную нить.

1978 г. Ленинград.

1. Волкова Т. Ф. Вновь найденная повесть XVII в. о мезенской иконе Троицы // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 136–143.

2. Волкова Т. Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Федосья Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. Вып. 3. Книга. Традиция. Культура. М.; Бородулино, 1996. С. 161–172.

3. Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 57–360.

4. Демкова Н. С. К интерпретации «Повести о Петре и Февронии»: «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма как притча // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика. Интерпретации. Источники: сборник статей. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1997. С. 77–95.

5. Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика. Интерпретации. Источники: сборник статей. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1997. С. 32–76.

6. Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсегян Анна Ашотовна – соискатель кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.

E-mail: barrso@mail.ru

Бровкина Татьяна Владимировна – заведующий отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки, аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

E-mail: tatjana-brovkina@rambler.ru

Бруцкая Людмила Андреевна – кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел

E-mail: lbruckaya@gmail.com

Волкова Татьяна Федоровна – д.ф.н., профессор доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Ефименко Владимир Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Лемешко Мария Дмитриевна – магистр филологии, заместитель заведующего отделом по организационной работе администрации Эжвинского района МО ГО «Сыктывкар»

E-mail: m-lemeshko@inbox.ru

Мелихов Михаил Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Сыктывкар.

E-mail melikhovm@mail.ru

Павлов Андрей Альбертович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

E-mail aapavlov@rambler.ru

Пыстина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

E-mail olga-pystina@yandex.ru

Тубылевич Руслана Евгеньевна – аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

E-mail tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Шишкина Лидия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail lidia_shishkina@mail.ru